

Вероника Мелан
**ИГРА РЕАЛЬНОСТЕЙ
БЕРНАРДА**

Annotation

Куда на этот раз занесет Бернарду умение телепортироваться с помощью мысли? Поможет ли оно сохранить жизнь одному из членов отряда специального назначения или выиграть битву против изворотливого врага на заброшенном уровне? И сможет ли любовь победить смерть? Ответы на все вопросы спрятаны на страницах новой книги, в которой мы вновь встретимся с хитрыми Смешариками, опасными, но оттого не менее притягательными киллерами и, конечно же, с холодным создателем Уровней — Дрейком. Читайте второй том одноименного романа!

Вероника Мелан

Игра реальностей

Бернарда

*Город
Переступи порог миров,
Коснись основы мироздания,
С судьбой отправься на свиданье
И пыль вдохни чужих дорог.*

*Он ждет тебя, большой и смелый.
Кто — Мир? Мужчина? Кто же он?
А может, предрассветный звон,
Что манит побороть пределы?*

*Вдохни. Шагни. Доверься сердцу.
Оно подскажет, где твой путь.
И жизни ты познаешь суть,
Открыв лишь внутреннюю дверь.*

— Ганька!

Возмущенный крик кухарки сотряс стены большой уютной комнаты с камином, в эту минуту щедро освещенной зимним солнцем.

— Ганька, убери оттуда лапы!

На крик Клэр отреагировали, казалось, даже засохшие цветы на тумбе, задрожав в вазе, а вот рыжая кошка, именованная сначала Огоньком, потом Фитильком, а затем и Ганькой, не повела и ухом, продолжая с любопытством и усилием проталкивать когтистую конечность в стоящую на диване клетку, наполовину заполненную маленькими круглыми глазастыми существами. Обычно кошка охотно отзывалась на любое из данных ей имен (особенно когда дело касалось очередного приема пищи), но в этот раз хитрый рыжий ум был полностью занят тем, как выудить из клетки хотя бы одну пушистую особь.

— Дина, она всех Смешариков сожрет!

— Если сожрет, тогда Дрейк с меня шкуру спустит, — смеясь, ответила я, входя в комнату и наблюдая за тем, как Клэр стягивает отчаянно цепляющуюся за обивку дивана любимицу. Смешно было еще потому, что брошенное один-единственный раз слово «смешарики» молниеносно прижилось в этом мире и теперь относилось к глазастым существам, сидящим в клетке. Другого названия у них не было все равно.

— Забери, пожалуйста, клетку в спальню. А то не пообедаем сегодня! Уже накрывать на стол пора.

— Хорошо, сейчас унесу. Мне все равно еще нужно раз двадцать перенестись — как раз успею, пока накрываешь.

Клетку с непонятными существами две с половиной недели назад вручил мне Дрейк, заявив о том, что теперь именно с их помощью я буду оттачивать телепортацию разумных объектов. Впервые взглянув на глазастых «нечто», напоминающих не то ожившие плюшевые игрушки, не то безротых и безухих гремлинов, я оторопело ткнула в них пальцем, держась, впрочем, на приличном расстоянии (вдруг где-нибудь в шерсти все же скрывается зубастая пасть?)

— Что это?!

— Не что, а кто. Это искусственно созданный подвид существ, обладающих памятью.

— А почему у них ни рук, ни ног?

— Чтобы не разбегались и не чинили дополнительных препятствий.

— А глаза зачем?

— Чтобы напоминали о том, что они живые.

Я недоверчиво покосилась на клетку, ожидая скрытого подвоха. На меня смотрели несколько десятков пар глаз, выражение которых не поддавалось расшифровке.

— Они мне не нравятся.

— А они и не должны тебе нравиться. Ты будешь их телепортировать с одного места на другое, чтобы мы смогли определить статистику потерь. Ежедневно по несколько сотен раз. Куда и откуда, меня не интересует. В конце каждой недели я буду проверять результаты: количество особей, качество памяти. Когда сможешь производить телепортацию без потерь в течение хотя бы семи дней, позволю работать с людьми. А теперь марш домой. Вместе с клеткой!

Так у меня появились Смешарики. И целый ворох работы дома в виде постоянных скачков по комнатам особняка.

Чтобы не шокировать повариху, одновременно занявшую нишу подруги, пришлось (с разрешения Начальника) посвятить Клэр в особенности моей работы: кто я и на кого работаю. Та, к моей радости, удивлялась недолго, к вопросу подошла прагматично, заявив, что «раз уж и такое на свете бывает, значит, оно зачем-то нужно», после чего со слоновьим спокойствием принялась изо дня в день наблюдать за моей эпопеей с клеткой, подавлявая меня время от времени на кухне, чтобы обсудить меню на день.

Как только клетка была убрана в спальню и накрыта тряпкой (накрывать Смешариков я приучилась из-за постоянно глазающих на меня очей), а Ганьке вход в заветную комнату закрыт, мы сели обедать.

— Как результаты на этой неделе? — с интересом спросила Клэр, намазывая теплую булочку маслом.

— Хорошо. Пока не потеряла ни одного. А память проверяет Дрейк, тут не знаю.

— Вот молодец! На прошлой неделе пропал один, так?

Оглядев «диетический» стол, ломившийся от блюд, я усмехнулась. Клэр есть Клэр.

— Да. И у одного стерлась память.

— А в первую неделю недоставало аж четырех. Видишь, прогресс налицо!

— Все равно жалко, когда пропадают.

Я аккуратно оттеснила лезущего на колени кота Мишу и вздохнула, вспомнив, как расстроилась, когда обнаружила первые потери. За все время работы со Смешариками, я так и не сумела определить, нравятся мне эти существа или нет. Подумаешь, ни рук, ни ног. Но ведь глаза-то есть... Все-таки живые, хоть и молчат все время. Не сумев прийти к однозначному выводу и теперь, я на автомате погладила Михайло, вытерла шерсть с ладоней салфеткой и принялась за еду.

Если положительный прогресс будет сохраняться, тогда работа с людьми не за горами. Это радовало.

За прошедшие две недели поменялось немного. Но кое-какие изменения моя жизнь все же претерпела.

Во-первых, она стала более размеренной и спокойной. Во-вторых, в силу того, что теперь большую часть времени я проводила в особняке, я очень сблизилась с Клэр.

Признаться, поначалу на лице у поварихи при упоминании о Комиссии, как и у многих жителей Уровней, появлялось выражение ужаса, которое моя новоиспеченная подруга старательно прятала, но по мере осознания того, что люди в форме не спешат посещать наш особняк толпами, не домогаются без причины и вообще не имеют личных претензий, успокоилась.

По вечерам, когда наступало время отдыха, сидя перед телевизором, мы общались на различные темы, и по мере возрастающего любопытства Клэр осмеливалась задавать все больше вопросов обо мне, моей работе, личной жизни, семье. На одни я отвечала открыто, на другие с виноватой улыбкой пожимала плечами: мол, не могу этого поведать. Она не обижалась. Понимала, что человек, нанятый Комиссией, не способен раскрывать все тайны; мягко уходила от темы, оставляя моим секретам право на неприкосновенность, и вновь погружалась в вышивку, которую очень любила.

Оказалось, у моей подруги имелся настоящий талант украшать ниточными узорами кухонные полотенца и скатерти, переносить на них замысловатые натюрморты или цветочные орнаменты. В искусно вышитые листки и лепестки добавлялся бисер и бусины, после чего готовыми изделиями категорически не хотелось пользоваться, дабы не осквернять красоту.

Клэр на это только смеялась, а Огонек — рыжая бездельница, полностью равнодушная к искусству, — всласть мешала творческому процессу: воровала из коробочки нитки, загоняла их под все плоскодонные предметы, такие как диваны, кресла и холодильники, силилась поймать за хвостик снующую туда-сюда в ловких руках яркую веревочку, пыталась забраться по свисающему с коленей краю скатерти на ноги, чтобы получить очередную порцию ласки, чем неизменно вызывала поток добродушных укоров со стороны хозяйки.

Миша степенно и несколько укоризненно наблюдал за всем этим с моих коленей, но рыжую соседку все же любил. Иногда они вместе носились до дому, после чего вповалку спали на диване, сложив друг на друга лапы и хвосты. Дружба, да и только.

К слову сказать, утренние пробежки в парке к этому моменту я полностью забросила.

На дворе стоял декабрь — и энтузиазма похрустывать по снегу подошвами кроссовок не было. К тому же старые вещи теперь болтались на мне, как на вешалке, и Клэр прямо заявляла о том, что никаких «диет» с этого момента быть не должно, одно лишь здоровое питание, приготовлением которого она исправно занималась.

Я, признаться, была рада тому, что могу вновь побаловать себя кусочком шоколадки или пирожного — не тонной, как раньше, а в разумных пределах, — зная, что следующий поход в «реакторный» зал быстро выжжет из организма излишки. А учитывая, что Клэр имела слабость к приготовлению фруктовых и шоколадных лакомств, подобные поблажки без укоров совести были мне, бывшей сладкоежке, настоящим подарком.

Таким образом, в моей достаточно размеренной жизни днями я была занята телепортированиями Смешариков, отвлекаясь только на насущные дела и перекусы, а ближе к вечеру — если позволяла погода — гуляла по городу, практикуя полученные от Дрейка советы. Следила за эмоциональным состоянием, позитивным настроем, тем, что и как говорю, пребываю ли в настоящем моменте.

И только ближе к ночи позволяла себе немного потосковать, о чем, конечно же, никому не признавалась.

Забравшись в постель, я часто думала о том, как сильно соскучилась по Начальнику. Этот сложный мужчина-загадка продолжал притягивать к себе, словно магнит, и влечению сопротивляться не было ни сил, ни желания. За последние недели мы виделись всего лишь дважды (в обоих случаях для того, чтобы сканировать состояние Смешариков), едва ли обмениваясь парой фраз на сторонние темы. Дрейк был постоянно чем-то занят и даже замкнут, поэтому я не старалась провоцировать новые встречи, вместо этого пытаясь втихую работать над собственным фоном в надежде на то, что однажды он изменится настолько, что позволит мне коснуться вожака объекта.

Долгие минуты, а иногда и часы, я проводила лежа в постели, изменяя внутренние установки и убеждения.

«Я могу его коснуться, и ничего мне не будет. Совершенно спокойно могу его коснуться... В любое время, без последствий...» Но, признаться, знакомой уверенности и «клика» в голове почему-то не слышала. Будто схемы и соединения из влияющих на мир символов не спешили меняться. Отчего так? Кто бы знал... Но я продолжала работать над

этим с упертостью барана. Однажды все равно «кликнет». Должно, ведь так? А когда это произойдет, я позволю себе первый эксперимент и прикоснусь к мужчине, которого люблю.

Думая об этом, я счастливо вздыхала и куталась в одеяло. Нужно просто еще поработать и еще подождать. Терпение — и все придет.

По дому, каким бы странным это ни казалось, я почти не скучала. Там, для застывших во времени жителей родного города, все оставалось тем же самым: недавно выпавший снег, начало ноября, привычные заботы и хлопоты. Иногда я задумывалась над тем, чтобы вернуться и погулять по знакомым улицам, посидеть на кухне с мамой, переночевать в своей постели или навестить бабушку, но что-то удерживало меня. Возможно, страх того, что родня в очередной раз что-то заметит и этим вынудит меня обратить взор внутрь, к сущности, способной помочь в критический момент посредством изменения еще чьей-нибудь памяти. А я не чувствовала себя к этому готовой. Проще говоря, боялась того, что «творец» вновь откроет глаза. Поэтому находила всевозможные мысленные отговорки для совести, чтобы та не настаивала на срочном исполнении дочернего долга.

Временами попыткам заснуть мешала не только совесть или образ Дрейка, но и странное шуршание, доносящееся из-под накрытой клетки: то, как я поняла позже, копошились непонятные существа, обожающие на меня глазеть. Что еще им оставалось делать, если кроме глаз Создатель ничего не дал? Ведь если есть память, есть разум. Если есть разум, наверное, есть желания. А они все время в клетке и клетке. Так ведь и со скуки умереть можно...

Однажды я даже поднялась с кровати, включила лампу и сдернула тряпку, разглядывая молчаливых существ. Шуршание тут же унялось. На меня привычно уставились многочисленные глаза.

Выдержав паузу и отчего-то чувствуя себя неловко, я спросила:

— Вы хоть спите иногда?

Тишина и куча немигающих взглядов были мне ответом.

Присев у клетки, я задумалась. Вот было бы хорошо, если бы эти существа могли больше, чем просто глазеть. Например, понимать меня, чувствовать, как-то себя вести, полноценно жить... Возможно, Дрейк не сказал мне всей правды, и где-то у них был свой мир, своя планета? И что случится, когда эксперимент по переносам будет завершен? Вероятно, их уничтожат... Неприятная мысль.

Я вздохнула. И для того, чтобы им не было слишком одиноко, представила, что укутываю их светящимся одеялом, состоящим из любви и ласки. Если доброе слово приятно и кошке, то почему бы оно ни было приятно Смешарикам? Чем черт ни шутит, может быть, почувствуют.

Пожелав им вслух спокойной ночи (при этом чувствуя себя глупо, будто пытаюсь говорить с пластиковой куклой Барби), я уже было собралась накрыть клетку, когда в воображении вдруг возникла круглая миска, доверху наполненная свежими ягодами. Застыв на секунду в непонимании, я тряхнула головой. Откуда в мыслях ягоды? Неужели хочу сама? Покопавшись в ощущениях, решила, что не хочу, после чего завесила клетку и отправилась спать, чтобы через минуту полностью забыть о непонятном видении.

А еще через несколько дней после того случая, я приучилась постоянно говорить со Смешариками. Здраваться утром, объяснять, что собираюсь делать днем, убеждать, что совершенно не хочу их терять во время переносов, благодарить за то, что они не пропадают,

желать спокойной ночи перед отходом ко сну и неизменно кутать их в светящееся одеяло. Отчего-то казалось, что непонятные существа все понимают и даже чувствуют, хотя видимых признаков этого не подают. И еще несколько раз на ум приходили ягоды. Почему-то всегда вблизи клетки.

Клэр слушала мои недоуменные комментарии по этому поводу и встревожено спрашивала:

— Может быть, они есть хотят?

Подобные мысли приходили и мне, в чем я не спешила признаваться, вместо этого отговариваясь:

— Так ведь у них ртов нет.

Клэр кивала.

— Да и клетку тогда, наверное, придется открывать...

А делать этого по молчаливому согласию нам не хотелось. Кто их знает, этих гремлинов? Раскатятся по дому, потом до вечера не соберешь, а ведь еще Ганька...

Поэтому эксперимент с ягодами и Смешариками изо дня в день откладывался.

И вот настал момент, когда третья неделя подошла к концу. Те самые семь дней, за которые я не потеряла ни одного глазастика из клетки.

А это, судя по всему, сулило перемены.

Назавтра предстояла очередная встреча с Дрейком.

* * *

Телефонный звонок прорезал тишину в половине второго ночи.

Вынырнув из успевшего захватить меня в сладкие объятья сна, я попыталась в темноте нащупать невежливо орущий на всю спальню сотовый, вслепую шлепая рукой по прикроватной тумбочке.

Какой гад мог звонить в такое время? В Нордейле редко ошибались телефонными номерами. А ведь мне с утра вставать, ехать в Реактор на встречу с Начальником...

Гладкая поверхность наконец-то попала в пальцы, яростно вибрируя и издавая неприлично громкие для такого времени суток трели. Черт, как только закончу разговор, сразу же сменю звонок на колыбельную.

Наугад ткнула в кнопку ответа. Попала.

— Алло... — хриплость моего голоса могла соперничать со «звездами» телефонного секса или же алкоголиком в период простуды. — Алло, говорите...

В трубке поначалу никто не ответил, но раздался какой-то шум. Затем еще и прерывистое дыхание.

Что за шутки? Неужто бытовое баловство? Разозлившись, я уже было открыла рот, чтобы разом нарушить все заученные заповеди Дрейка, когда голос человека на том конце все же раздался.

— Бернарда... — прохрипел он до того натужно, что волосы на моей голове моментально встали дыбом, — ...приведи... (тяжелый вздох, звук бьющегося стекла на фоне) ...Лагерфельда...

Сон мгновенно слетел, как не бывало, я резко откинула покрывало и села на кровати. В окно светил яркий белый круг луны.

Кто этот человек? Почему я не узнаю голоса? Откуда он знает мое имя и телефон и почему просит привести доктора? Что вообще происходит?

— Кто вы? Куда я должна привести Лагерфельда?

В ответ лишь очередной выдох.

— Пожалуйста, ответьте!..

На том конце раздался хрип и глухой звук чего-то тяжелого, упавшего на пол (тела?!), а затем телефон, по-видимому, выпал из руки мужчины.

Что за черт! Очевидно, кто-то ранен. Но кто?

Не успела я отнять телефон от уха, чтобы взглянуть на номер, как в трубке раздался всхлипывающий женский голос:

— Я не знаю, кто вы, но Халк просит вас привести к нему Стивена Лагерфельда. Вы можете?

Девушка снова всхлипнула.

— Кто просит?

— Халк Конрад. Не знаю, он почему-то набрал ваш номер. Он ранен, скорее всего умирает, пожалуйста, быстрее...

Не на шутку встревожившись, я судорожно покивала темной комнате.

— Конечно-конечно... Сейчас. Уже иду. Ждите.

Отключив звонок, я затравленно оглядела спальню.

Куда идти? Черт! Что делать вообще?

Бросив телефон на еще хранившее остатки тепла одеяло, забегала по комнате в поисках какой-нибудь одежды, одновременно раздумывая над тем, стоит ли связаться с Начальником. По всему выходило, что стоит, иначе головомойки не избежать.

Натягивая на голову первую попавшуюся в шкафу майку, я пыталась собрать разлетевшиеся вспугнутой птичьей стаей мысли в подобие порядка.

Переместиться сначала к Дрейку? Спросить лично? Но куда? Если он в Реакторе, который перемещается в пространстве, то снова попаду в другой кабинет, где засяду до выяснения деталей в озоновую клетку. А если Начальник уже дома? Не перемещается ли его особняк в пространстве так же, как и Реактор? Нет, рискованно. Тогда что?

«Представителям Комиссии вообще не требуются дополнительные средства связи. Ни ноутбуки, ни телефоны. Мы способны общаться между собой телепатически...» — всплыла в голове оброненная когда-то Дрейком фраза.

Ну конечно! Не нужно даже звонить, глупая я голова! Тем более что такая простая вещь, как сотовый телефон, вообще почему-то вылетела из памяти.

Так или иначе, быстрее всего было отправить мысленный запрос, чем я и занялась.

Усадила себя на кровать, закрыла глаза, скрестила пальцы на удачу и торопливо отправила Начальнику послание следующего содержания:

«Халк в опасности. Срочно нужен врач. Могу я действовать на свое усмотрение?»

Следующие несколько секунд показались мне самыми долгими в жизни. Глаза словно в замедленном кинофильме успели выхватить скомканное одеяло, лежащую на нем, будто прочерченную толстым карандашом, изогнутую тень от окна, белесые росчерки лунного света на ковре и мерцающий нефритом удивленный кошачий взгляд с подушки. Миша, лежащий в изголовье кровати, никак не мог уразуметь, из-за чего в спальне вдруг случился переполох.

Ответ от Дрейка пришел тогда, когда я протянула руку к подушке, чтобы погладить кота. В голове ярко вспыхнули белые строки текста, заставив пульс ускориться.

«Действуй. Под свою ответственность.»

Ох! Коротко и емко. Весьма и весьма в духе Дрейка — дать разрешение и тут же напугать возможными последствиями в случае ошибки. Но на то он и Дрейк, чтобы всегда быть в своем репертуаре. Главное, разрешение получено.

Подскочив с постели и сделав три круга по спальне, я успела несколько раз подумать об одном и том же: ни разу не посещая дом Лагерфельда, я не могла его отыскать. Как не могла я прыгать в штаб уровня Война лишь для того, чтобы поинтересоваться, не там ли врач? Все это безнадежно глупо и непродуктивно. А если Лагерфельд там, но находится где-нибудь на поле боя? Тогда что — лезть под пули?

Как ни крути, не зная места прыжка, можно было прыгать только непосредственно к самому объекту, вызывая к Богу о том, чтобы не приземлиться куда-нибудь за борт корабля или вертолета (нужное подчеркнуть), а еще не угодить ногой в медвежий капкан или на мину. Но риск есть риск. Придется действовать так же, как когда-то с Мишей: вызывать в памяти лицо объекта и пытаться сигануть в неизвестность.

Мама моя! Только не опять... Как тогда, в залив, рядом со статуей Свободы... Но других вариантов нет. Времени на раздумья тоже. Надо действовать.

В какой-то момент я прервала нервное хождение по спальне, задавшись леденящим кровью вопросом: а помню ли я лицо Стивена Лагерфельда?

Оказалось, помню.

* * *

Это была чужая спальня. Тоже темная, но гораздо больше по размерам. И мужская.

Понять это можно было не только по огромному плазменному экрану на стене, утонувшему под горой бумаг письменному столу, большому кожаному креслу рядом с ним и разбросанным по ковру носкам (вполне различимым при свете все той же луны), но и по тому, что на кровати, откинув одеяло в сторону, лежало обнаженное мужское тело.

Стоя в чужом доме в абсолютной тишине, я судорожно сглотнула.

Присмотревшись, почувствовала некоторое облегчение: тело было не совсем обнаженным. В трусах.

Да, точно — дом Лагерфельда. И, судя по всему, доктор собственной персоной. Спящий. В нужное место удалось перенестись — это здорово, но что делать дальше?

Подкрасться, схватить за любую выступающую конечность и постараться вспомнить лицо Халка Конрада? Но ведь Лагерфельд — тоже тренированный боец: даже спящий съездит по голове и только потом будет разбираться, на чье имя заказывать надгробие.

Неслышно переступив с ноги на ногу, я попыталась унять трясущиеся руки. Ну и работа мне досталась! Но выхода нет, нужно подойти ближе и попытаться проверить все, как можно быстрее.

От паники желудок скрутило, а ноги сделались желеобразными сосисками.

Быстро! Главное, все делать быстро... Меньше думаешь — быстрее делаешь.

К Лагерфельду я подобралась на цыпочках. Лежит ровно, не храпит, но вроде бы дышит. Одна из рук, напоминающая по толщине бревно и бугрящаяся мышцами, находится ближе

всего ко мне.

«Вот за нее и схвачусь...»

Все, произошедшее после, я помнила едва ли.

Не успела я коснуться доктора, как запястье мое было перехвачено жестким и, признаться, болезненным захватом, тело перелетело через спящего (как я думала) мужчину и упало по другую сторону кровати, голова пропечатала подушку до самого матраса, после чего сам Стивен за секунду оказался верхом на мне с занесенным для удара кулаком.

Я пронзительно завизжала и зажмурилась, одновременно вызывая в памяти лицо Халка.

Очнулись мы в той же позе, но на полу чужой гостиной. Злой взгляд медовых глаз, припиленный к моему лицу, взъерошенные со сна русые вихры и отведенный для удара кулак. Точно Лагерфельд. При ярком свете ламп и все еще в одних трусах.

Я едва не обмочилась от паники, но визжать все-таки перестала, промычав что-то нечленораздельное: язык в формировании слов отказывал.

Рассмотрев, наконец, кто под ним находится, доктор недоброжелательно выругался, опустил руку и поспешил подняться с меня. Шумно дыша и едва помня себя от ужаса, я последовала его примеру. Руки тряслись так, будто я сутки напролет водила гоночный болид не по асфальтированной дороге, а исключительно по лесам и полям.

— В следующий раз будешь у меня в спальне, не забудь представиться! — процедил Стивен, вытерев губы голым плечом.

Я протянула дрожащую руку и даже сумела съязвить.

— Бернарда, ваш телепортер. Здравствуйте.

В ответ мою руку никто не пожал.

— Ба! — вдруг раздался со стороны знакомый баритон. — Это что за шоу нудистов! Стив, а мы тебя ждем! Не знал, что ты носишь боксеры с кармашком спереди. Балда-то не вываливается?

Черт, Эльконто! Я досадливо сморщила нос. Конечно, кто же еще мог так шутить? И как он успел оказаться в доме Халка еще до меня?

— Такая, как у меня, не вываливается, — едко отозвался Стив, отыскав взглядом коллегу.

— Ты ее к бедру что ли пристегиваешь цепочкой?

— К колену, — съязвил заспанный врач и огляделся. — Кто-нибудь объяснит мне, какого черта я здесь делаю?

— Я объясню... — послышался женский голос, тот самый, что говорил со мной по телефону, — и все, словно по команде, посмотрели в ту сторону, откуда он доносился.

Халк Конрад — светловолосый блондин, виденный мной до того лишь единожды, — лежал у кресла. Лицо его было серовато-синего оттенка, шея и одежда в крови. Рядом с ним на полу сидела девушка с заплаканным лицом. Рыжеватые кудри вздрагивали на плечах, когда та пыталась сдерживать рыдания. Ковер вокруг был бурым от крови, неподалеку блестел осколками треснувший стакан, запачканная красным книга и телефон (видимо, тот самый, с которого мне звонили).

— Он умирает, да? Как же так... — причитала девушка, смахивая слезы. — Стивен, помогите ему. Пожалуйста, спасите!..

Лагерфельд быстро направился к креслу и склонился над телом. После чего хлестко скомандовал:

— Всем выйти из комнаты!

Оказалось, девушку Халка звали Шерин. После того, как мы покинули кабинет, переместившись в соседний зал, она попросила прощения и ускользнула в ванную. И только оставшись наедине с «ежиком», я впервые смутилась, осознав, что именно все это время было на мне надето — короткая, едва доходящая до пупка розовая майка с выложенными стразами двумя клубниками на груди. Для ходьбы по дому (своему дому, конечно) самое то. По-крайней мере, именно так я подумала, когда увидела ее в одном из магазинов Нордейла. Но теперь, когда комплектом ей служили белые кружевные полупрозрачные трусики и более ничего, настало время густо и жарко покраснеть. Особенно под тем взглядом, которым наградил меня Эльконто.

— Очень даже ничего! — подвел он итог, закончив осматривать абсолютно все — от взъерошенных волос до покрашенных розовым лаком ногтей на ногах. — Ты всегда в таком виде работаешь по ночам?

— Нет. Только когда есть вероятность того, что ты попадешься на моем пути.

— Ох! — завернутый в черный плащ пепельный блондин выглядел весьма польщенным, несмотря на сочившийся сарказмом ответ. — Хочешь, я буду попадаться на пути очень часто?

— Нет. Вместо этого я хочу, чтобы ты объяснил, как оказался здесь еще до меня. Ведь Халк набрал только мой телефонный номер, разве нет?

— Все так, — глаза «ежика», присевшего в кресло, сделались серьезными, из них ушла всякая веселость. — Халк действительно позвонил только тебе, так как понял, что ты — единственная, кто сможет привести к нему Лагерфельда за минуты. А минуты — это все, что у него было. Ну, теперь, когда с ним рядом Стив, все будет в порядке. Этот из могилы поднять сможет...

— Правда?

— Нет. Но пока есть хоть какая-то надежда, Стив вытянет обратно к жизни. Нет врача лучше, чем он.

— Понятно. Так как же ты...

— Как я появился здесь до тебя? Халк успел так же нажать общий сигнал тревоги, который сообщает всем членам отряда о том, что случилась беда. Я был ближе всех, сразу же повернул сюда, уже успел осмотреть дом. Кто бы ни полоснул Конрада по шее, он уже ушел. Ни следов, ничего. А полоснули сильно, почти до смерти, чем-то невероятно острым, да еще и так, чтобы ни один из нас не успел среагировать. Это очень неприятная загадка. Очень...

Он задумчиво постучал кончиками пальцев по подлокотнику.

— Сейчас здесь соберутся все. Тогда и решим, как действовать.

— Все?!

* * *

Черные глаза обожгли обнаженную кожу презрительным взглядом. Задержались на кружевных плавках, поднялись до уровня клубничек и снова встретились с моими, не менее злыми, нежели у обладателя роскошной темной шевелюры.

— Может, все снять, чтобы удобнее было рассматривать? — прошипела я, глядя на недавно ставшего заклятым врагом мужчину.

— А тут есть что снимать? — губы Баала скривились в жесткой усмешке.

Колыхнув полами длинного плаща (Демон, да и только), он прошел вглубь комнаты, чтобы поговорить с Дэйном и прибывшим следом Реном. Лагерфельд все еще находился рядом с Халком и в кабинет никого не пускал.

Стоило мне только подумать о том, что через пару минут здесь появятся другие члены спецотряда, лицо запылало от прилившей к щекам крови. Боже мой! Какого черта я не завернулась хотя бы в банный халат? Спасительное решение пришло мгновенно: нужно прыгнуть домой, одеться и вернуться сюда. Навряд ли кто-то заметит мое минутное отсутствие. Ведь не перед всеми же я еще опозорилась, так чего ждать?

Не успела я закрыть глаза и дать деру, как в дверном проеме показались три новые мужские фигуры, одетые в серебристую униформу. Идущий уверенной и быстрой походкой впереди, конечно же, оказался Дрейком.

Твоего папу!

Втянув в легкие как можно больше воздуха, нацепив на лицо (насколько позволяли нервы) равнодушное выражение и вытянувшись по стойке «смирно», я слушала, как приближаются шаги и шорох серебристой одежды.

Начальник остановился напротив.

Я не удержалась и коротко взглянула на него.

Уголки губ Дрейка дрогнули, когда взгляд достиг полупрозрачных трусиков. Я густо покраснела.

— Хорошо сработано.

Неожиданная похвала застала меня врасплох, и я против воли расцвела от радости, как политый дождем кактус.

— Только оденься во что-нибудь.

Дрейк и его свита прошагали в кабинет, а я со вздохом закатила глаза.

Как выяснилось позже, Халк оказался не единственным человеком, на которого этой ночью было совершено покушение.

Когда в особняке Конрада собралось столько мужчин, что даже просторная комната начала напоминать тамбур вагона, а представители Комиссии по приказу Дрейка раскинули над ней защитную сеть (которую, похоже, кроме меня никто не видел, да и я ее не столько видела, сколько чувствовала); выяснилось еще несколько любопытных подробностей.

Начал Дэлл.

Только сейчас я заметила, что его одежда выглядела несколько потрепанной — новой, но порванной (прогоревшей?) в нескольких местах; на лице виднелись темные разводы, будто от сажи. Блондин рассказал, что как только получил сигнал тревоги, сразу же кинулся к выходу из дома, к автомобилю, стоявшему на подъездной дорожке. Сев в машину, он вставил ключ в замок зажигания и услышал незнакомый щелчок, — а после поворота ключа, машина не завелась. Для подрывника по специальности этого признака оказалось более чем достаточно — Одриард мгновенно выкатился из салона и едва успел укрыться за живой изгородью, обрамляющей подъезд к дому, когда раздался взрыв. Как результат — от машины один лишь плавленый металл, окна с фронтальной части дома выбиты на первом и втором этажах, вокруг взрыва земля и растительность выгорела полностью, проплавились даже булыжники. Добираться до места ему пришлось на первой попавшейся попутке, которую удалось остановить на дороге. Двумя другими машинами, стоявшими в гараже, без

проведения дополнительно осмотра он воспользоваться не решился.

Мда-а-а. Я успела подумать, что это несколько глупо, пытаться заминировать машину того, кто сам занимался тем же. Но комментировать вслух не стала, лишь поплотнее запахнула халат, который, вернувшись из ванной, выдала мне хозяйка дома до того, как снова исчезнуть в кабинете, где находился раненый Халк. Вероятно, к тому моменту Лагерфельд уже завершил оказание первой помощи, так как теперь с раненым находилась только Шерин.

Обведя взглядом комнату, я поежилась: хмурые, даже злые лица, внимательные глаза, сжатые губы. Одежда самая разношерстная — от домашней до уличной; врач до сих пор в боксерах, сверкает голым торсом (мощным торсом, надо сказать). Несколько раз я ловила на себе изучающий взгляд доктора, но делала вид, что не замечаю его.

Пахло озоном и чем-то еще. Видимо, та самая сеть, о наличии которой большинство находившихся в комнате ничего не подозревало. Для чего она? Скорее всего, защита от проникновения и, возможно, прослушки извне. А то, что прослушивающих устройств не было внутри, я знала точно: видела, как подручные Дрейка применяли какой-то странный метод для их поиска, обшаривая пол, поверхности предметов и даже стены. Интуитивно я полагала, что даже если бы жучки и были, то все равно не смогли бы протолкнуть сигнал сквозь то, что теперь опоясывало комнату, но людям в форме было видней. Кто-кто, а представители Комиссии в совершенстве владели секретными методами блокировки любого типа волн (и кто знал, чего еще... Тут даже богатая фантазия Жуля Верна наверняка оказалась бы попыткой амебы предположить строение Вселенной...)

Баал, сняв плащ, стоял ко всем спиной, вглядываясь в темноту за окном; его черные волосы спадали на могучие плечи, сливаясь с тканью шерстяного свитера. Эльконто так и сидел в кресле, подперев указательным пальцем висок — герой компьютерной игры, принявший позу Софокла, не иначе... Остальные распределились вокруг; мне были видны по большей части спины, так как своим месторасположением я выбрала дальний угол широкой гостиной. Аллертон, Канн, Логан... здесь были все, с кем я уже однажды встречалась в Реакторе.

Следом за Дэллом в разговор включился Логан.

— Сегодня ночью, еще до сигнала от Конрада, на первом этаже моего дома, где установлены перекрестные лазеры, кто-то появился. Сработало оповещение, камеры записали происходящее, но информации там не много. Кто бы то ни был, скрылся сразу же, как напоролся на лазер...

— Все записи ко мне, — приказал Дрейк и тут же повернулся к врачу, — в чем дело, Стивен?

Доктор пригладил пальцами взъерошенную шевелюру и процедил:

— За день до сегодняшнего вечера кто-то украл мой браслет. Плечевой чип был поврежден на Войне, на прошлой неделе, новый я еще не успел поставить в лаборатории. Поэтому я бы не смог услышать ни сигнал Халка, ни чей-то еще. Не думаю, что это была случайность...

Начальник поджал губы и холодно кивнул.

— Против нас сработала команда. Канн, собрать всю информацию — и мне на стол! Лагерфельд, срочно в лабораторию, Конрада туда же. Декстер, Аллертон, Одриард и остальные, усилить охрану домов. Ты, — кивнул он Дэллу, — получишь помощь для осмотра места взрыва. Соберите все данные о составе взрывчатки возле дома, ничего не упустите...

Команды сыпались как из рога изобилия. Приказы получили все, кроме меня. Мужчины

один за другим начали расходиться.

— Бернарда, — наконец «око Саурана» обратилось в мою сторону, — телепортируй Стивена и Халка в здание Комиссии. Затем на сегодня свободна. Утром ко мне.

Кивнув Начальнику, я встретилась взглядом с медовыми глазами Лагерфельда.

Доктор, качнув рыжеватой шевелюрой, указал на кабинет.

* * *

Количество экранов поражало воображение.

Особенно удивляли те, что разворачивались прямо в воздухе, выдавая кучу информации на непонятном языке. Буквы чередовались не только с цифрами, но и со странными символами, в которых никак не удавалось признать ни один из языков родной планеты.

Глаза Дрейка скользили по ним с невероятной быстротой, напомнив мне магазинный сканер штрих-кодов. Клетка со Смешариками стояла в центре стола (металлический верх в данный момент был откинут в сторону), и ее планомерно по вертикали и горизонтали бороздили стерильно-белые лучи.

Ну и утро.

Выспаться удалось едва ли: стоило продрать глаза, как пришлось на всех парах нестись в Реактор. Вчерашняя ночь оставила после себя ворох разноплановых воспоминаний и кучу загадок. В лабораторию Халк попал уже с затянувшейся раной на шее, но жутковато выглядящим свежим шрамом, однако лицо коллеги порозовело: то была заслуга вовремя доставленного врача — и я даже немного гордилась собой. Конрад поправится, теперь я была в этом уверена. Не знаю каким образом, но Лагерфельд безо всяких инструментов умудрился вытащить его практически с того света (вот уж не думала, что с такими ранами можно выжить, хотя какой с меня медик...).

Тишина в кабинете прерывалась редким пиканьем в те моменты, когда экраны меняли одни строки на другие, в остальное время было совершенно тихо. Дрейк умудрялся читать что-то не только с панелей, висящих перед ним, но и с листков бумаги, что держал в руках.

Наконец, не отрывая взгляда от бумаг, он проговорил:

— Результаты практики хорошие. При телепортации за последнюю неделю потерь нет.

Лучи, слепящие пушистых существ вот уже несколько минут, будто повинуюсь молчаливой команде, погасли.

— Теперь ты можешь безбоязненно переносить людей. Их ДНК (рука Дрейка указала на Смешариков) на порядок сложнее человеческого, но многочисленные переносы не причинили вреда клеткам и не создали сбоев в их строении и работе.

Я потопталась в облегчении, а потом задала вопрос, тяготивший меня со вчерашнего дня:

— Дрейк, а почему Халк позвал первым делом меня, а не тебя?

Меня один лист на другой и продолжая читать (а еще говорят, многозадачности не существует!), Дрейк ответил:

— Спецотряду дана команда в любых условиях выживать за счет друг друга. В какой-то момент я могу оказаться занят более сложными делами, и Конрад это знал. Он принял правильное решение первым позвать того, кто быстрее всего сможет доставить к нему доктора, воспользовался наличием новичка в команде. Ты же просто привыкла к тому, что

можешь отвлекать меня в любое время, у других такой привилегии нет.

Если честно, я так и не поняла, угадывалась ли в последних словах начальника ирония или нет, но для себя тут же решила в спорном случае выбрать наиболее понравившийся вариант. Нет, иронии не было. (По-крайней мере, для себя я решила именно так.) Ведь если посмотреть со стороны, я действительно довольно часто дергала Дрейка не по особо важным делам, и вообще... Судорожно сглотнув, решила про «вообще» пока не думать...

Начальник выглядел усталым, вероятно, впервые за все то время, что я его знала. Наверное, всю ночь обсуждал, принимал важные решения, собирал данные, руководил.

— Отдохни.

— Что? — Дрейк на секунду застыл, прервав чтение бумаг.

— Тебе тоже нужно иногда отдыхать, — мягко пояснила я. — Даже суперкомпьютерам следует время от времени остужать процессор.

Он смотрел на меня долго, и то был взгляд подвисшей посреди выполнения программы, будто Глава Комиссии впервые услышал подобные слова, обращенные к нему, что вызвало в сознании деление на ноль.^[1] Затем удивленно тряхнул головой, как будто подобный жест мог помочь избавиться от забившегося в шестеренки песка, и сменил тему.

— Твое официальное вступление в должность можно считать состоявшимся. Будь готова к тому, что теперь любой из членов отряда может обратиться к тебе в любое время суток. Со вчерашнего дня твоя зарплата удвоена, ты получишь новые документы и привилегии. Тренировки по работе с материей будут продолжены, но не сегодня. На данный момент первый приоритет — найти тех, кто совершил покушения на Халка и других ребят; я ожидаю, что ты окажешь в этом максимальное содействие.

— Конечно.

«Он точно устал...»

Почему-то в этот момент Дрейк напомнил мне машину, работающую на автомате: человеческая составляющая отключилась, вместо нее бразды правления взяла на себя холодная отточенная логика руководителя.

— Что-то конкретное требуется от меня прямо сейчас? — уточнила я на всякий случай, втихую поглядывая за спину начальника на клетку со Смешариками, которые, почему-то (показалось или нет?) сгрудившись в кучу, начали мелко дрожать, все как один, глядя на меня с непонятым выражением.

— Нет. Можешь идти.

Я занервничала.

— А что будет с ними?

Дрейк обернулся, посмотрел на стол с клеткой и пожал плечами.

— Они больше не нужны. Эксперимент завершен.

Теперь в глазах пушистиков читался откровенный ужас. Значит, они все-таки прекрасно понимали, о чем шла речь.

— Можно я заберу их с собой?

— С какой целью?

— Я хотела бы продолжить оттачивание навыков...

Чувствовалось, что Начальник начал раздражаться. Ему явно было не до размышлений о комках шерсти, сидящих взаперти.

Еще секунда — и Дрейк (я почему-то чувствовала это) наверняка ответил бы «нет», но в этот момент пикнул один из экранов, выдав порцию новых непонятных символов. Внимание

Начальника тут же переключилось на него.

— Спасибо! — поблагодарила я, осторожно пробираясь к клетке. Дрейк, передернув плечами, наградил меня еще одним раздраженным взглядом, но сказать ничего не успел: схватив Смешариков, я моментально испарилась из кабинета.

Пусть только попробует перенестись ко мне домой и сделать выговор.

Мои! Никому не отдам!

* * *

Экраны, расположившиеся на стенах и в воздухе, продолжали вещать в цифровом формате и пять минут спустя, однако Дрейк, сидевший в кресле, больше не смотрел на них. Вместо этого он задумчиво водил по поверхности стола кончиком пластиковой ручки — туда, по невидимой дуге, обратно, по той же самой дуге. Полностью бессмысленное занятие, за которым и застал его вошедший в кабинет Джон Сиблинг.

Положив на стол еще одну стопку бумаг, он деловито пояснил:

— Вот сканы следов из дома Конрада. Не особенно много информации, должен признать. Вроде бы люди, но несколько странный фон, модифицированный...

Дрейк, казалось, полностью пропустивший фразу мимо ушей, задумчиво спросил:

— Джон, как ты думаешь, мне надо отдохнуть?

Сиблинг перестал перебирать испещренные буквами листки, добытые в лаборатории, и посмотрел на начальника.

— Что-то не припомню, чтобы слышал от тебя подобные фразы раньше, — он огляделся вокруг, — а где клетка? Ты сказал, ее нужно уничтожить.

— Она забрала ее домой.

— Кто?

— Бернарда.

— Как забрала... Забрала Фурий?

Дрейк, прекратив водить ручкой по столу, прокрутился в кресле и сложил руки на поясе:

— Она не знает, что они — Фурии. Она зовет их Смешариками.

Джон Сиблинг какое-то время недоверчиво смотрел на сидящего в кресле мужчину, после чего покачал головой.

— Тебе точно надо отдохнуть.

Старое полуразрушенное здание продувалось насквозь.

Ветер гулял по щербатым камням, шуршал в разбитых оконных проемах, перебирая пыль, складывая ее в унылые серые узоры: другого занятия все равно не было. Разве что еще доставать сидящего в прохудившемся кресле мужчину. Кресло с местами рваной кожаной обивкой натужно поскрипывало, выдавая нервные движения большого тела.

Мужчина злился и оттого покачивался.

Впрочем, злился он столько лет подряд, что давно забыл, какие еще состояния могли присутствовать в человеческой душе — все вариации ограничивались либо яростью и гневом, либо скупой и застарелой, как старый шрам, тоской. Даже мягкие женские пальцы, перебирающие спутанные жесткие волосы, не могли унять вспыхнувшего раздражения.

— Ирэна, оставь меня!

Потрепанная жизнью, но все еще красивая женщина равнодушно пожала плечами и отошла в сторону. Даже она, привыкшая к постоянным вспышкам спутника, с неудовольствием признала, что подобный тон слышала крайне редко.

Андэр дернул косматой головой и с рыком поднялся с насиженного, единственного теплого места в комнате и сжал огромные кулаки.

— Как подобное могло получиться?! Один из них уже был бы мертв... Я еще понимаю шутки нашего придурочного подрывника: захотел проверить смекалку ныне действующего коллеги. Болван! Неуправляемый идиот! А вот Дикки — молодец: сумел отвлечь их параноидального хакера; если бы не новая база, мы бы вообще не узнали про эту сучку, которая спасла Конрада. Вот мерзость...

Мужчина смачно сплюнул прямо на пол и грязно выругался.

— Эта... эта... спасла сенсора, привела врача. Как, Ирэна!?

— Бернарда, — раздался спокойный женский голос от окна. — Ее зовут Бернарда, и она новенькая в их команде.

Щелкнуло колесико зажигалки. Залетевший в этот момент порыв ветра пригасил пламя. Ирэна потрясла зажигалкой в воздухе, после чего высекла искру еще раз и прикурила. Халат она так и не сняла. Зачем, если снова в лабораторию?

Висевшее на стене потемневшее зеркало отразило все еще соблазнительный зад биохимика и генетика Ирэны Валий. Годы, проведенные на этом чертовом уровне, не добавили ее коже здоровья, но все же пощадил роскошную копну шоколадных волос, некогда так любимую Андэром. Точнее Андариэлем Вейеросом. А так же когда-то и Баалом... От этой мысли Ирэна поморщилась и тут же привычно заткнула ее в дальний угол сознания, как делала уже много раз до того. Память — как протекающая заплатка на водопроводной трубе — нет-нет да пропустит пару капель, от которых, кроме ржавчины, пользы никакой.

Накрашенные темно-вишневой помадой губы скривились, выпуская струйку дыма.

— Если бы мы знали, что Дрейк нашел телепортера, то спланировали бы все иначе. Но у нас была старая база данных, Андэр. Новая появилась только вчера вечером.

Мужчина злобно вскинулся, отчего светлые спутанные пряди рассыпались по плечам веревками; белесые глаза его сверкнули в полутемном помещении. Ирэна никак не могла привыкнуть, что после многочисленных экспериментов прежний цвет к ним так и не

вернулся.

— Старая база данных! — заорал Андэр, сотрясая холодный воздух. — Мать твою! Я столько лет спал и видел, как вырежу их всех до единого... не сразу, по одному, мечтал и видел, как Дрейк будет скрипеть зубами от бессилия и злости. И я найду, поверь мне, найду способ отомстить ему. Нужно узнать все про эту новенькую! И если это правда, что она — телепортер, нужно убрать ее первой.

Ирэна поморщилась от единственного звука, нарушающего тишину, — звука скрипящих зубов Вейероса; и стряхнула пепел прямо на подоконник.

* * *

Посасывания, причмокивания и шуршание.

Причем, причмокиваний больше всего — странных непривычных звуков, напоминающих губы младенца, обхватившие материнский сосок.

В данном случае соска не было, а были ягоды земляники, высыпанные прямо на паркет. И куча пушистых непонятного происхождения существ, впервые выпущенных из клетки. Именно они теперь жадно и торопливо смаковали мытые пузатые ягоды, оставляя на полу только зеленые шляпки и розовые влажные капли сока, в которых сами же вымазывались, перекатываясь с одного места на другое. Впрочем, за еду не дрались.

— Значит, все-таки есть у них рты....

— И ягод хотели для себя.

— Проголодались...

— Сколько же можно было сидеть взаперти? Кто угодно проголодался бы.

— А я во рту зубов не вижу, только маленькие розовые язычки.

— Я тоже не вижу.

— А рук и ног, правда, нет...

— Интересно, какие они на ощупь?

То был мой диалог с Клэр, все же решившейся купить ягод и провести первый эксперимент. Сидя на полу у дивана (кошки были предварительно заперты в спальне), мы с интересом наблюдали за первой трапезой Смешариков.

— Почти все съели...

— Теперь, поди, нагадят где-нибудь?

Клэр, являвшаяся по совместительству и домработницей, несмотря на романтическую нотку, оставалась до мозга костей прагматичной особой, и я прыснула в кулак.

— Не хотелось бы...

— Смеешься? А ведь их еще как-то обратно в клетку надо собирать.

— Да уж, задача...

Пока мы разглядывали глазастых пушистиков, они полностью расправились с ягодами и принялись глазеть на нас.

Мы переглянулись. Тишина и замешательство продолжались какое-то время. Наконец, я прочистила горло и, повернувшись к комкам шерсти, неуверенно спросила:

— Надеюсь, на какое-то время вы наелись. А спать где хотите?

После моего вопроса Смешарики (разрази меня гром, если это было не так!) переглянулись. И через секунду в моей голове возникло изображение плетеной корзины с

мягкой подушкой на дне.

— Ты это видела?! — обернулась я к Клэр.

— Корзина, — кивнула она удивленно. — Они хотят корзину.

На какое-то время мы снова ошарашено притихли. Потом Клэр неуверенно высказалась:

— Думаю, такую корзину можно найти в магазине. А подушку я могу сама сшить, это не...

Не успела Клэр закончить фразу, как в этот момент в комнату, крадучись и озираясь по сторонам, вошла Ганька. Следом за ней из-за косяка показалась белая морда Михайло.

— Все-таки выскреблась из-за двери, рыжая разбойница!

Не успели мы сорваться с места, чтобы отловить Огонька и снова поместить за дверь, как кошка узрела Смешариков, выпущенных на свободу, и радостно направилась прямо к ним. Стоило ей оказаться на расстоянии метра, как Смешарики одновременно раскрыли беззубые рты и угрожающе зашипели. Ганька тут же встала на дыбы и попятилась боком, недобро сверкая зелеными глазами.

— Так! Это что такое? — разозлилась я на всех действующих лиц. — Ну-ка, дуйте отсюда! (это было адресовано кошкам) А вы... (это уже Смешарикам) вы что?! Ганька и Миша — это семья! У вас есть мозги, у них... тоже есть, но не такие развитые...

Виновато покосившись на вытянувшееся лицо Клэр, я пояснила:

— ... ну, так Дрейк сказал. Что они умные, и у них какой-то сложный генотип. Поэтому учить будем Смешариков, а не кошек.

После чего, повернувшись к пушистикам, нахмурила брови и, надеясь на то, что меня не только услышат и поймут, наставительно заявила:

— Жить будем в мире! Иначе унесу вас всех и оставлю между мирами, понятно? Кошек надо защищать, а не драться с ними, поэтому чтобы никаких склок. И пока у вас нет корзины, будете жить в клетке. А-ну, марш обратно!

Изобразив из себя статую Ленина с указующим перстом, я хмуро воззрилась на выводок меховых яиц с круглыми глазами.

Прошло несколько секунд.

Напуганную шипением Ганьку сжимали цепкие пальцы Клэр, Миша наблюдал за действием сидя у косяка, рационально решив не приближаться без крайней необходимости.

Затем раздалось мягкое шерстяное шуршание. Один за другим Смешарики, с грустью косясь на зеленые шляпки от ягод, выстроились в цепочку и покатались в направлении клетки.

Я вздохнула с облегчением.

Ворочаясь тем же вечером в постели, я надеялась лишь на одно: дали бы выспаться. Днем закрутилась — прилечь не вышло, а теперь глаза слипались. Если опять вызовут на задание, делать буду не разлепляя век.

Знакомо светил в комнату белесый лунный диск, свернулся на соседней подушке Миша. Клетка стояла рядом с кроватью. Шорох, после удачно прошедшего первого контакта со Смешариками, теперь не волновал и не раздражал. Я привычно укутала всех, кто пытался уснуть за прутьями, светящимся одеялом и вслух пожелала им доброй ночи.

В ответ перед глазами появилась картинка кланяющихся глазастика (и тебе, мол, того же). Я хмыкнула и улыбнулась. Затем, почему-то отложив желание поспать, повернулась на бок и с любопытством посмотрела на клетку.

— Скажите, а у вас есть своя планета? Мир, откуда вы пришли?

В голове возник образ телевизора с пробегающим по экрану шумом.

— Что это? Это означает, что вы не помните?

Тишина в ответ. И темнота в голове.

— А что вы помните?.. Ну, где-то же вы родились?

Накатила чья-то грусть — не моя, чужая. А потом перед глазами стали быстро меняться странные изображения: белые халаты, колбы, стол, укутанные масками склонившиеся лица врачей и яркий свет ламп...

— Лаборатория? — воскликнула я в темноте спальни громче, чем следовало, отчего Михайло тут же поднял голову и сонно приоткрыл один глаз. Снизив тон, я спросила:

— Вас сделали в лаборатории Реактора? Для чего?

И снова телевизор с шумным экраном и чья-то грусть в воздухе.

— Так, получается, у вас нет ни планеты, ни мира, ни дома?

В воображении появился мой собственный особняк — кухня, гостиная, спальня... Будто с облетом камеры по плавной дуге. Красиво.

— Дом? — осторожно спросила я, — мой дом — ваш дом?

Грусть тут же неосяземо сменилась радостью.

Ясно. Мой дом — это единственное, что у них есть. Несложно предположить, что с ними стало бы, не забирая я их себе. И пусть жилье теперь несколько напоминало зверинец, все же новых друзей я отдавать не собиралась. Выведенные, по всей вероятности, только для проведения экспериментов по телепортации, они никому больше не были нужны. А ведь поначалу я надеялась, что Дрейк их не создал, а принес откуда-то, куда собирался потом вернуть. Ан-нет.

— Хорошо, дом... — проворчала я, соглашаясь. — Только как быть с Огоньком и Мишей? Я что-то переживаю...

В голове с готовностью всплыло новое изображение: спящие на диване кошки в окружении Смешариков, спящих там же. Идиллия, не иначе.

— И вы всерьез думаете, что это возможно? Или они вас сожрут, или вы их...

Качающие в воображении головой Смешарики, похожие на смайлики. Мол, нет, все будет хорошо.

Я зевнула и закрыла глаза, пробормотав «посмотрим».

Прежде чем заснуть, успела еще раз увидеть корзину с подушкой на дне.

— Я помню-помню... — ответила то ли вслух, то ли мысленно, после чего соскользнула в сон.

Проснулась в четыре утра.

Снился дом. Мой дом, тот, прежний... Какое-то время я прислушивалась к тишине в спальне, борясь со странным желанием доделать что-то. Потом поднялась с постели и долго смотрела в окно на заснеженную улицу, притихшую под светом фонарей.

Почему не спится? Отчего необъяснимая тоска на душе? Через минуту, повинувшись непонятному порыву, включила настольную лампу, подошла к шкафу и нашла старую одежду. Натянула ее на себя — большую и разношенную, словно картофельный мешок, — вернулась к кровати, погладила кота, поцеловала его белую макушку и выключила лампу.

— Скоро увидимся.

Нашла старые ботинки, зажала в руке.

Пора «дожить» то самое затянувшееся воскресенье. Дожить тот день до конца, чтобы он, напоминающий «день Сурка», уже, наконец, закончился.

И прыгнула домой.

Дальше шло на автопилоте.

Сознание забило в маленький бронированный отсек, чтобы не реагировать на окружающий абстракционизм, и вместо Бернарды появилась привычная прежняя Дина — уже не настоящий человек, а надувная кукла. Так... для отвода глаз. И эта кукла о чем-то говорила с мамой, ходила в магазин, убиралась в комнате, помогла вытрясти во дворе ковры...

— Толь, а в прошлой серии этот мужик начал чинить заговор Грызлову, помнишь?

Мама с интересом смотрела вечерний сериал, забравшись на диван с ногами. Отчим в соседнем кресле читал газету, изредка поглядывая на экран, где разворачивалась некая криминальная драма. Действие проходило под Москвой: хорошие дома, джипы, бритые бандюки, ласковогоголосые злодеи, одетые под депутатов...

Господи, какой бред!.. Казалось бы, криминалы есть и в Нордейле. Их, судя по всему, множество на Уровнях, тогда отчего же такой поразительный контраст? На экран смотреть было тошно, и я смотрела на старую стенку-гарнитур, с приклеенными круглыми ручками на дверках (в прошлом они много раз отрывались). Находиться «здесь» стало сложно. Хуже всего, что я не могла понять, почему так происходит.

Идя в магазин, я всматривалась в лица прохожих, в выражения глаз, на одежду — все будто в первый раз. В супермаркете — яблоки с проплешинами, лежалые мандарины, написанные от руки ценники; на улице — описанные многочисленными собаками ножки лавочек и урны, заиндевевший асфальт, жухлые листья и вечная газовая дымка, молча и ядовито плывущая над городом.

Родина...

Герои на экране заливались матерками и исходили угрозами, тыкали друг в друга дулами пистолетов и сотрясали кулаками. Как дешево и глупо. Почему-то подумалось, что будь здесь Дрейк, он бы не стал говорить — уложил бы всех разом потоком супер-энергии...

Я потеряла лицо. Господи, я, наверное, схожу с ума. Раньше это место было домом, а теперь отторгалось вместе с укладом, людьми и даже родственниками. Грустно? Чуть-чуть. Не настолько, как могло быть. Прежняя Дина валялась бы в рыданиях, скажи ей, что однажды все изменится вот так; а новая смотрела на все с легким налетом грусти и раздражения, как на старые марочные наборы, на коллекционирование которых ушло столько лет. Пустая трата времени? А когда-то было интересно... Наверное, так же чувствует себя человек, уехавший из деревни работать в Столицу — новые места, знакомые, привычки. Новая речь, новое лицо — и запертое в дальний шкаф провинциальное прошлое. А иногда ведь надо приезжать, надо навещать. И смотрит тот человек на свою детскую комнату, смотрит на постаревшие знакомые лица родни, живущей привычной жизнью, и понимает, что два раза в одну и ту же реку не войти. Но, может, оно и к лучшему.

— Дочь, ты какая-то уставшая...

— Ага, мам, и не говори.

Она была все той же. Это было и хорошо, и плохо. На ум неизменно приходили кадры из фильма «Искусственный разум», где мальчик-киборг мечтал вернуться в один-единственный день своей жизни, чтобы прожить его с мамой. Даже если это всего лишь иллюзия, даже

если это все уже больше не настоящее. Но хоть так.

Неприятное сравнение, но очень точное. Никто не заметил никаких изменений. Никто вообще ничего не заметил, потому что не мог. Потому что в этом мире ни один человек не поверил бы, что время может стоять, что разум может видоизменять вещи, что возможно однажды прыгнуть в воображаемую чашу фонтана. Захлестнула ностальгия и горечь.

Захотелось вернуться туда, где меня понимали. Где думали так же, как я, где жили по-другому, где могли чему-то научить. Но еще не время. Я хотела дожить этот день до конца, и я его доживу.

— Пойду спать, мам.

— Ладно. Тебе же завтра на работу? Разбудить тебя?

(Работа? Ах, да! Работа... Это не тот самый чип в плече, а бюро переводов...)

Застыв лишь на мгновение, я кивнула:

— Разбуди.

* * *

Мне точно всегда нравилась эта узкая и жесткая кровать?

* * *

Они смотрели на меня как на чужую.

А я улыбалась.

Оказывается, лица коллег почти забылись, выцвели и вытерлись, равно как и половина английских слов за ненадобностью. И на тот сертификат о чьем-то замужестве, который требовалось перевести, я все равно не смотрела. Качалась на стуле, праздно глазела на ставший непривычным офис, игнорируя удивленный взгляд Валентины Олеговны.

Как пыльно, тускло и занудно. И какая-то безнадега в воздухе. Вечное стучание пальцев по клавишам, отбывание безрадостных рабочих часов «от» и «до», чтобы попытаться найти утешение в сумерках вечера, а утром начать все по кругу: подъем, умывание, завтрак, автобус, офис и снова вечер.

Татьяна старательно прятала нездоровый интерес к моей изменившейся внешности, но в какой-то момент не удержалась.

— Диночка... — ележно начала она.

— Бернарда, — холодно поправила я.

Таня на мгновение замерла, получив по носу невидимый щелбан. Но любопытство взяло верх, вопрос все-таки прозвучал.

— ...Ты каких пиявок наглоталась, чтобы за выходные так похудеть?

— Хороших. Заморских. — спокойно ответила я, составляя один-единственный документ, над которым было желание работать. — Только вот от злости они не избавляют, а посему тебе не помогут.

Она осела, отступилась, даже не решилась пойти в дальнейший бой. Просто дала задний ход, как мелкая гиена, чувствующая близкое присутствие по-настоящему сильного хищника, тягаться с которым себе дороже. Забилась за свой стол, утихла, не разозлившись, а больше

растерявшись.

Я же допечатала документ, вывела его на принтер и положила еще теплый лист на стол администраторше.

— Заявление об уходе? — оторопело прочитала та. — Ты это серьезно?

Офис ошеломленно притих.

Я снова улыбнулась.

Все. Это все больше не мое. Не вернусь сюда, даже если в жизни не останется ровным счетом ничего. Хватит с меня пыльной скуки. Да и дело было не столько в пыли, сколько в осознании того, что я изменилась. Видимо, насовсем.

Ближайший пункт обмена находился неподалеку, за углом. Кутаясь в старый необъятный пуховик, я пересекла улицу. Чадили автобусы, крутились у киоска, покупая сигареты, подростки, кряхтела от непосильно тяжелой сумки пытающаяся вскарабкаться на тротуар бабка. Я ловко плыла в общем потоке людей. Болтали о своем симпатичные студентки, говорили по телефону в показушно дорогих авто «бизнесмены». Чванливо так, с затаенным выражением брезгливости и превосходства на лицах.

Мне было не до них.

Скрипнула тяжелая металлическая дверь — дохнуло спертým теплом.

Вытащив из кармана деньги, я обратилась к кассирше:

— Мне сто евро и сто долларов, пожалуйста.

Искаженный в динамике женский голос назвал нужную сумму в рублях, которую я положила в лязгнувший царапанный лоток.

Денег при увольнении выдали немного, но достаточно для осуществления пришедших в голову идей. Сложив валюту во внутренний карман, я вынырнула на стылую улицу. Так, что дальше? Покрутила головой, осмотрела промозглый проспект — газетный киоск нашелся у магазина. Продавщица внутри читала «Мою семью». При стуке в окошко щелкнула замком, неохотно впуская в маленькую утепленную будку холодный воздух, посмотрела поверх очков.

Я успела подумать, что в детстве тоже мечтала быть продавщицей в газетном киоске: свой маленький мирок, отдельный островок, состоящий из мелочей, своя империя карандашей, календарей, маленьких китайских игрушек и лет тридцать назад вышедших из моды тройных одеколонов; и я — королева, царь горы, сидящая посреди «богачества». Мда-а-а. Дети просты в своих желаниях.

— Мне, пожалуйста... — на секунду задумалась о количестве, затем кивнула сама себе, — ...пять билетов «Русского Лото».

Этого достаточно. Если бы один, то подозрительно, а пять — это все-таки шанс. Принесу больше — будет выглядеть перебором.

Женщина протянула в окошко пять ярких бумажных полосок — билеты на розыгрыш в следующее воскресенье.

— Спасибо.

Я расплатилась. Окошко захлопнулось.

Раньше бабушка покупала себе по билету каждую неделю. Были деньги — покупала по два, по три. Выигрывала редко, почти никогда — на моей памяти какие-то мизерные суммы по двести-триста рублей, — но верить в чудо, как и многие, продолжала исправно. Потом цены поднялись, а пенсия нет — билетики перестали быть постоянным атрибутом к

воскресному завтраку, и, тяжело вздыхая, Таисия Захаровна отказалась от надежды на манну небесную.

Я заговорщически улыбнулась.

А вот как бы позвонить?

Телефон, испарившийся когда-то между мирами вместе с сумочкой, новым так и не заменился. Не позволяли финансы. Не позволяли они и теперь; пересчет наличности удовлетворения не принес: осталась тысячная и пятисотенные бумажки и несколько сотенных купюр с копейками.

Я снова огляделась вокруг.

Телефоны-автоматы изжили себя во время девяностых. Нет, тогда они еще имели место быть, но с приходом доступной сотовой связи резко сократили свое количество на улицах. А те, что еще отваживались стоять, красовались отсутствием трубок или были хорошо замаскированы.

Пока я раздумывала над проблемой, решение подоспело само собой в виде мужчины, разговаривающего по мобильнику. Хищно сверкнув глазами, я терпеливо дождалась, пока он купит в том же киоске журнал «За рулем», после чего, не дав отойти, протянула ему сторублевую купюру.

— Простите, можно мне сделать один звонок с вашего телефона? Свой я забыла дома.

Тот сначала недоверчиво покосился на мое лицо, потом на деньги, затем покачал головой, отказываясь от оплаты, но телефон, после секундного размышления, все-таки протянул.

Я радостно поблагодарила и, не глядя на мужчину, принялась набирать нужный номер. Выждала привычные пять гудков, после чего услышала голос Таисии Захаровны:

— Алло, я слушаю.

Притворившись самым беззаботным и радостным созданием на планете, я проговорила:

— Бабуль, это я! Хочу зайти через полчаса. Вот звоню предупредить, чтобы ты ставила тесто на пончики, сделаешь?

Восторженное кудахтанье было мне ответом.

Еще раз поблагодарив незнакомца за доброту, я отдала мобильник, потуже затянула шарф и зашагала вдоль магазинов по улице. Пока пройду, бабушка как раз успеет начать жарить, и не будет сетовать на то, что встретила внучку пустым столом и отсутствием угощения.

«Эх, Клэр... знала бы ты, сколько масла она наливает в сковороду!»

Я усмехнулась.

Идти полчаса. Но на душе было хорошо, а в таком настроении любая прогулка не в тягость.

* * *

— Целых пять билетов, Диночка! Ты чего? Это ж так дорого!

— Мне зарплату дали, бабуль (последнюю). И выходной.

Грохот кастрюль, шкворчание кипящего масла на сковороде и изумительный аромат сахарного теста.

— В воскресенье не забудь посмотреть розыгрыш.

— Не забуду, не забуду. Только как же я... если бы за одним последить или, на худой конец, за двумя. А в пяти-то я не успею числа проверить...

На то и был расчет.

Из прежнего опыта я знала, что бабушка для подобной задачи соседку привлекать не станет: к лотерее она относилась, как к нижнему белью — свое должно оставаться своим, незачем малознакомых людей посвящать в приватную жизнь. А потому попросит именно меня проверить пару билетов через интернет — никому другому не доверит, так уже было раньше. А вот когда я буду их проверять и выяснится, что...

— Диночка, ты ведь мне поможешь? Посмотришь, какие я не услежу, через монитор?

Я довольно крикнула.

Монитором она называла компьютер. Ей казалось, что именно в том громоздком ящике, что ставится на стол, и заключена магическая вычислительная сила. А в том, что такое системный блок, бабуля разбиралась едва ли. Я не стала ее поправлять.

— Конечно, посмотрю.

Мою хитрость она не заметила.

Некоторое время я терзалась мыслью: повезло или помогли приложенные усилия?

В конце концов я потратила почти тридцать минут, которые у меня были, изменяя собственные убеждения: «Я всегда была такой, как сейчас. Всегда. Стройной, красивой. Я никогда не худела... никогда не была коровой, этого всего никогда не было. Не было...».

И что-то менялось вокруг. Шли круги по невидимой воде, что-то кликало, перестраивалось, работало. Прав был Дрейк: для того, чтобы изменить реальность, нужно изменить себя, а точнее собственное представление о самом себе. Принудительно вмешиваться в сознание бабушки, как однажды было проделано с мамой, не хотелось. Точнее, такой метод был поперек горла. Пришлось попробовать иной.

Он, вроде бы, сработал. Немного странно и с натяжкой (потому что бабушка иногда косилась в мою сторону, щурясь через очки, удивленная), но сработал. Она ни о чем не спросила, а я не стала вдаваться в ненужные объяснения.

Нам было хорошо: она радовалась мне — я радовалась ей. А тут еще билеты — один из самых любимых подарков, скрашивающих будни пенсионеров.

Зубы вонзались в сочную сладкую мякоть пончиков с неземным наслаждением. Масло было на губах и подбородке, сахарная пудра на носу и джинсах, а на душе — рай. Скоро бабушка станет немного богаче... Нужно только дождаться воскресенья.

Четвертый пончик был умят, когда раздался вопрос:

— Дин, а помнишь тот крем, что ты мне купила в аптеке?..

(В голове тут же включился вспоминательный процесс: Нордейл — аптека — крем для рук.)

— ...Так вот он оказался очень хорошим. У меня не только пятна исчезли, но и смотри, кожа стала не дряблой, а прямо... — показывая мне запястье, бабушка удивленно провела пальцем по тому месту, где еще недавно была экзема, — ... как у молодой стала. Я Клавдии Васильевне с четвертого этажа показала тюбик, она снесла его в аптеку, хотела себе такой купить, а там говорят, нету такого, как так? Ты же вот только недавно брала.

— Я взяла последний, — спокойно ответила, протирая губы салфеткой. — Может, попозже завезут еще.

— Надо же, — бабушка убрала сковороду с маслом на соседнюю плиту, — как нам повезло...

— Люди, которые оставили следы у Халка в особняке, ушли в портал, но после этого не появились ни на одном из доступных моему зрению уровней. Я не могу их засечь, как в воду канули.

Аарон Канн разложил в кабинете на столе карты и покачал головой, глядя на Мака Аллертона. Постучал по обведенному красным месту.

— Или в воду, или на Уровень «F». Так, Дрейк?

Начальник кивнул.

Канн был прав: это был единственный уровень, который создали для отбросов — тех, кто не хотел или не мог жить в ладах с законом. Комиссия соблюдала пакт о невмешательстве в дела живущих на нем людей, если, конечно, существование, которое они там влачили, можно было назвать жизнью. Само по себе развитие криминалов при полнейшем беззаконии было интересной областью для наблюдения. Даже такое невозможное, как выживание в полнейшем хаосе, становилось возможным тогда, когда над головой висела близкая кара за совершенные преступления. Не желавшие платить по счетам Комиссии имели шанс укрыться — о, да! Комиссия давала и такой шанс, но укрыться без права на возврат к нормальной жизни в других местах. Только в гнилой дыре, в которую много лет назад превратился Уровень «F».

— Кто-то нашел способ использовать порталы для возврата. — Дрейк прищурил серо-голубые глаза. — Мы не будем нарушать правила, установленные нами же, но это не значит, что мы позволим наслаждаться жизнью тем, кто дважды нарушил закон, выбравшись на поверхность. Поставить наблюдение на всех точках...

Продолжая говорить, он чувствовал ее. Каждым волосом на затылке, каждой клеткой, начинающей звенеть.

Бернарду.

Она стояла за дверью кабинета вот уже какое-то время, не решаясь постучать и тем самым нарушить ход дискуссии. Его тактичная Богиня.

Все то время, пока Дрейк отдавал указания, его невидимые уши-локаторы были повернуты к двери, а все сенсоры ощущений были направлены на улавливание волн, исходящих из-за стены. Она пришла с каким-то вопросом, но настроилась ждать. А еще слушать. Маленькая хитрюга.

— Подождите меня, я сейчас вернусь, — с этими словами Начальник направился к двери.

Она стояла, привалившись к стене, немного растрепанная долгим хождением где-то, но оттого не менее красивая.

Дрейк прикрыл за собой дверь и незаметно принялся. Ноздри его затрепетали, улавливая то, что обычный человек никогда бы не смог уловить.

— Ты пахнешь другим миром.

Она улыбнулась — не застенчиво, как обычно, а по-другому, по-взрослому — устало и немного иронично:

— Другим миром, это не другим мужчиной, правда?

Он не ответил. Вообще не дал этой фразе проникнуть внутрь, дабы избежать волны уже

придвинувшихся ближе эмоций.

— Ты о чем-то хотела спросить.

— Да. Могу я получить часть своей зарплаты в валюте моего мира?

— Можешь. Отнеси в лабораторию образцы.

— Уже иду, спасибо.

И она покинула его. Легко и изящно, не замечая того, как покачиваются в такт со стройными бедрами длинные локоны, оставляя на ковре пыль незнакомой планеты и сладкий шлейф недосказанности, напоминающей о том, что все еще впереди.

* * *

Идя к лаборатории, я размышляла над тем, что услышала у кабинета.

Уровень «F» — что это такое? Оказывается, есть какой-то рассадник для отбросов, откуда путь заказан? И почему «F» — [Fucking Forbidden Floor?](#)^[2]

Не самый лучший перевод, но другого в голову не приходило.

Дошивая цветастую наволочку для подушки, которой предстояло лечь на дно корзины для пушистиков, Клэр с притворным недовольством ворчала в кресле напротив телевизора.

— ...Вот если бы меня предупредили, что сегодня будет столько гостей, я бы напекла не овсяного печенья — жесткого и диетического, как привыкла делать для тебя, а приготовила бы малиновые пудинги. А так скормила всю ягоду Смешарикам, на десерт не осталось, и этой Шерин пришлось грызть твое сухое...

Я расслаблено сидела на диване, поглядывая в телевизор. Хотелось отдохнуть: день и вправду выдался долгим и насыщенным. А ведь еще и восьми нет. Дикторша на экране бубнила о том, что в городе резко возрос уровень правонарушений и никто не может дать прогнозов, когда же эта волна спадет.

— Если бы я знала, что придет Шерин, то обязательно бы предупредила тебя. А ведь она даже не позвонила, просто пришла с огромной подарочной корзиной...

Девушка Халка Конрада действительно нагрязнула без приглашения, принесла в качестве благодарности подарочный набор доверху набитый шоколадом, душистыми сырами и какими-то редкими коллекционными винами, которые нам непьющим — мне и Клэр — скорее всего, удастся сохранить до второго пришествия.

— Так-то она хорошая девочка. И тебя к ним в дом пригласила, и вообще, как будто подружиться хотела. И мне кажется не из-за того, что ты ее мужчину спасла, а так, по личной симпатии.

Я вяло кивала, слушая повариху. В руках той неустанно мелькала иголка — вверх-вниз, стежок, прокол, шуршание нитки за иглой...

— А вот зачем пришел второй гость — доктор этот? Нет, я ничего не говорю — очень симпатичный мужчина, но тоже без звонка, и непонятно, чего хотел...

Это точно. Лагерфельд пожаловал в мой дом впервые. Тоже без звонка и приглашения (сговорились они что ли?), тоже с коробкой конфет, но хотя бы без вин. Посидел, попил чаю (покрасневшая до корней волос Клэр не решилась ставить перед гостем все то же овсяное печенье), поговорил считай что ни о чем и, смущаясь, довольно быстро ушел. Вспоминая об этом, я до сих пор чувствовала, как горят щеки. Станный то был визит, непонятный... Пришел знакомиться с коллегой при свете дня и в одежде?

От этих мыслей хотелось глупо хихикать.

Еще один звонок в дверь раздался уже около десяти вечера. Сунув босые ноги в тапки, я пошла открывать. Спустившись вниз, прежде чем протянуть руку к замку, выглянула в окно: на подъездной дорожке стояла серебристая машина Начальника.

По телу тут же прошло нервное возбуждение.

На его волосах блестели снежинки, серебристая форма уступила место элегантному зимнему пальто и шарфу, лишь суровое привычное выражение лица осталось прежним. Дрейк вообще не баловал кого-либо разнообразием проявляемых эмоций, лишь в глубине глаз и в невидимом поле угадывались оттенки и тона — сложные составляющие его настроения.

Без какого-либо приветствия он протянул мне пахнущие новизной хрустящие купюры, после чего сказал:

— Будь осторожна с этим. Да, серийные номера разные, но, так или иначе, они не числятся в банках твоего мира. Если поймают, проблем не избежать. В следующий раз лучше найти иной способ добычи денег. Легальный.

Переминаясь с ноги на ногу, я кивнула и взяла протянутые евро и доллары, не зная, то ли пригласить начальника внутрь, то ли постараться сберечь нервы Клэр, которая снова примется тихонько шипеть на меня из-за отсутствия предупреждения о гостях.

— Спасибо. Может быть...

— Овсяное печенье? Нет, спасибо, — в глазах Дрейка мелькнули смешинки. — Я должен идти. Завтра с утра жду в спортзале.

Оторопело кивнула я уже его спине. Как он узнал про печенье?

Хлопнула водительская дверца. Заурчал мотор.

Отодвинув ногой высунувшую на улицу розовый нос Ганьку, я закрыла входную дверь и какое-то время просто стояла возле нее, не в силах разобраться, о чем, собственно, пытаюсь думать.

Часть ночи прошла в размышлениях о том, что деньги есть, но их нет.

Бабушка... Совсем не хотелось, чтобы у старенькой Таисии Захаровны на руках были «грязные» деньги. Придется придумать, как снизить риск и сделать так, чтобы бабушке было не о чем беспокоиться. А еще придется придумать, как проводить достаточно времени в своем мире, чтобы наконец настало воскресенье — день розыгрыша ее билетов.

Раньше казалось, подумаешь, два мира! По-разному идущее время? Ерунда! А теперь становилось все тяжелее. Я чувствовала себя словно пытающийся удержаться на двух разъезжающихся в разные стороны плитах акробат. Вот-вот почва вывернется из-под ног — и придется лететь куда-то вниз.

Кутаясь в одеяло, вздыхала. Когда-то тот факт, что время в моем мире стоит, радовал (родственники не стареют, им ничего не грозит), теперь же это перестало вызывать положительные эмоции. Все заметнее становился разрыв между «там» и «здесь».

Черт... Что же делать?

Безмолвно покоились на тумбочке деньги — евро, доллары, рубли — на любой вкус. Настоящие и нет. Так же безмолвно взирал на стоящую у кровати корзину Михайло. Я погладила его белую голову и прошептала:

— Да, дались они тебе? Чего не спишь? Они обещали, что будут хорошо себя вести.

Коту мои слова не помогали: его зеленые глаза неотрывно следили за мирно шебаршащимися на мягкой подушке Смешариками. Те получили возделенную корзину в одиннадцать вечера, когда Клэр закончила с цветастой наволочкой. Клетку открывали с осторожностью — вдруг какие инциденты? Но нет, все прошло тихо и мирно. Выбравшись из заточения, меховой отряд дружно прокатился по ковру, а подъехав к плетенному бортику, принялся запрыгивать(!) — один глазастик за другим — на мягкую подушку.

Мы стояли, разинув рты. Никто не ожидал, что Смешарики обладают умением прыгать (да, похоже, что и высоко прыгать...) И, как только все особи переместились в корзину, в моей голове возникло изображение собственной спальни.

Я возмущенно уперла руки в бока:

— Что? Еще и я вас туда неси? А нельзя было сначала унести туда пустую корзину, а потом уже и вы бы в нее забрались?

Смешарики, все как один, восторженно смотрели на меня золотистыми глазами. Клэр

засмеялась.

— А ведь им нравится моя корзина!

— Еще бы... Им вообще все нравится, не заметила? И ягоды, и корзина, и подушка...

Быстро как прижились! — покачав головой, я взялась за плетеную ручку и со знаменитым Гагаринским «поехали» понесла меховую орду в спальню.

* * *

Оказалось, что работа с материей — это самое сложное из всего, чем мне доводилось заниматься в жизни, и я мысленно негодовала так, как это делал бы детсадовец, которому на день рождения подарили учебник по Геометрии. То есть со вкусом, толком и расстановкой, а главное, постоянно.

Дрейк в ответ только щурил глаза и наседал еще жестче.

Если раньше мне казалось, что Начальник по какой-то причине начал меня игнорировать, то теперь я молилась, чтобы те золотые времена вернулись.

Нет, я его не разлюбила. Я наслаждалась обществом Дрейка, как и в прежние дни: млела от близости, ловила взгляды, вбирала запахи, постоянно сдерживала желание коснуться, когда тот был на расстоянии вытянутой руки (зря я столько времени потратила на изменение внутренних установок?). Невероятно хотелось проверить, что все-таки произойдет...

Но все эти мысли с реактивной скоростью вылетали из головы, стоило только услышать из его уст очередное задание.

Поменяй цвет стеклянного кубика на столе!

Что?

(Дрожь в коленях...)

Как?!

Ему было плевать *как*. Перепредставь! Сделай так, чтобы замененный мысленный образ обратился реальностью. А стеклянный кубик — не дурнее паровоза — меняться совершенно не спешил. Я корежила голову и скрипела зубами, мысленно сквернословила и потела. На то, чтобы добиться хоть каких-то результатов в первом задании, у меня ушло три дня — в какой-то момент кубик чуть посинел. Дрейк был доволен. «Да, это тебе не привычная телепортация», — усмехнулся он и тут же поставил передо мной новый ребус.

Измени форму пластикового теннисного шарика. Снова перепредставь? Я отчаянно пыжилась, пытаюсь родить этот каменный цветок до тех пор, пока, однажды не разозлившись, просто не топнула по нему ногой. Шарик сплюснулся.

Дрейк зло сжал губы.

Начали все сначала...

Нагрей воду в стакане (да что я нагреватель, что ли?) Хоть палец туда суй, чтобы температура поднялась. Ах, нет? Палец нельзя? Мысленно? Вот черт...

Домой я возвращалась пошатываяющаяся и с плывущей головой. Сознание из-за постоянных попыток перепредставления грозило уйти в коллапс. Это ему — Дрейку — все давалось просто! Захотел, чтобы кубик из прозрачного стал красным — он тут же и стал. А я хоть пукни с натуги — все одно, не работает!

Дома тоже был бардак.

А все потому, что у Смешариков выявились новые способности — превращаться.

Только этого еще не хватало.

Первой это заметила Клэр, когда попыталась взять лежащую рядом поварешку, а та, обернувшись меховым глазастым сгустком, со смехом скатилась со стола. Да-да! Оказалось, они еще и смеялись, шутники пушистые. Точно говорят: как лодку назовешь, так она и поплывет. Напугали кухарку едва ли не до инфаркта, отчего та целый вечер накачивалась успокоительным, рассказывая мне свои эмоции по пятому кругу в деталях.

Я, помнится, верить поначалу не особенно спешила.

Но до подтверждения правдивости ее слов ждать пришлось недолго. Как-то утром у меня на тумбе появился букет алых цветов, стоящий сам по себе, без вазы; а стоило мне продрать глаза и с удивлением потянуться к нему — как цветы тут же приняли форму глазастиков и стремительно раскатились по всем углам, дабы не схлопотать по пушистым попам от недоброй (в предвкушении нового рабочего дня с материей) меня.

Впрочем, в корзину у кровати на ночь они собирались исправно и делали вид, что ничего особенного за день не произошло. Ну, подумаешь, повисели на стенах дополнительными картинками или встали на полке дополнительными книжками? С кошками ведь не подрались и ничего не испортили.

Сначала мы с Клэр пугались, бывало, даже злились. Но потом привыкли и потихоньку начали посмеиваться.

Все-таки способности пушистых существ оказались сногсшибательными.

Вот уж кто в совершенстве владел работой с материей... Мне оставалось только позавидовать. Как из меха, плоти и крови (если, конечно, она там была) обращаться в железо или пластмассу? И ведь на ощупь каждая «подделка» выглядела очень даже близкой к оригиналу.

Пришлось выработать новое правило: если видишь что-то, чего пять минут не стояло, не лежало, не висело (и вообще здесь не находилось), то не трогай: это Смешарик.

Балаган, да и только.

Но этот балаган, как ни странно, помогал моему разуму лучше принять убеждение о том, что все возможно. А это, в свою очередь, помогало достичь больших результатов на уроках с Дрейком. Воспоминания о проделках домашних питомцев подстегивали мой быстро угасающий в случае неудач энтузиазм, подталкивая к новым пробам и попыткам.

Мысль о том, чтобы избавиться от Смешариков, мне в голову не приходила. И тому было несколько причин. Во-первых, кошек они, как и обещали, не трогали. Иногда даже пытались вместе играть, а если в дело вступали Ганькины когти, то быстро оборачивались чем-нибудь мокрым, шипящим или колючим — кошачий интерес к таким предметам моментально таял. Во-вторых, избавиться от глазастиков можно было только одним способом — вернуть в реакторную лабораторию, где их ждала бы смерть. А в-третьих, мне было любопытно и забавно иметь таких существ дома: вреда они не чинили (шутки не в счет), жить не мешали, по вечерам мило собирались в корзине и пытались вести диалоги в картинках. В общем, мы прикипели друг к другу.

Гости, приходившие в дом, ровным счетом ничего не замечали. Да и кто обратит внимание на новый ряд кактусов на подоконнике, кучу свечей по всей комнате или ворох разноцветных тапок у входа в коридоре? Подумаешь, причуды у хозяйки... Ведь никто не знал, были они там до этого или нет.

Одно я со временем подметила совершенно точно: посторонним Смешарики показываться не спешили и при чужих ничем себя не выдавали. Никогда. Из-за такого

поведения и я осторожничала с рассказами о них. Даже Дрейку.

Несколько раз тот спрашивал о том, как поживают новые питомцы, и я осторожно уходила от детальных ответов, ограничиваясь улыбками и неизменными словами «хорошо, спасибо». Дрейк шурился, думал о чем-то, но вслух ничего не говорил.

Я списывала это на то, что помимо работы со мной, Начальник оставался постоянно занят чем-то иным, что не позволяло ему надолго сосредотачиваться на теме Смешариков. Но это было к лучшему.

Пока я корпела над изменением физических форм с помощью мысли, мои коллеги тоже подвергались безжалостным физическим нагрузкам: иногда мы сталкивались в коридорах, где они, взмыленные и пышущие тестостероном, одевшись после душа, расходились по домам. Несколько раз, следуя по коридорам за Дрейком, я видела их стрельбище — тир, размером со стадион, в котором вместо привычных статичных мишеней использовались движущиеся тени — псевдо-фантомы, как объяснил Начальник. В этом помещении постоянно менялось освещение и перестраивалось пространство с учетом того, чтобы декорации никогда не повторялись и у ребят не было возможности действовать по памяти. Так же, по словам Дрейка, ранения, полученные в этом месте, были вполне настоящими, поэтому двигаться и защищаться нужно было так же активно, как это пришлось бы делать в реальной жизни.

Мда-а-а. Жестоко. А я еще сетовала на трудность своих уроков. Хотя, когда дело доходило до физических нагрузок в спортзале, я тут же забывала чужие проблемы, выматываясь до седьмого пота.

Времени на посещение своего мира выдавалось мало. Я старалась бывать там, один раз даже ночевала в старой спальне, но по большей части приходилось упорно трудиться в Нордейле.

В один из вечеров, не справившись с заданием во время урока, я взяла трудовой материал домой — им оказался пластмассовый кубик, которому следовало придать треугольную форму. Материя, как и раньше, почти не давалась мне, выматывая силы и нервы без какой-либо отдачи взамен. Редкие результаты казались мне больше совпадением, нежели влиянием силы воображения на реальный предмет.

Уставшая и измотанная, дома, в гостиной второго этажа, я выложила пресловутый кубик на стол, и, радуясь тому, что Клэр куда-то уехала на Нове (машина уже какое-то время пребывала в нашем общем пользовании), я села на диван, закрыла глаза и принялась представлять, что когда открою их, на столе вместо куба будет стоять треугольник.

Что ж... Результат превзошел все ожидания.

Когда я открыла глаза, на столе стоял один пластмассовый кубик и штук двадцать пластмассовых треугольников. Я всплеснула руками:

— Я, конечно, понимаю ваше желание мне помочь, но таким методом мне Дрейка не обмануть. Кыш!

Все «бывшие» треугольники тут же скатились со стола, расстроено поглядывая на меня золотистыми глазами.

— Ну и зоопарк...

Я разочарованно покосилась на оставшийся стоять на столе кубик и покачала головой.

Еще минут тридцать было убито в бесплодных попытках явить миру чудо, после чего хлопок входной двери начисто убил остатки вдохновения, известив о том, что вернулась Клэр.

Шурша пакетами, она поднялась на второй этаж, принеся с собой аромат морозного воздуха и улицы.

— Привет! А ты знаешь, что этот сброд пытается начать говорить?

— Что?

Меховой «сброд» в это время крутился вокруг ног поварихи, не давая прохода.

— А вот смотри! — Клэр перевела взгляд на Смешариков. — Я ягод купила. Пойдем есть?

— Есь! Есь! Есь! — тонко и вразнобой запищала орава.

— Только этого еще не хватало! — обреченно закатив глаза, я снова покачала головой, искренне надеясь, что писк и гвалт в скором времени не наполнит все этажи особняка; после чего убрала со стола злосчастный кубик. — Тогда я тоже хочу «есь». У нас «есь» что-нибудь?

И мы обе засмеялись.

* * *

— И как?

— Что «как»?

В невысоком стакане с виски, что держал в руке Стивен Лагерфельд, глухо звякнули льдинки.

— Как выглядит ее дом?

— Нормально выглядит. Аккуратный, чистый... обычный. В нем нет явных признаков тщеславия или сумасбродства. Обычный дом обычной девушки. Прекрати во всем видеть умысел, Баал.

Поставив ногу на каминную ступеньку и опершись локтем на колено, Регносцирос задумчиво смотрел на огонь. Казалось, жар, идущий от пламени, не трогал его. Темные волосы ширмой с двух сторон скрывали лицо, отчего Лагерфельд никак не мог увидеть его выражение и определить настроение друга.

«Мрачное, как обычно, — подумал он. — Как и все в его доме».

— Как ты можешь любить этот склеп? — уже не в первый раз спросил сидящий в кресле врач, оглядывая темно-вишневую мебель, черную кожу диванов и выкрашенные в непонятный безрадостный оттенок стены. — Я бы сказал, что это у тебя проблемы, судя по обстановке.

Мужчина у камина передернул плечами; волосы его качнулись в такт движению.

— Она пыталась с тобой флиртовать?

— Нет.

— Как-то заигрывать?

— Нет.

— Встретила в соблазняющей одежде?

— Да нет, черт бы тебя подрал! Как она могла встретить меня в соблазняющей одежде, если я пришел без приглашения? Повелся на твою дурную просьбу. Она больше смутилась, чем что-либо еще. Вот и все.

— Угу... — неопределенно согласился Баал. — Она слишком умна, чтобы так просто себя выдавать.

Стивен продолжал буравить глазами широкую спину в темном пуловере.

— О чем ты?

— Пытаюсь понять, через кого из нас она попытается манипулировать. Значит, не через тебя.

— Манипулировать кем? — Лагерфельд почувствовал, что начинает злиться.

— Дрейком, кем же еще. Она уже близко к нему подобралась, но ей хочется еще ближе. Чтобы двинуть все в правильном направлении, она попытается вызвать в нем ревность, используя одного из нас...

— Ты совсем рехнулся...

— Это я-то рехнулся? — Регносцирос резко выпрямился, откинул упавшие на лицо волосы назад и со злобной усмешкой посмотрел на друга. — Бабы коварны, Стив, все без исключения. А эта сразу просекла, к кому надо подкатывать, чтобы урвать больше всего привилегий. Она покрутится с милым выражением лица вокруг него, даст к этому привыкнуть, а потом вильнет задом, показывая, что нашла кого-то еще — и тогда он взвоет.

Лагерфельд какое-то время молча смотрел на Баала, пытаясь понять, верит ли он в логику друга или нет. Бернарда не выглядела в его глазах коварной, нет. Да и Дрейк никогда не был идиотом. Он вообще не сумел бы подняться так высоко без умения предугадывать намерения потенциального противника за десять ходов вперед. А то и за сто... Конечно, между этими двумя иногда сквозило что-то странное, но оно было настолько неосязаемым и неопределенным, что любые выводы выглядели бы слишком поспешными. Да и Дрейк... Стивен никогда не подумал бы, что кто-то сможет раскрутить Начальника на эмоции — будь то Бернарда или Королева иной планеты.

— Нет, я не верю. Дрейк не дурак, чтобы не увидеть замысла...

— Мы все не дураки до определенного предела! — вдруг взорвался Баал. Горечь и злоба, смешавшиеся в его голосе, сотрясли стены темной гостиной. — Все, Стив! Мы думаем, что контролируем ситуацию до той поры, пока не обнаруживаем, что уже давно не контролируем ее! Одна змея уже появлялась в отряде и разрушила его. А теперь появилась другая, и все снова развалится. Только теперь уже начиная с самого верха! Неужели ты не видишь?!

Лагерфельд сжал челюсть. Может быть, он чего-то не видел, но уж точно не того, как его друг изъедал злым взглядом фотографию, стоящую на каминной полке. Справа темноволосый улыбающийся Баал собственной персоной (Стив никогда не видел его улыбки воочию), слева высокий мужчина с длинными белыми, как снег, волосами, а между ними — жгучая красивая брюнетка в красном, обтягивающем пышные формы платье, имени которой Лагерфельд так и не смог выяснить за все прошедшие годы довольно тесного общения.

Одно было ясно: что бы ни творилось в душе Регносцироса, но его сердечная травма каким-то образом была связана с этой фотографией и этой женщиной. Однако еще никому не удалось вытянуть из Баала детали: тот, когда хотел, бывал невероятно упертым бараном. Хотя слово «бывал» можно было полноправно заменить на «был им всегда».

— Знаешь, что? — Стивен, которому уже порядком надоели все эти скелеты в шкафу и тайные душевные раны, допил виски и поднялся с кресла. — В следующий раз, если тебе вдруг захочется выяснить еще какие-нибудь детали, пойдешь туда сам, понял? Я — пас.

Джон Сиблинг неторопливо постучал кончиками пальцев по рулю, лениво оглядывая щедро освещенную фонарями улицу. Мороз крепчал, видимо, он и загнал по домам всех пешеходов. Через несколько минут входная дверь особняка, на чьей подъездной дорожке стоял автомобиль, хлопнула, и, впустив в салон клуб холодного воздуха, в машину сел Дрейк.

— Ну, что, посмотрел? — поинтересовался Джон.

Начальник кивнул.

— Не стал забирать?

Жесткий рот Дрейка скривился в подобии улыбки.

— Нет, не стал. Представь себе, она прижилась с ними. Я настоял на том, чтобы посмотреть на Фурий и на то, как они живут. Оказывается, у них уже есть своя корзина для сна рядом с кроватью, они исправно кормятся ягодами, балуются по дому, учатся говорить и, похоже, горой стоят за обитателей дома. Если сейчас попробовать их забрать, они станут пуще своры злобных собак. Я сочувствую тому, кто попробует прийти в этот дом без добрых намерений.

— Как ей удалось? — удивленно спросил Джон, в давности наслышанный о том, кем именно являлись на самом деле «Смешарики». Об их опасности слагали легенды еще в те времена, когда у Фурий был собственный мир.

Дрейк пожал плечами.

— Мы возродили их из ДНК, потому что на них можно было отлично оттачивать телепортацию; их память настолько развита, что позволяет отследить малейшие детали во время переносов. Никто не собирался выпускать их из клетки. Никто... кроме нее. Бернарда имеет привычку находить лучшее в худшем. Ей стало жаль Фурий, они показались ей милыми. А те, в свою очередь, не имея никого и ничего во враждебном им мире, отозвались на ласку и решили, что нашли друга и дом. Вот и представь, что из этого вышло. При ней они балуются, как дети, причем, безбоязненно перевоплощаются во все подряд...

— А как же кошки? Ведь они не любят чужеродных созданий.

— Теперь, судя по всему, любят. Потому что играют с ними и спят рядом. При том, что могли бы избавиться от них за несколько секунд. Но каким-то образом в этом доме наступил симбиоз. Фурии вообще редко привязываются к кому-либо...

Дрейк задумчиво посмотрел на приветливые желтые окна двухэтажного дома, излучающие тепло и уют.

— Вот такой вот парадокс, — он посмотрел на Джона и усмехнулся.

Сиблинг тоже неотрывно смотрел на безмолвные окна, будто льющийся из них свет притягивал взгляд.

— Ты не стал ей рассказывать, кто они?

— Нет. Уж в чем я уверен, так это в том, что если Фурии выбрали себе друга, то никогда не причинят ему вреда. А вот пользу принести могут... Время покажет.

Дрейк в последний раз взглянул на особняк, оглядел улицу и повернулся к Сиблингу.

— Поехали, Джон.

В следующие тридцать минут тишина в салоне автомобиля не нарушалась. Водитель сосредоточился на дороге, а Начальник Комиссии скользил по плывущему за окном пейзажу невидящим взглядом. Ему было о чем подумать. Например, о том, почему за последнюю неделю тот, кто обитал на Уровне «F», притих и больше не показывал носа наружу. Не иначе, как узнал о том, что на порталах установлено наблюдение. Как узнал? Через кого? Надо бы выяснить.

Спецотряд по приказу Дрейка усилил охрану домов и больше не подвергался нападениям лично, но зато все мелкие криминалы четырнадцатого уровня вдруг начали собираться под какого-то одного анонимного хозяина, причем зачастую собираться принудительно, под давлением. Кто-то втихаря раскинул новую бандитскую сеть над городом и осторожно переманивал на свою сторону силы.

Дрейк имел некоторые соображения на сей счет, но, прежде чем действовать, хотел убедиться. Хотел, чтобы тот, кто обнаглел настолько, чтобы покушаться на его людей, допустил еще одну ошибку. А в том, что она последует, Начальник не сомневался.

Главарь этой новой (да и новой ли?) группировки, находящейся на закрытом уровне, некогда имел тесный контакт и с Комиссией, и со спецотрядом, иначе бы не смог даже составить план, который едва не стоил жизни Халку Конраду. Однако старая база данных не позволила им вовремя узнать про Телепортера. Теперь они, скорее все, знают. А значит, следующий ход можно предугадать: они попробуют достать Бернарду.

Что ж... в этом случае Дрейк был достаточно спокоен. В Реакторе им было ее не достать, на улицах тоже: во время выходов наружу за Ди велось круглосуточное наблюдение людьми Комиссии, в ее мир никто не проследует, а вот если кто-нибудь попробует сунуться к ней в особняк... От этой мысли в глаза Начальника закрался злорадный холодок: хотел бы он посмотреть на то, что останется от этого бедолаги. Вряд ли его после этого можно будет допрашивать. Даже для того, чтобы установить дополнительную сигнализацию в особняке, Дрейк сейчас не рискнул бы направить своих людей. Фуриям все равно, как ты выглядишь и что умеешь, в моменты агрессии они славились полной непредсказуемостью, а бороться с врагом, который может принять любую форму... нет уж, увольте.

Он незаметно усмехнулся, но тут же снова стал серьезным.

Покушение на Бернарду не будет единственным. Скорее всего, возобновятся попытки достать и остальных членов отряда. И тогда у Дрейка будет возможность отловить слабое звено и через него узнать ответ на вопрос, не дающий покоя вот уже какое-то время: почему камеры слежения в домах Халка и Логана не зафиксировали даже силуэтов человеческого тела? Загадка из загадок... Конрад бы не подпустил к себе того, кого засек хотя бы краем глаза. А он не засек. Значит, существует то, о чем ему, Дрейку, стоит узнать.

Начальник откинул голову на удобный подголовник и расслабился.

Жизнь продолжается. И даже бывает интересной. Загадки и головоломки хорошо тонизируют мозг и возрождают активность. А еще отвлекают мысли от красивых серо-синих глаз, в последнее время появляющихся в воображении слишком часто. И черт бы его подрал, если ему это не нравится...

* * *

Вот и осуществилась мечта. А всего-то и потребовалось, что несколько месяцев времени, посещение другого мира, устройство на работу и услуга реакторной лаборатории...

Восемь вечера.

Прага.

Темные воды реки, казалось, застыли неподвижно. Стылые перила, полное отсутствие снега, подсвеченный на холме другого берега старинный замок с острыми шпилями, мерцающие световые дорожки на воде. Красиво...

Я шла мимо отеля «Мандарин Ориентал», стеклянные двери которого чинно прокручивались, запуская внутрь новых постояльцев, по большей части немолодых бизнесменов; мимо сияющего огнями казино, мимо группы евреев (все, как один, в широкополых черных шляпах), мимо бутиков, где на витринах красовались сумки Dior и Gucci. Ровно стучала под высокими каблуками брусчатка. Одета по последней моде в стильное пальто, узкие женские брючки, сапоги на шпильках и с дорогой сумочкой на плече, я чувствовала себя превосходно. Так, как всегда мечтала.

Ловил на себе отблески ночного города подаренный Дрейком бриллиант.

Каблуки стучали. А на меня смотрели. Даже оборачивались вслед.

Что-то теперь привлекало мужчин в спокойной походке уверенной в себе женщины, после которой долго таял в воздухе неуловимый аромат влекущих духов. Что-то заставляло их скручивать шеи или застыть на месте с тоской и надеждой во взгляде.

Дина смущалась. Бернарда упивалась вниманием.

Все так и должно быть, думала я. Каждая женщина стремиться именно к этому — почувствовать себя красивой, тонкой, уверенной, но легкой и неуловимой. Достойной лучшего в этом мире. Очаровательной, изысканной, способной вскружить голову легким наклоном головы и кокетливо прикушенной нижней губой. Сила и власть, но власть исключительно женская, с разлившимися в воздухе переливами смеха и мягким прикосновением меха к плечам. Я — лучшая... Я — единственная. Я та, которую вы не сможете забыть даже тогда, когда женитесь и заведете детей, а после и внуков.

Кофейня, первая разменная стоевровая банкнота (без страха отданная официанту. Ему никак не проверить, числится ли номер в Европейском банке, а других отличий у подделки нет), ароматная чашка кофе, шоколадный торт-мусс и часы на башне. Все так, как хотелось.

Если долго смотреть вдаль, сквозь людей, сквозь что-то большее, нежели мосты, здания и границы государств, то отчего-то могло показаться, что другого мира не было. Не было прыжка, не было Дрейка. А я просто турист, приехавший на автобусе в Чешскую столицу, где у меня есть день или два для такого вот праздного времяпровождения: торты, кофе, магниты для холодильника, мосты с кованными фигурами и посещение замка на горе. Все, как у других, перед тем, как вернуться к рабочим будням...

Торт таял на языке сладкой мелодией с вишневым оттенком. Кофе согревал ладони.

Потом был магазин, прямо здесь же, на углу, недалеко от кафе, в витрину которого я долго смотрела на свое отражение. Богемское стекло не интересовало меня, не сейчас, а интересовала новая женщина, которую я разглядела в себе лишь вот...

Красивая.

Теперь не только внутренне, но и внешне. Нежный абрис лица, большие выразительные, ставшие чуть насмешливыми глаза, оставшиеся пухлыми губы. Аккуратный прямой носик, очертившиеся скулы, шикарные волосы. Да, это я.

Но удивляло не это.

Тот круглый шарик, которым я себя представляла, уже давно остался лишь в моем воображении, а с отражения витрины смотрела стройная грациозная леди со стройными ножками (вместо слонячих колон), с узкими плечами (вместо покатых гор Урала), с привлекательно узенькой талией и крутыми бедрами...

За этот вечер со мной несколько раз пытались познакомиться. Думаю, помимо выплывшей из-под слоя старой краски внешности их привлекало что-то еще: движения, выдававшие уверенность, взгляд, в котором читалось «Я — Женщина», а еще легкость и едва

заметная философская грустинка в глазах. Мир — не то, что он есть. Но зачем об этом вслух, правда?

Сегодня Прага. И просто чарующий вечер. Сегодня еще один замечательный день моей жизни. Здесь и сейчас.

Впрочем, магазин богемского стекла не был обойден моим вниманием.

В качестве подарков домой были принесены два подсвечника, набор великолепных сияющих бокалов и высокая ваза.

Клэр с восторгом открывала перевязанные шелковыми лентами отделанные бархатом изнутри коробки, долго, трепетно и с благоговением крутила каждую вещь в руках, придумывала, как найти приобретенному богатству наилучшее применение. Я улыбалась.

Пока в гостиной умиротворяюще бубнил телевизор, я приняла пенную ароматную ванну, неторопливо, будто в первый раз лицезрея собственное тело. Почему я раньше не замечала, какие у меня тонкие лодыжки, аккуратные икры и красивые коленки? А этот шаловливый просвет между ног, как у моделей на подиуме...

М-м-м... Виват, Дрейк! Теперь ясно, к чему ты так упорно старался. Женщина должна быть не просто женщиной. Она должна быть ей с Большой буквы. Внутри, снаружи, в каждой клетке. И ты, старый пройдоха, точно знал, какое это великолепное чувство — любить себя.

Ласково намыливая кожу бархатистым гелем, я послала Начальнику мысленный поцелуй. Давай, улови его, почувствуй, увидь. И удивись...

* * *

Просыпаться было тепло.

Непривычно тепло.

Пошевелившись, я открыла глаза и спросонья встретила глазами со Смешариками, сидевшими повсюду на одеяле, в том числе и у меня на груди.

— Это что еще?

Лежащий на соседней подушке Миша приветственно муркнул и тут же вернулся к предыдущему занятию — вылизыванию растопыренной розовой пятки. Соседство с кучей меховиков его, по-видимому, совершенно не волновало.

— Эй! — возмутилась я, стягивая с себя одеяло (Смешарики предусмотрительно откатились в сторону). — Вы теперь на мне спите? У вас корзина есть. И подушка!

Те, слыша в голосе ворчание, робко сбились в кучу, переглянулись и старательно выговорили:

— Есь! Нас! — потом подумали и снова повторили: — Нас! Нас!

Я спустила на пол пятки и сонно потерла лицо.

— Что значит «Есть вас?»

— Не! — хором ответили пушистики. — Нас! Нас! Есь...

— Ничего не пойму... Зачем кому-то есть вас?

— Не! — снова раздалось в ответ. — Дём!

Окончательно продрав глаза, я завернулась в лежащий на стуле белый халат, в который куталась после вчерашней ванны, и с удивлением уставилась на питомцев.

— Что значит «Дём»? Идем? Куда?

На полу возле входа тут же выстроилась стрелка из Смешариков, указывающая на дверь. Я многозначительно хмыкнула. Умно.

— Ну, ладно. Идем.

Как оказалось, ушедшая за продуктами на рынок Клэр забыла выключить телевизор в гостиной, и сейчас по нему транслировался кулинарный канал. Бойкая рыжеволосая женщина на экране возилась на чистенькой кухне в окружении горы посуды, рассказывая, как запекать в духовке курицу.

Смешарики столпились перед экраном на ковре и снова заголосили:

— Есь! Нас!

Я перевела взгляд с них на экран, не в силах сообразить, что же все-таки имеется в виду. Ну, женщина, ну, курица... при чем тут «нас»?

— Да что есть-то? Не пойму...

Смешарики напыжились, потом старательно выговорили новое слово:

— Нанас!

— На вас? Ну что за головоломки с утра! А вам не проще мне показать то, что требуется?

Перед глазами тут же возникла яркая картинка спелого ананаса с зеленым хвостиком наверху.

— Ну, так бы сразу и сказали, что вам нужен ананас!

— Нанас! — радостно подтвердили глазастики и облизнулись. — Есь!

— Тьфу...

Некстати вспомнился анекдот про мужика, которого жена отправила в магазин, а тот никак не мог вспомнить, что именно нужно купить и поэтому бубнил: «Он ее... Она его... Она их... Она нас... А-а-а! Девушка, дайте мне, пожалуйста, ананас!»

Добравшись до телефона, я набрала номер:

— Клэр? Привет! Ты еще на рынке?... Да, ты тут забыла телевизор выключить, и наши пушистые друзья увидели на экране ананас, а теперь очень хотят попробовать. Купи им, ладно?

Услышав выдавленное сквозь смех согласие, я отключила звонок и посмотрела на Смешариков:

— Будет вам «есь нанас»...

Качая головой на радостный гвалт за спиной, я прошла в ванную. Пора умываться — и в Реактор. Начинается рабочий день.

* * *

— Твоя задача — представить, что на этой стене есть либо впадины, либо выступы, за которые смогут уцепиться руки и ноги. Тогда ты выберешься.

Я оцепенело смотрела на ровную стену перед собой.

Белая, гладкая, без единой трещины.

Если вытянуть руки вверх и попробовать подпрыгнуть, то пальцам не хватало сантиметров тридцати, чтобы уцепиться. И это только, если подпрыгнуть максимально

высоко. То есть обычным способом не вылезти.

Дрейк стоял наверху, на краю той ямы, в которой я теперь сидела. Ну, ямой-то ее нельзя было назвать — скорее, утопленным вниз на три метра полом. Казалось бы, обычная комната, только часть пола уходила на три метра вниз. На дно я по приказу Начальника спустилась по лестнице, чтобы через секунду обернувшись, увидеть, что лестницы больше нет. Просто нет. Хотя только что была. Это вгоняло сознание в транс.

Дрейк не уходил, стоял на краю, наблюдая за моими попытками ощупать гладкую стену.

— Твои глаза передают мозгу информацию о том, что стена ровная, — назидательно звучал его голос. — Но если ты закроешь глаза и перестанешь ее трогать, то есть передавать мозгу информацию о гладкости через тактильные ощущения, ты сможешь представить, что в стене есть углубления.

Сердце гулко колотилось от страха. В этом новом незнакомом спортзале было тепло, но я почувствовала, что начинаю потеть. Как выбраться? Он и правда думает, что я смогу представить эти углубления настолько реально, что они появятся? А если нет?

— Мне не выбраться...

Он укоризненно качнул головой.

— Обычному человеку не выбраться. А ты сможешь.

Было утро. Через окна, находящиеся под потолком, в комнату лился белый свет. Дрейк, одетый в привычную серебристую форму, сложил руки на груди, наблюдая.

— Перестань мыслить логически. Я учу тебя принципам преобразования материи, трансформирования ее. Здесь логика обычного человека только мешает. Если ты будешь уверена, что правда есть только то, что видишь глазами, то застрянешь в этой яме надолго.

— Я перемещусь из нее.

— Нет. Если ты выберешься наверх с помощью телепортации, урок не будет засчитан, и мы начнем сначала.

Я сглотнула. Спортивная синтетическая майка, которую я обычно носила во время физических занятий, начала липнуть к спине.

И чего я такая пугливая?

Десять минут спустя я все еще сидела на дне.

Концентрация в этот день хромала. Пытаясь представить пресловутые выемки на поверхности бетона, я все время мысленно соскальзывала то на Смешариков (купила ли Клэр ананас?), то на самого Дрейка (не был ли Начальник слишком сух по отношению ко мне в последнее время? И если да, то с чем это было связано? В гости заходил редко и только по делам, вместе обедать мы почти перестали, пропали теоретические уроки, приносившие огромную пользу).

Я скучала по нему. Видя знакомое лицо, тянулась ближе, пытаюсь отыскать ответ в его серо-голубых глазах, почувствовать всполох эмоций между нами, как иногда бывало до этого. Но в последние дни Дрейк говорил только о работе и ни о чем личном. Это вселяло грусть).

Ах, да... задание.

Снова мысленное изображение стены, на которой чудом образовались выемки. Конечно, чудом. А как еще им там появиться? Но они там есть. Они там есть. Должны быть. Иначе куковать мне тут до заката.

Шлепки руками по стене. Гладко.

Поехали сначала...

«В стене появились выемки. Такие углубления, за которые могут уцепиться пальцы, в которые можно запихнуть носки кроссовок. Они гладкие, по форме чернильницы, чтобы пальцы не соскальзывали»...

Интересно, получил ли Начальник вчера мой мысленный поцелуй? Если да, почему никак не отреагировал?

Глаза закрыты. «В стене есть выемки...»

Почему он вообще делает вид, что я стою для него наравне со всеми? Ведь знает же, что это не так...

— Бернарда! — жесткий окрик сверху. — Ты постоянно отвлекаешься.

— Все-все... уже не отвлекаюсь, — пробубнила я в ответ и принялась усердно представлять стену, испещренную дырами.

Тридцать минут спустя.

— Они ведь уже начали появляться! А как только я попыталась посмотреть, за что пытаюсь зацепиться, снова исчезли! Ну, что за черт! Я ведь чувствовала их...

Я зло хлопнула белую прохладную стену ладонью.

— Глаза не отражают правду реальности! Или отражают то, во что верит большинство. Ткань ее сплетается из множества чужих убеждений, которые в виде физических тел и предметов впоследствии видят глаза. Если ты перестанешь верить тому, что видишь, ты изменишь любую форму.

Бесстрастное объяснение великого мудрого старца.

Да-да-да... Все в точности, как было описано у Ричарда Баха в «Гипнозе для Марии». Когда какой-то мужик представил (под внушением чародея), что стоит не на сцене, а находится в каменной тюрьме, то не смог из нее выйти. Хотя сотни людей, сидящие в зале, видели, что камней не существует. Ловушка была только в сознании того бедолаги. Точно так же, как сейчас у меня с этой чертовой стеной.

Выдохшись от бесплодных попыток, я прислонилась к ней спиной и медленно осела на пол передохнуть.

Чертова материя... Никогда не научусь.

— Знаешь, чего я не пойму, Дрейк? Если у вас есть такие продвинутые технологии и совершенные лаборатории, то почему бы просто не положить меня на стол и не вложить нужные знания в мою голову? Чтобы — оп! Поспала пять минут, проснулась — и все уже умею!

Он улыбнулся. Я хорошо видела его лицо там, наверху. Подойдя к самому краю, сел на пол и свесил в яму ноги, как подросток, решивший поудить рыбу с причала. Теперь я могла разглядеть рисунок на подошвах его ботинок.

Какое-то время мы молчали. Я в яме. Дрейк наверху.

Потом он задумчиво сказал:

— Бернарда, конечный результат не так важен, как путь его достижения. Представь сказку: однажды крестьянину, страннику с дороги и монаху выпало на долю неожиданное и даже, возможно, нежеланное приключение вместе: королеве потребовалось вернуть украденную корону. Этих трех свело вместе судьбой, и теперь им предстоят многие события: долгая дорога, битва с драконом, нахождение короны, возвращение во дворец. Как ты думаешь, что запомнится им в конце? Начало? Результат? Битва? Да, наверно, битва им

запомнится. Но больше, чем что-либо еще, каждый из них будет помнить треск сырых поленьев в лесу у костра, запах хвои вокруг, стук капель дождя по пологу телеги, ночное небо с миллионами звезд на нем. В те долгие ночи им будет о чем подумать... Всех этих людей будет вести одно — желание добиться конечного результата. Но ценность впоследствии сохранит другое: разговоры ни о чем, улыбки, мелкие трудности, преодоление их, бесконечные часы молчаливой ходьбы, пейзажи... Понимаешь, просто найти и вернуть корону — в этом нет ничего ценного, хоть поначалу и кажется, что все затевалось ради этого. Ценность в этих вот минутах, в каждом шаге на пути к результату, труден этот путь или нет.

Я заморожено слушала рассказ Дрейка, и мне воочию представился лысый монах с тибетским разрезом глаз, крестьянин — грубый и неотесанный (вот он, наверное, доставил всей компании проблем своей непроходимой простотой!). Или то был странник, отпускающий шутки? (Какой-нибудь дед с бородой и загадочным выражением глаз?) А лес, наверное, здорово пах... тлели угли, под ногами лежали шишки. Ловили эти люди дичь или собирали ягоды? А может, их угощали чем-нибудь на пути в деревнях, и они разворачивали, сидя на бревнах, вяленое сушеное мясо?

Да, корона им на самом деле не запомнится. Разве что, как свершившийся факт. А вот все остальное...

Я завистливо вздохнула. Там, в той истории, были друзья. Был путь, была цель, был красивый пейзаж. А что есть у меня? Я задумалась.

Хм-м-м... у меня тоже есть путь, и есть цель. А еще есть друзья... И вместо леса красивый город Нордейл. Тогда зачем я хочу побыстрее проскочить ценные минуты?

Но появившееся вдохновение быстро растаяло, стоило взглянуть на ровную белую стену.

— Ты будешь потом совершенно иначе все это вспоминать, — прочитал мои мысли Дрейк, — сейчас сложно. Потом будет понятно.

Угу. Потом. А сейчас хоть лоб разбей...

— Запомни: зрение в данном случае — твой враг. Если человеку завязать глаза, он перестанет знать, где находится. Если отнять звуки и связать руки, наступит полная дезориентация. Если плюс к этому еще и стереть память, то сознание будет чистым листом бумаги, на котором можно написать все, что угодно. Вывод: изменить материю тебе мешают органы чувств...

От дальнейших объяснений Начальника отвлек телефонный звонок.

Ответив: «Да, сейчас буду», — Дрейк посмотрел на меня и вздохнул.

— Попробуй справиться.

После чего ушел.

Мне было тоскливо.

Я редко чувствовала себя более подавленной, чем теперь. Тишина угнетала, каждое движение отдавалось гулким эхом, серый свет безучастно лился сверху.

Почему Дрейк вздохнул? Почему вообще перестал проявлять эмоции в отношении меня? Может быть, я его разочаровала? Если раньше все получалось довольно быстро, то на последних занятиях положительных результатов почти не было видно. Стыд и срам.

Тут, наверное, любой бы разочаровался, а Начальник тратил на меня больше личного времени, чем кто-либо еще.

Какое-то время я просидела, закрыв глаза, чувствуя жалость к себе.

Затем встряхнулась.

Если разочаровался, то будем снова его «очаровывать». Плохие результаты? Значит, надо заменить хорошими. В конце концов, не затем я попала в другой мир, чтобы сидеть на полу какой-то вонючей (ну, ладно, не вонючей) ямы и упиваться сочувствием к самой себе.

«Докатилась, Динка...»

Затем пришла странная мысль: а как бы в этой ситуации повела себя Бернарда? Та гордая, уверенная в себе, красивая женщина? Ведь она-то ни за что бы не сдалась при первых же трудностях, а значит, и мне не стоит. В конце концов, кто тут Бернарда?

Я еще раз осмотрелась.

Так, что мы имеем? Яма — одна штука. Стены — четыре штуки. Окна — тоже четыре. И одна дверь наверху. Все.

Негусто. Но хватит сидеть, пора браться за дело. Поднявшись, я перешла в центр ямы, после чего снова села на пол и закрыла глаза. Нужно ощутить в себе Силу. Где это получалось сделать лучше всего?

Через несколько секунд я представила себя сидящей на берегу океана. Не переместилась, просто представила. Этого хватило, чтобы сосредоточиться.

Ночь, слабый ветер, звезды надо мной и абсолютное безмятежное спокойствие целого мира. Я и есть мир. Я его неотъемлемая часть, сквозь которую течет гармония времени. Тихий плеск волн, соленый воздух, слабое шевеление редкой травы между камней.

Здесь, на берегу, через меня лилось время и пространство, перемешиваясь с потоками силы. Энергия скапливалась в теле, как в сосуде. От тишины, от безмолвия, от отсутствия суеты. Только мир. И только я.

Не знаю, как долго я просидела в этой медитации, но к тому времени, когда я снова открыла глаза, ощущение и восприятие действительности сильно изменилось.

Отрепешенно осмотрев стену напротив, я подняла глаза на потолок. Свет, льющийся из окон, мешал изменить сознание. Пока оставалось зрение, ум не мог действовать.

Прикрыв веки, я мысленно принялась погружать комнату во мрак. В полную, абсолютную, непроницаемую тьму. Медленно, капля за каплей, выдавила свет из зала и плотно замуровала щели, чтобы он не мог просочиться обратно. Когда открыла глаза — вокруг было темно. Темно настолько, что при моргании абсолютно ничего не менялось.

Хорошо. Теперь дальше.

Напротив меня — стена. Но эта стена в темноте не гладкая — это скала. Да, скала со множеством выступов, оплетенная лианами. Потому что это не спортзал — это заброшенная часть джунглей. Не знаю, каким образом я попала сюда, но хищников и насекомых нет. Просто тихие джунгли и ночь. Из каньона выбраться легко, нужно просто нащупать лианы и взобраться по ним наверх. Тут всего метра три...

Казалось, где-то рядом зашевелилась растительность: широкие листья, ветви деревьев. Над головой пролетела ночная птица. Я вздрогнула.

Вперед, нужно пройти вперед, это место не таит для меня никакой опасности.

Поднявшись с пола (земли?), я, вытянув руки, принялась осторожно пробираться в сторону скалы. Шаг. Еще один... Под кроссовкой хрустнула сухая ветка.

«Почему я в джунглях в кроссовках?»

Ненужные мысли. Оставить все лишнее.

Тишина и дыхание в спертом влажном воздухе. Черт, тут жарко даже ночью.

Через какое-то время пальцы коснулись прохладной каменной стены. Отлично... Теперь найти лиану...

На подъем ушло несколько минут. Обувь скользила по неровной (почему-то местами влажной) стене, ладони жгло от грубого скрученного стебля. Чуть выше... Подтянуться... Найти еще один выступ... Еще выше... А вот и край утеса...

Выбравшись из ямы, я долго лежала на ее краю, шумно дыша. Одежда взмокла настолько, что теперь ее можно было отжимать; силы резко схлынули. Какое-то время я плавала в мутных вопросах: где я — в джунглях или спортзале? Если в спортзале, то где-то должна быть дверь, ведущая наружу, но темно — и ничего не видно. Пальцы ощупали пол вокруг. Да, доски. Значит, все-таки спортзал. Но в какой стороне дверь?

У края ямы все еще висела лиана... Как такое возможно? Мысли путались. Нет, это точно зал. Час назад здесь был Дрейк, я в спортивной форме пыталась выбраться из углубления в полу. А почему на ум пришли джунгли — да Бог их знает... Главное, чтобы на пути к выходу не выросли деревья, а то все ноги переломаю об корни, пока выберусь.

А ведь шум ветра в кронах был настоящим. И птицу я тоже слышала.

От переутомления сознание грозило вскоре отключиться. Нужно как можно скорее выбираться из темноты.

Лучше всего, когда зарекаешься чего-нибудь не делать — этого не делать.

Я в свое время зарекалась не «прыгать» в Реакторе.

Ну, как же... казалось, всего лишь мелкий перенос до раздевалки перед душевой — что может быть проще? Ничего, если здание нормальное. А если это здание Комиссии, то собственных принципов лучше не нарушать, в чем мне и представилась возможность убедиться всего лишь минутой спустя.

В комнату для переодевания я попала, да.

Об этом меня уведомили звуки.

Слишком много звуков...

Льющаяся за стеной вода, хлопанье кабинок, шорох ткани полотенец и... мужской смех. Уставшая, грязная, вымотанная до предела, я открыла глаза, надеясь добраться до лавочки и стряхнуть с ног кроссовки, а вместо этого уткнулась взглядом в мужскую обнаженную фигуру...

«Нет! Только не это! Не в мужскую раздевалку!!!»

Это как — везение или наоборот?

Широко распахнув глаза, я села на пятую точку, молниеносно огляделась вокруг и охнула. Они были тут все — мокрые, голые, едва вышедшие из душевой, чтобы одеться — Мак, Дэлл, Аарон, Дэйн, Логан, Халк... А-а-а-а! А справа Стивен и Рен!

Мама!

Глаза против воли начали выхватывать детали: черная поросль, наполовину прикрытая полотенцем, — это Чейзер (хорошая сосиска, судя по основанию!), светло-русое обрамление «причиндал» Дэлла...(ох, вот это шарики!)... А Дэйну-то точно надо такой к ноге пристегивать! Не знаю, с кого Микеланджело лепил своих «Давидов», но если бы он вылепил достоинство с Эльконто, статуя имела бы куда больший успех!

Я залилась краской и попыталась отвернуться, но наткнулась на Лагерфельда.

А у него, оказывается, потолще и покороче, еще и куст рыжиной отдает! Но размер однозначно внушает уважение...

Боже, куда я смотрю!!!

Канн с удивлением взирал на меня в упор, уперев руки в бока (вообще стыд потерял?

Хоть бы прикрылся! А то ведь покачивается, как маятник...) Халк был обернут полотенцем, Логан уже в трусах... На Рена я даже покоситься не смела.

— Привет, Бернарда. Дверью ошиблась? — добродушно подколол Дэлл, оборачивая мощный торс полотенцем.

Я залилась краской и полностью потеряла дар речи. Только открывала и закрывала рот, во все глаза стараясь не таращиться, куда не следует.

— Ну, заходи, раз пришла...

— Да-да... оставайся...

Бесстыжий Эльконто даже не подумал прикрыться:

— Как ты вовремя к нам... мы как раз собираемся чаек попить. Присоединяйся!

Черт! Черт! Черт! Где дверь?

Пытаясь отыскать глазами выход из чужой раздевалки, я наткнулась глазами на еще одну обнаженную фигуру, выходящую из душевой: длинные выющиеся мокрые волосы... курчавые на груди, темная дорожка ведет к влажному распаренному органу, с которого при ходьбе стекают на мощные бедра капли.

О-о-о! Баал...

— Какая встреча! — рыкнул он, едва завидев меня, сидящую на полу с выпученными глазами. — У нас в гостях телепортер, который даже не может попасть туда, куда нужно...

— Я... комнаты перемещаются... здесь было нельзя... — невнятно пробубнила я, судорожно поднимаясь с пола. Лицо горело так, будто его намазали горчицей, а ватные конечности распластывались в стороны, как у тряпичной игрушки. — Прошу прощения... я думала, это женская...

Еще не из одного помещения я не вылетала с такой скоростью.

А следом, слышный даже в другом конце коридора, гремел веселый мужской смех.

Мылась я поначалу в смущении, но постепенно успокоилась.

Неужели нельзя было попасть в ту раздевалку либо «до» того, как там оказались мужчины, либо «после»?

Так нет же! Привалит счастье — и смотри во все глаза. А посмотреть-то было на что, хотя, признаться, все остальные мужчины мира, кроме Дрейка, вызывали во мне чисто теоретический интерес. Или вообще никакого не вызывали. Ну, что я за странная особа? Такие «аполлоны» вокруг, один лучше другого (тысячи дам убили бы за возможность оказаться на моем месте), а я влюблена в собственного Начальника. Разве не ирония?

Я хихикнула. Следовало признать, что даже при отсутствии практического интереса к мальчикам из своего отряда, их «прелести» продолжали стоять перед глазами. Ну, почему статуи моего мира никогда не блистали размерами «XXXL»? Мне и в прежние времена это не казалось справедливым, а уж теперь при взгляде на «стручок» Давида меня и подавно будет разбирать смех. С таким, как у него, любая дама будет вынуждена спрашивать: «Дорогой, ты уже во мне или еще нет?..»

Глупо улыбаясь, я отжала губку от мыла и сполоснула ее.

По теплomu кафельному полу текли душистые от цитрусового геля струи воды.

Интересно, а у Дрейка какой размер? Не так, чтобы это важно, больше любопытно. Не верилось, что Начальник мог хоть в чем-то подкачать, оставалось однажды проверить это на практике...

Так, все! Все мысли теперь только об этом!

А ведь мне еще возвращаться в зал, дожидаться Начальника, в глаза ему смотреть. Даром, что в шкафу сухой запасной комплект формы, опять от смущения вымокнет, придется два стирать.

«В тренировочном помещении 2В зафиксированы структурные изменения пространства...»

Именно так доложили по телефону минуту назад, и теперь Дрейк сам намеревался посмотреть, какие именно структурные изменения претерпел спортивный зал, где полчаса назад он оставил подопечную выполнять задание.

К искомой двери с другой стороны коридора уже спешили еще двое представителей Комиссии, ответственные за проверку фона помещений, оба с датчиками в руках. Дрейк кивнул им и толкнул дверь спортзала внутрь.

Комната утопала в темноте.

Щелкнул на стене выключатель — под потолком зажглись яркие лампы. За спиной кто-то присвистнул.

Тот зал, каким его запомнил Дрейк уходя, больше не существовал. Если раньше помещение было пустым, почти стерильным, то сейчас здесь повсюду была растительность: деревья, корни, покрытый землей и листьями пол, провисающие по дуге лианы, обросшие мхом пни... Яма полностью трансформировалась: теперь одна из стен представляла собой скальный выступ, местами влажный и скользкий, но достаточно рельефный, чтобы по нему можно было выбраться наверх. Особенно держась за свисающие жесткие корни.

— Что это? — заморожено спросили за его спиной.

— Джунгли.

Глобальный подход — такого Дрейк не ожидал. Хм, железная логика: вместо того, чтобы представлять что-то, чего по умолчанию не может быть в стене, проще полностью перепредставить место целиком. Где проще всего за что-нибудь зацепиться? В джунглях. Вот их она и создала. А свет? Как Бернарда избавилась от него, ведь он мешал?

Начальник посмотрел наверх — окон не было. Они исчезли. Заросли, заклеились бетоном, запечатались, не осталось даже швов. Черт бы ее подрал. В зале все еще витали остатки эмоций: злость, обида, решимость, плавающие сгустки силы... Дрейк улыбнулся. Она — молодец! Вот это его Леди, его настоящая гордость! Надо бы ее найти, похвалить...

— Вернуть здесь все на место! — приказал он мужчинам с датчиками. — Откатить помещение к утреннему виду.

— Будет сделано.

Уже выходя в коридор, Дрейк слышал знакомые голоса. Какая-то фраза, наполненная злостью, принадлежала Баалу, а следом шел ответ Ди, и его интонация заставила Дрейка серьезно напрячься. Черт... Что опять такое происходит между этими двумя?

Когда я чистая, свежая и высохшая вышла в коридор, чтобы вернуться в зал, они как раз расходились по домам — мои коллеги. Завидев меня, начали улыбаться. Куртки, спортивные сумки на плечах, одежда для улицы.

Щеки против воли запылали.

— Ну, что, может, присоединишься к нам после работы? — подмигнул Эльконто; полы его черного плаща доходили до высоких шнурованных ботинок, влажная косичка снова заплетена. — Видишь, уже как познакомились? Никаких тайн друг от друга.

Ребята рассмеялись — по-доброму, необидно. Даже Канн улыбнулся, что за ним водилось крайне редко. Да и Рен смотрел без прежнего холодка. Может, таким образом меня пытались поддержать, чтобы не стыдилась своих промашек?

Только их шутки вместо того, чтобы помогать, только усугубляли смущение.

— Нет, спасибо, мне нужно сдать задание Дрейку.

Дэйн, как всегда, не сдавался.

— В следующий раз окажешься у нас, так не торопись убегать, мы не кусаемся.

Чейзер подмигнул:

— Мы для тебя в кабинке полотенце припасем: чего каждый раз туда-сюда прыгать.

— И гель поставим... — добавил Дэлл.

— Одна команда все-таки, — подключился Халк.

Я хотела что-то ответить, но вдруг наткнулась взглядом на ироничный прищур Баала. Вся легкость ситуации тут же испарилась, стало неприятно. Так бывает, когда в новых туфлях на улице на третьем шаге наступаешь в свежую кучу дерьма.

Его комментарий не заставил себя ждать.

— Ну, как? Рассмотрела все, что хотела? Выбрала себе любимчика? Раз уж тебе не быть с тем, кем хочется, так ты провела отличный ход — оценила остальных....

Я, конечно, ожидала чего-то неприятного, но прозвучавшая фраза настолько поразила меня, что на какое-то мгновение я застыла, оглушенная. Затем медленно сжала зубы.

Да как он смеет? Как он смеет думать, что я намеренно оказалась в мужской раздевалке? Как он вообще смеет лезть в мою частную жизнь и предполагать, с кем мне быть, а с кем нет? Кто дал ему такое право? Гад длинноволосый...

Обида ядовито растеклась по венам, смешиваясь с нарастающей злостью. Взгляд его черных глаз намертво сцепился с моим, теперь не менее гневным.

— Уймись ты! — Лагерфельд положил ладонь на плечо Баалу, но тот раздраженно стряхнул ее.

— Уйди...

Что-то угрожающе проговорил Чейзер, пытаясь предотвратить ссору, его рыком поддержал Рен, но Регносцирос едва ли обратил на них внимание. Игнорируя предупреждения друзей, он сделал шаг мне навстречу, встал в позу воина с горящими глазами и опустил подбородок:

— Что? Не нравится звучащая вслух правда? — процедил он ласково и очень едко.

Злость быстро возросла до опасного предела.

Лица остальных перестали для меня существовать. Как и коридор. Как и Реактор. Наверное, кто-то что-то говорил, пытался остановить ссору, даже, вероятно, был на моей стороне, но мне стало плевать, я не слышала слов. Настоящая слепая ярость затмила все вокруг, кроме стоящей напротив фигуры в черном плаще.

Я слишком долго ждала. Слишком многое ему прощала...

Медленно, во власти нахлынувших чувств, я сделала шаг навстречу врагу, ощущая, как растет и ширится неконтролируемый поток силы. Нехороший поток, разрушительный, распирающий изнутри, как распаленный яростью зверь, желающий одного — действовать.

— Да кто ты такой, поганец мерзкий? — тихо спросила я, не замечая кислотного огня в черных глазах. Кто-то взялся и за мое плечо, пытаясь остановить сближение, но я, подобно Регносциросу, сбросила ладонь резким движением. — Как ты смеешь распускать свой поганый язык? Врать? Додумывать? Сил много? Думаешь, никто твою гнилую плотку

заткнуть не сможет?

Воздух вокруг затрепал от напряжения. Кто-то снова попытался безуспешно примирить нас, но слова шли мимо.

У Баала перекосилось лицо, ноздри его затрепетали от гнева, на шее вздулись вены. Наверное, это должно было меня напугать, но не напугало. Более того... Я чувствовала, что готова порвать стоящего напротив мужчину голыми руками, задушить, затоптать, засунуть пальцы в горло и с наслаждением чувствовать, как по рукам течет его горячая кровь. Я не знала, откуда взялась такая кровожадность, но мне было плевать на ее истоки. Убить... Убить гада....

Да, я слишком долго ждала. Но больше не хотела терпеть. Хотела крови — настоящей, горячей, липкой, чтобы ей можно было измазать весь пол.

Наши лица почти касались друг друга: так близко мы стояли. Он смотрел на меня сверху вниз с гримасой ярости, я — снизу вверх с выражением «жить тебе осталось недолго». Остальной мир потонул в апокалиптических волнах гнева.

Словно в замедленной съемке, я видела, как он начал заносить для удара руку, которую кто-то приготовился перехватить, но не стала дожидаться драмы, ожидаемого всеми финала: распластанная по ковру бедная девушка, обливаемая слезами и соплями. О, нет! Молниеносным движением я схватилась за лацкан черного плаща и выдала самую гадкую усмешку, на которую была способна.

— Поехали покатаемся, сволочь...

И даже успела увидеть отражение удивления в ненавистных глазах, после чего сомкнула веки.

Здесь повсюду был огонь.

Горячие плиты под ногами, лава в провалах далеко внизу, едкая, наполненная серой, дерущая горло смесь дыма и пара.

Ад. Так мог выглядеть только ад.

Глядя на все еще занесенный кулак, я расхохоталась:

— Только ударь, и ты навсегда останешься гнить в этой дыре!

Баал резко отпрянул, только сейчас осознал, что больше не стоит в коридоре Реактора, огляделся по сторонам, от неожиданности споткнулся на каком-то камне. Коридор и команда растворились бесследно.

А здесь! (Сейчас я чувствовала себя главным героем мультика «Гадкий я») Здесь было, на что посмотреть! Не то пещера, не то жерло какого-то вулкана: нестерпимо высокая температура, шипящие, пробивающиеся из-под земли гейзеры, кипящие лужи под ногами. В таком месте никому не протянуть долго.

Наблюдая растерянность на лице Регносцироса, я от души наслаждалась происходящим. Это было злое веселье. Очень злое.

На ум пришли подходящие моменту строчки, которые я, не перши горло так сильно, непременно запела бы в голос.

*Я сегодня не такой, как вчера.
Я голодный, но веселый и злой,
Мне-то нечего сегодня терять,
Потеряет нынче кто-то другой...*

Баал больше не пытался двигаться, опасаясь наступить в кипяток.

— Куда ты занесла нас, сука?! — заорал он дико, сжав руки в кулаки.

— А-а-а! — довольно проворковала я. — Вот ты и узнал характер настоящей русской женщины. Никогда не слышал про горящие избы? Мы и не таких мужиков в бараний рог скручивали.

Он смотрел на меня, как на умалишенную.

Я осклабилась и подошла ближе. Прошипела, как безумная кошка, ему прямо в лицо:

— И не стоит тебе оскорблять меня, придурочный. Ведь я могу оставить тебя здесь — будешь гореть, хрипеть и умирать, а выбраться не сможешь. Никто не придет за тобой, никто не знает, где ты. Другой мир? Другая планета? Куда идти?!

Я снова расхохоталась, чувствуя, как плавают под ногами подошвы кроссовок.

— Сумасшедшая...

— О да! И знаешь что? Тебе лучше это запомнить! Потому что если ты еще раз откроешь свою пасть, я распылю тебя между мирами. И вся твоя грубая сила окажется бесполезной для спасения собственной задницы. Как неприятно это осознавать, правда?

Он зарычал, но не кинулся. Сдержался, вероятно, осознавая, правдивость моих слов.

Хорошо быть сумасшедшей! Хоть иногда. Хоть изредка выпускать на волю сидящего взаперти зверя, не боясь последствий. Они, последствия, конечно, настанут, но не здесь, где только черные камни, потрескавшийся обугленный пласт почвы и обрыв, внизу которого текла расплавленная река огня.

Трудно сказать, чем это все могло бы закончиться.

Возможно, Баал убил бы меня или бы я столкнула его в обрыв, как в сюжете третьесортного боевика. А может, мы вместе бы катались по земле, обжигая конечности и пачкая одежду. А может, я просто исчезла бы домой, оставив его подыхать. А может, мы подошли бы оба, не сдержись он и стукни меня огромным кулаком до того, как я успела бы прыгнуть.

Мне не удалось узнать, какой вариант воплотился бы в реальность, по одной простой причине: впервые в жизни у меня на глазах открылся светящийся портал. Да, почти так, как когда-то происходило в компьютерных играх: просто кусок воздуха разверзся до размера светящейся входной двери — и из проема в наш пахнувший серой мирок шагнул... шагнул Дрейк.

Мы застыли оба. Если бы ад мог замерзать, то он бы замерз: выражение лица Начальника было настолько пугающим, что и я, и Баал тут же забыли друг о друге.

Встряли.

Да уж...

Вот и конец кулачному бою в вольере.

Дрейк был непримиримо краток, и после секундного осмотра местности он гаркнул:

— Оба в портал! Сейчас же!

Указующий перст не оставлял выбора. Переглянувшись с недавним врагом, мы один за другим приблизились к двери.

Они так и стояли в коридоре Реактора. То ли по приказу Дрейка, то ли хотели дожидаться логического завершения начавшегося действия, — остальные члены спецотряда. И теперь мы

стояли напротив них — со слезящимися глазами и насквозь пропахшие серой, с обугленной обувью.

Лицо Баала было пепельного оттенка, мое, вероятно, было таким же.

Я не смотрела на остальных, мне отчего-то было все равно. Что они думают обо мне? Да плевала я. Прижмут в угол — буду защищаться до последнего. Не для того росла, чтобы каждый вытирал об меня обувь...

Тот тон, который сейчас использовал Дрейк, ненавидели все. Сухой, ничего не выражающий, шелестящий.

Поначалу досталось Баалу.

— Если ты еще раз намеренно спровоцируешь ссору внутри отряда, ты лишишься месячной зарплаты и всех привилегий. Если это произойдет еще раз, то навсегда покинешь отряд.

По коридору не разнеслось ни звука. Каждый проглотил слова и реакцию на них молча.

Затем прилетело мне.

— Если ты еще хоть раз используешь способности телепортера для решения внутренних конфликтов, последствия будут теми же. Это понятно?

Я кивнула.

— Все свободны, — отрезал Дрейк и покинул нашу «дружную» компанию.

* * *

Я стояла у окна спальни, из которой не выходила с того самого момента, как вернулась домой. Глядя на пушистый снег, валяющийся с темного неба, грустила, думая о том, что сегодня все сделала неправильно.

Обида на чьи-то слова затмила и сердце и разум, став причиной усугубления конфликта, которого, отнесись я к этому по-другому, можно было избежать.

Но все мы люди. Все мы ошибаемся.

Жалела ли я о содеянном? В какой-то степени, да. Но в то же время понимала, что прошлый опыт поведения невозможно изменить за секунду даже при очень большом желании.

Баал обидел меня. Он обидел не только Дину — будь это так, дело кончилось бы слезами, — но он задел ту новую сущность, что теперь жила во мне и встала на защиту хозяйки тогда, когда разум не смог справиться с подступившими темными эмоциями. А вот с ними стоило бы справиться. Зря Дрейк потратил столько часов на объяснение того, как совладать с темной стороной? Впервые мне воочию представился шанс увидеть, к каким плачевным результатам подобное могло привести. Я разочаровала в первую очередь саму себя — и оттого грустила. Нельзя владеть Силой и не владеть разумом. Начальник был прав. Впрочем, как обычно.

Я вздохнула.

Клэр ждала меня внизу к ужину, но я никак не могла заставить себя спуститься. Очень хотелось разобраться с ситуацией, которая не давала мне покоя.

Что спровоцировало сегодняшнюю злость? Наверное то, что обидные слова были сказаны при всей команде. Слова о том, что мой прыжок в мужскую душевую был намеренным актом для того, чтобы якобы «присмотреться к мужским причиндалам, дабы

выбрать лучшее». Да что я — падкая до членов девка? Зачем мне выбирать по размерам? Глупо, честное слово. И обидно, что это слышали все.

Но еще больше задело другое...

«Раз тебе не быть с тем, кем хочется...» — откуда могла взяться подобная фраза? Именно она царапала сердце больше всего. С чего Регносцирос решил, что мне не быть с Дрейком? Ведь говорил он именно о нем.

Неужели Начальник обсуждал меня с другими?

Сделалось тошно. На ум тут же пришла гадкая картинка, в которой Регносцирос, словно Мефистофель с рогами, ходит кругами вокруг кресла и бьет по земле хвостом.

— Ведь она не в твоём вкусе, Дрейк?

А тот сидит, положив ноги на стол, и качает головой.

— Конечно, нет! О чем ты говоришь, мой друг? Она проста, как табуретка...

Я сжала кулаки и заставила себя прекратить воображаемый диалог. Ну, что за бред лезет в голову?

И все же сомнения продолжали подгрызать эмоциональный фундамент, как куча голодных муравьев. Стал бы Начальник делиться соображения насчет меня с одним из членов команды? Нет, не стал бы. Не должен был. Дрейк не стал бы делиться личными мыслями даже с самим собой, не говоря уже о посторонних. Не тем он был человеком. И не человеком вообще...

Я почувствовала, что путаюсь в этой паутине размышлений — противной и липкой, не приносящей покоя. А с неба продолжал бесшумно лететь снег. Скоро здесь Новый Год. Надо же... праздник, который празднуют даже там, где нет времени.

Через какое-то время я пришла к выводу, что именно «Дрейк» стал причиной моего взрыва. Не он сам, но слова о нем. Я стала слишком чувствительной ко всему, что касалось Начальника, а потому не сумела среагировать на фразу Регносцироса должным образом. Сама мысль о том, что я по какой-то причине не могу быть с Дрейком, действовала на меня крайне удушающе.

А не сумела подавить темную сторону, ответила грубостью на грубость, и вот результат: конфликт усугублен, обе стороны обижены, ответы на вопросы не получены, а на душе невероятно гадко.

Чему удивляться? Не сама ли я проверяла на практике, какой разрушительной силой обладают злые слова? Не сама ли распрощалась с львиной долей энергии впустую? Дрейк был бы разочарован.

Когда-то давно, в той жизни, которую теперь впору было называть «прошлой», один мой знакомый имел привычку говорить:

— Все можно решить. Ведь ни один из нас не покинул планету...

И тот знакомый был прав. Не в том, что планету невозможно покинуть, а в том, что любую, даже неправильно сложившуюся ситуацию можно исправить, пока живы оба участника. Это с мертвым не поговоришь, а вот с живым...

Я задумалась.

Ладно, изначально я сложила детали головоломки неправильно, но винить себя нецелесообразно. Недовольство собой породит еще большее недовольство собой, и лишь принятие себя таким, какой ты есть, поможет двигаться в правильном направлении. Многие люди ошибочно полагают, что самобичевание приносит пользу, но на самом деле пользу приносит лишь доброе отношение к себе даже в случае ошибки. Умный человек обернется

назад, сделает выводы и пойдет вперед. Глупый человек будет себя корить до скончания времен и постоянно смотреть назад, боясь перенести прежние ошибки в будущее, тем самым лишая себя права жить в полном смысле этого слова.

Чтобы не быть тем самым глупым человеком, я закрыла глаза и прошептала:

— Несмотря на то, что я ошиблась и не смогла сразу правильно среагировать на слова Баала, я люблю и принимаю себя. Целиком и полностью. Пусть я что-то сделала неправильно, но я обязательно научусь, у меня все получится. Ведь я люблю и уважаю себя.

На душе стало теплее, обида ушла из сердца. Простить себя за ошибки очень сложно, но без этого невозможно идти вперед. А мне — во что бы то ни стало — нужно было сложить детали этой головоломки правильно.

Разобравшись с собой, я снова переключилась на Регносцироса. К нему и его словам тоже следовало подойти без прежней эмоциональности, переключить угол зрения, взглянуть на все не с точки зрения обиды, а с точки зрения любви. Это была старая и интересная игра, позволяющая решить любую ситуацию, — «Увидь все иначе», и именно смена негативной позиции на Любовь давала в конечном итоге ключ к решению самых сложных задач.

«Баал-Баал... Что же такое с тобой произошло в прошлом, что ты так на меня накинуся? Ведь дураку понятно, что не я, а кто-то другой причина твоей агрессии. Что же это было? Женщина? Неудачная любовь? Разбитое сердце?»

Если так, то это многое объясняло. Люди зачастую переносят эмоции из прежнего опыта на тех, кто, по их мнению, может спровоцировать подобный опыт в будущем.

Я что-то ему напомнила. Или кого-то. И он не хотел, чтобы какая-то ситуация однажды повторилась, пытался предотвратить ее еще до совершения. Ну, ладно... об этом с ним можно поговорить.

А вот как быть с фразой о Дрейке?

Ответ на этот вопрос тоже можно было получить только от самого Баала.

Я вздохнула.

Видимо, придется снова лезть в логово демона с риском получить по голове. Но если не поговорить, обида так и будет точить нас обоих, с каждым разом провоцируя на все новые конфликты. И однажды, просто потому что кто-то не нашел в себе сил на разговор, один из нас потеряет любимую работу и налаженную жизнь.... Разве мало примеров, когда подобное происходит даже между близкими друзьями или родственниками? Тогда что уж говорить о врагах?

Пожелав себе удачи, я закрыла глаза.

Что ж, мистер Демон, ждите гостей.

* * *

— Вали отсюда!!!

Это дружелюбное приветствие было первым, что я слышала, оказавшись в доме у своего врага. Что ж, вполне ожидаемая реакция от того, кто не рад видеть гостей. Особенно тех гостей, которые появляются из воздуха у тебя за спиной в самый неподходящий момент.

Нет, Слава Богу, Баал не справлял нужду в туалете и не плющил тяжелым телом хрупкую красавицу в спальне (к моему немалому облегчению), он всего лишь сидел со стаканом виски перед зажженным камином, но мое появление, тем не менее, почувствовал, не

оборачиваясь.

Поборов возникший страх, я подняла обе руки в жесте «Я пришел с миром» и осторожно обошла диван. Затем, замешкавшись на секунду, села в пустое кресло, неподалеку от хозяина.

— Ты оглохла?!

— Нет. Но в случае с тобой глухота была бы в помощь, а не в тягость. Ты только и делаешь, что орешь.

— Потому что ты последняя, кого я хочу видеть в своем доме.

— Это я могу понять. Но все же попрошу: удели мне десять минут своего времени и налей выпить. После этого я уйду.

Регносцирос, одетый в черные джинсы и такую же рубашу, расстегнутую до середины груди, некоторое время тяжело и задумчиво смотрел на меня, будто размышляя: то ли сразу раздавить, то ли послушать мое бесполезное «мяуканье», а уже потом наладить пинка.

Мне стало не по себе.

Он был другим — не тем мужчиной, к которым привыкли женщины моего мира. Он был Варваром из далеких времен, несмотря на дороговизну отделки комнат, живущий в пещере, в своем собственном внутреннем мире и своем укладе, который легко позволял поднять руку на неподчиняющуюся женщину. Баал жил Войной и Силой. Жил старыми матерыми принципами, где мужчине отведено главенствование, а женщине прислуживание.

Здесь, в своем доме, он имел право на любое поведение, любую злость, любые слова, и, сунувшись сюда, я сильно рисковала, но, тем не менее, сдаваться не спешила. Слишком сильно скребли изнутри вопросы, которые хотелось задать.

— Десять минут. И выпить.

После некоторого колебания, Регносцирос поднялся с дивана и неприветливо поинтересовался:

— Что ты пьешь?

— Все, кроме яда.

Он фыркнул.

— Хруст костей куда приятней корчащегося с пеной у рта тела.

— Да, у всех свои вкусы.

В баре звякнули бутылки.

Через полминуты на подлокотнике моего кресла появился стакан с чем-то крепким. Моих знаний не хватило для того, чтобы определить имя напитка по запаху — виски, брэнди, коньяк? При попытке вдохнуть шибало в нос так, что выступали слезы.

— За десять минут парами не нанюхаться. Если хочешь, чтобы подействовало, попробуй применить рот.

«Мда, ласковый мальчик...»

Я сделала глоток и закашлялась.

С дивана фыркнули еще раз.

Пытаясь отдышаться и заодно понять, как лучше всего начать разговор, я украдкой огляделась. От полыхающего камина в комнате было тепло, на мой взгляд, даже слишком. Гостиная отделана в темных тонах, множество вставок под камень и дерево. Черная кожаная мебель... В целом обстановка отчего-то неуволимо напоминала зал далекого неприступного замка, одного из тех, где жили суровые неразговорчивые хозяева, бледные прячущиеся по углам слуги и равнодушные промозглые сквозняки.

Пойло, наконец, растеклось по внутренностям теплом, перестав жечь горло, и тогда я решилась начать разговор.

— В общем, зачем я пришла...

Баал даже не посмотрел на меня, продолжая упираться хмурым взглядом в камин.

— ...я некоторое время размышляла над тем, почему ты постоянно цепляешься ко мне и ведешь себя так, будто я чем-то тебе насолила, хотя я ни разу не перешла тебе дорогу и вообще не сделала ничего плохого...

Взгляд хозяина комнаты заметно потяжелел, но губы не разомкнулись.

— ...и думаю, что нашла ответ на этот вопрос.

Циничная усмешка в ответ.

Что ж, лучше действовать быстро и прямо. Спокойно посмотрев в черные глаза, я мягко и уверенно проговорила:

— До меня в отряде был кто-то, кого ты любил. Женщина. Она что-то разрушила, предала тебя и, возможно, других. Кто-то пострадал. Но больше всего твое сердце.

Слова попали в яблочко — он взревел. Совершенно неожиданно этот огромный темноволосый мужчина с быстротой молнии подскочил с дивана и угрожающе навис надо мной исполинской глыбой — я вжалась в мягкую подушку под собой. Страшно. Но я была готова к гневу. Если ударит, то буду ходить с синяком (или ездить в кресле с переломанными костями, пока не дойду до Лагерфельда), но позорно не сбегу.

— Да что ты можешь знать!? — заорал он, оглушая. — Что ты вообще можешь знать?

— Только то, что у тебя из-за какой-то стервы до сих пор болит сердце. А я тебе ее чем-то напоминаю. Но я не пришла в отряд для того, чтобы плести интриги, можешь ты это понять или нет?!

Теперь орала я.

Он зло прищурил глаза и скрипнул зубами. Резко отпрянул обратно к дивану, взял со стола стакан и отошел к бару, чтобы наполнить его.

— Говорил я тебе, вали отсюда...

— Нет у меня тайных планов, и никем я не пытаюсь манипулировать. Прекрати оскорблять меня при всех! Ведь все это дойдет до того, что один из нас вылетит из отряда!

— Ну, ты-то не вылетишь, тебе нечего бояться. Ведь именно для этого ты так рьяно пытаешься завоевать расположение Дрейка.

Циничная усмешка резанула по нервам.

— Я не боюсь вылететь из отряда.

— Тогда зачем ты вьешься вокруг него? Чего ты хочешь? Привилегий? Защиты? Власти рядом с тем, кто способен тебе ее дать?

— Не надо мне власти, — тихо ответила я, — и привилегий тоже.

— Тогда зачем? Ты пришла поговорить? Вот и говори...

— Ты, правда, хочешь знать? — теперь горько стало мне. Может, сказать ему? Что я теряю, в конце концов? Раскрываться всегда тяжело, но, может, это поможет нам избежать недоразумений. Конечно, всегда существовал риск, что правда обернется грозным оружием против меня же самой, но недомолвки и гнусные предположения вконец измотали душу, и, посмотрев на Баала, я спросила: — ты ведь Менталист? Значит, увидишь то, что я тебе покажу?

Он замер. Затем кивнул. И тогда я сбросила с себя мысленный щит, которым укрылась перед прыжком, помня о том, к кому именно собралась в гости.

— Смотри.

Щит медленно растворился. А из сердца снова начали бить яркие лучи, делающие его похожим на солнце. Я чувствовала их каждый раз, когда думала о Дрейке. Любовь. Именно так она выглядела. И именно ее я все это время так тщательно прятала от посторонних глаз.

Но стоило раскрыться, как свет потек во всех направлениях. Обычно люди не видят его, лишь чувствуют, когда ощущают сильное чувство к кому-либо. Но по глазам Баала, я поняла, что он увидел. И застыл, удивленный. Медленно поставил стакан на барную стойку и покачал головой.

— Ты любишь его.

В комнате повисла тишина, прерываемая треском поленьев.

Я привычно хлопнула свет, мысленно поместив на него непроницаемую загородку. Этот трюк я научилась делать давно, еще в те времена, когда впервые поняла, что любовь можно не только почувствовать, но и увидеть. Наверное, обычные люди не смогли, но Дрейк был исключением, и он точно увидел бы. Даже сейчас у меня были сомнения, что было что-то, о чем начальник не знал. Но все же с загородкой было надежнее.

— Да, — ответила я, подняла стакан с пойлом и изрядно из него отхлебнула, — люблю. Вот тебе и все причины...

— Дура! — вдруг сказал Баал. Но не зло, а с горечью. Подошел к камину и уставился на огонь. — Точно дура.

Я обиделась.

— Это еще почему?

— Да потому что люди Комиссии не якшаются с обычными женщинами. Они вообще с женщинами дел не имеют. Ты об этом не знала?

— Знала.

— Тогда зачем? Хочешь разбить себе сердце безответностью?

Что на это было ответить? Откуда я знала — зачем? Чувства не рождались и не умирали по желанию. Да и была ли моя любовь безответной? Этого я не знала до сих пор.

Баал снова покачал головой, грустно усмехнулся и подошел к дивану. Сел на него, отпил виски и посмотрел на меня. И от этого нового взгляда, в котором больше не было злости, возникла в душе вдруг какая-то ранимость. Я отвернулась.

— Ты ведь даже не сможешь его коснуться.

— Знаю...

Тишина. И мой робкий взгляд:

— Но, может быть, когда-нибудь... смогу?

Он смотрел с упреком. Теперь не Воин, а старший брат, недовольный поведением глупой младшей сестры.

— Они ведь не люди, Бернарда.

(Первый раз по имени?)

— Знаю...

К горлу подступили слезы.

— Тогда на что ты надеешься?

— Не знаю. На чудо?

Слезы стало тяжело сдерживать. Приходилось упрямо смотреть в стакан.

Мы молчали долго. Каждый думал о чем-то своем. И впервые в этой тишине было комфортно вдвоем. Оказывается, Баал умел не осуждать любовь, умел понять, каково это —

быть одному... скрывать чувство от чужих глаз.

Интересно, что же стало с его женщиной?

— Ее звали Ирэна, — вдруг сказал Регносцирос после длительной паузы — и я удивленно вскинула на него глаза. Но он больше не смотрел в мою сторону, он смотрел на огонь. Долго. И больше так ничего и не добавил.

Прошло несколько минут. Когда стало ясно, что полной версии этой истории мне не услышать, я решила, что пришло время уходить.

— Мне жаль, — прошептала я и отставила стакан. — Спасибо тебе за пойло и за десять минут. Теперь я могу «валить отсюда».

Баал повернул ко мне лицо. И впервые появилось чувство, что мы больше не враги. Может быть, не друзья, но точно не враги. Если раньше мы стояли лицом друг к другу, то теперь смотрели в одну сторону, как и должно быть в команде.

— Я пойду.

Он кивнул. А я, скрывая неловкость, добавила:

— И так как я не умею ломать кости, то ты заходи, я налью тебе яду. Или чего-нибудь вонючего, чем можно нанюхаться.

Уходя, я думала о том, как сильно может изменить лицо один лишь намек на улыбку.

Несмотря на то, что общение с Баалом, в целом, удалось и появился шанс на более-менее мирное сосуществование рядом, разговор о Дрейке все же разбередил душу.

Начальник так и не появился...

Не зашел, не позвал никуда, не дал о себе знать, ни словом не обмолвился про последнее задание. Не злился ли на то, что я наворотила в спортзале? Прослышал ли о том, что я по ошибке попала в мужскую душевую?

На душе было скверно из-за того, что мы совсем перестали общаться вне работы. Незнестность происходящего вгоняла в слезы. Чувствуя на сердце тяжесть, я молча вышла из спальни и прошла в гостиную.

Клэр сидела в кресле, вышивала очередную салфетку. Смешарики расположились на ковре перед телевизором: смотрели какой-то боевик. Сидение перед большим экраном в последнее время стало их любимым занятием. С жадностью глоталось все: фильмы, кулинарные программы, ток-шоу, викторины и даже рекламы. Когда Клэр пыталась переключить канал, раздавалось дружное «Не-е-е!», и ей приходилось переключать обратно. По ходу разворачивающегося действия на экране на ковре то и дело появлялись различные вещи: таким образом Смешарики учились перевоплощаться в новые предметы. Возникали ножи, пистолеты, пузырьки с лекарствами и даже бензопила какого-то маньяка. Клэр оторвалась от вышивки, посмотрела на нее и покачала головой.

Ганька, растянувшись оранжевой пушистой пружиной, валялась в соседнем кресле. Миша хрустел кормом где-то внизу.

Я какое-то время постояла в дверях и уже решила вернуться в спальню, когда Клэр вдруг заметила меня.

Видимо, мое лицо отражало душевное состояние, потому что она тут же отложила салфетку на подлокотник и поднялась с кресла.

— Дина, что случилось? Что-то плохое на работе, да? Ты Расскажи, не молчи... вместе-то все равно проще...

Неподдельное волнение в глазах и участие в голосе сыграли решающую роль —

неожиданно для себя я разрыдалась. А после, под бутылку вина, которую в знак благодарности за спасение Халка принесла Шерин, рассказала Клэр про неразделенную любовь к собственному Начальнику и про те преграды, что встали у нас на пути, не боясь ни того, что повариха проболтается, ни того, что эти знания ей как-то навредят. В конце концов, не государственная это тайна... любить мужчину, пусть даже такого, а вот носить все печали только в себе стало попросту невозможно.

Таким образом, в этот вечер сразу двое узнали бережно хранимый мной все эти месяцы секрет.

Двое.

Не считая тридцати пяти пушистиков, непонятно когда успевших собраться вокруг стола.

Андаризель Вейерос не любил плохие новости.

Более того — он их ненавидел.

Но сами плохие новости не вызывали у него настолько сильных приступов бешенства, в отличие от тех, кто их приносил. Вот и сегодня Андэр едва удержался, чтобы не скрутить шеи двум бледным, трясущимся при его виде сосункам. В его время мужчин учили держаться стойко: не пасовать, не отступать, иметь стержень и силу отстаивать собственное мнение — будь оно правильным или нет в глазах начальства.

Вот Андэр и отстаивал. А потом долгие годы платил.

И до сих пор платит... Но это мысли в сторону.

Сосунки взбесили его отсутствием выдержки, и он задал им головоломку по программе «чтобы-всегда-помнили», но минуто спустя, когда они исчезли с глаз долой, Андэр забыло них.

Как же так? Три попытки передать конверт провалились. Чисто так, аккуратно провалились. Казалось бы, идеальный план: передать телепортеру конверт с фотографией, ложным «заданием от Дрейка», дожидаться ее появления в указанном месте и прошить парой пуль. Делов-то на пару долларов! Ну, хорошо... на четыре доллара: пули подорожали.

Ан-нет... Каждый раз, стоило людям Андэра приблизиться к особняку, кто-то снимал их с горизонта. Перехватывал на подходе без права на возвращение. Не иначе гребаная Комиссия! Значит, Дрейк предусмотрел такой вариант. Хорошо хоть Андэр позаботился о том, чтобы часть памяти у посыльных была начисто стерта без возможности восстановления: старый сенсор еще кое на что годился, хоть и слишком много пил.

Но три человека! Люди, а тем более хорошо тренированные люди — это не зерна в мешке: кончилась горсть — взял еще одну... Где набрать новых, когда старых выводят из строя так быстро? Это не верхний мир, тут одни отбросы. Черт бы подрал гребаную власть и ее Начальника.

Вейерос грязно и смачно выругался, после чего почувствовал себя лучше.

Хорошо.

Хорошо, что в запасе всегда есть пара неразыгранных тузов, иначе жизнь была бы скучна. А что ты скажешь насчет сыворотки невидимости, Дрейк? Зря что ли Ирэна все это время так старалась? Да, пусть всего два часа, но за это время вполне можно дойти от портала до нужного дома и уложить твоего драгоценного сотрудника. Не хочешь по-хорошему — сделаем по-плохому: ударим из-за спины. Ты ведь сам напросился, Дрейк... Как больно будет осознавать, что ты не всемогущ и не всесилен, а-а-а? Больно? Да-а-а! Очень больно! Но зато ты поймешь, не все, конечно, но хоть чуток, как больно было мне...

Андэр не заметил, что уже давно начал говорить вслух, а за его спиной, укоризненно качая головой и погружившись в размышления о своем, стоит печальная темноволосая женщина.

* * *

Иногда Дрейку казалось, что именно уязвимые места делают человека человеком.

Не допусти он бреши в сердце по отношению к Бернарде, и не испытывал бы сейчас того клубка эмоций, которые неотвязно преследовали его вот уже не первые сутки. Нежелательных, к слову сказать, эмоций.

Откупорив бутылку с вином и наблюдая за тем, как льется темная жидкость в бокал, Дрейк принялся классифицировать испытываемые чувства.

Номер один — Негодование. А все оттого, что вот уже две недели дел было столько, что времени на личную жизнь не оставалось вовсе. И если раньше этой самой личной жизни у него не было, то теперь Начальник искренне негодовал, что не может выкроить свободной минуты даже на совместный обед с Ди. Даже времени похвалить ее сегодня он так и не нашел. Именно отсюда и проистекла первая эмоция. Черт бы подрал эти бесконечные дела...

Тень саркастичной улыбки искривила губы. Раньше бы Дрейк был только рад отсутствию застоя — теперь же это раздражало. Очеловечивание налицо.

Начальник взял бокал и прошел к удобному креслу, где привык думать. Сейчас вокруг кресла лежали стопки бумаг: схемы, формулы, зарисовки тока энергии через человеческое тело, снова формулы...

Посмотрев на результаты бесполезных ночных трудов, Дрейк разочарованно втянул носом воздух.

Эмоция номер два — Уныние. Он не мог понизить свой энергетический фон, даже если бы очень захотел. Приглушить на несколько секунд — максимум три-четыре — да. Но не понизить совсем на более-менее долгий промежуток времени. Изменившийся фон тела не имел тумблера «Вкл/Выкл». Если уж ты стал тем, кем стал, то и будь им. Раньше такой расклад был не просто приемлемым — он был желанным. Теперь — нет.

Вино бархатисто скользнуло в желудок. Сарказма по поводу себя прибавилось.

Эмоция номер три — Безысходность. Ну, не чудный ли получался букет? Безысходность шла оттого, что и фон Бернарды он тоже не мог изменить. Все эти ночные бдения над новыми формулами, все эти мысли, идеи — все пустое. Ничего не сработает. Прямое вмешательство в энергетические центры убьет ее, не прямое сделает свою работу лет за четыреста. Да и то, не факт... Предыдущие попытки влияния на женский организм провалились все до единой. Где гарантия того, что Ди окажется крепче? Риск себя не оправдывал. Да и где взять столько терпения, когда его уже на сутки не хватает?

Исходя из всего вышеперечисленного, вывод напрашивался сам собой: нужно отбросить ложные надежды, поговорить начистоту о том, что совместного будущего быть не может и продолжить заниматься важными делами и руководить Уровнями. Все просто и понятно. Да. Безупречно.

Но это был логический вывод.

И вот тут в дело вступала еще одна эмоция, четвертая — Ярость. Ярость при мысли о том, что придется от нее отказаться, отдать кому-то другому. Знать, что Ди обнимает и балует кто-то другой. Что кто-то другой укачивает ее на руках, уговаривая уснуть, кто-то другой укрывает полотенцем, когда она выходит из душа, кто-то другой слушает смех и смотрит в глубокие умные глаза... Слишком умные для обычного смертного. Слишком глубокие для любого, кроме него, Дрейка.

Прищуренный ровный взгляд серо-голубых глаз, направленный в бокал, притворно спокойные руки... Обманка. Ярость Дрейка была более чем опасным чувством. Слишком нехорошим. И ее следовало тщательно контролировать. Он — не человек. Он тот, кто при неконтролируемых чувствах может схлопнуть огромные пласты энергии, причинить

невосполнимый ущерб созданному миру, распылить, уничтожить, разобрать на молекулы. А так нельзя. Слишком глупо после стольких лет жизни вновь становиться зеленым юнцом. Кто-то из-за одной подобной вспышки может заплатить неоправданно высокую цену.

Да, наверное, стоит просто поговорить. И отпустить Ди. Выкинуть этот чертов клубок изнутри, успокоиться, очистить голову и вернуть все на круги своя.

Так правильно. Так логично. Так нужно сделать.

Но почему тогда при мысли об этом опутывает Отчаяние? Пятое чувство, коррозией проедающее рационализм. Все крушится под его напором, логика становится трухлявым каркасом, привычное становится ненужным, и хочется просто идти и идти... куда глаза глядят. Чтобы просто уйти куда-то далеко.

Он свихнулся. Да, он совсем свихнулся, если хоть на секунду ловит себя на подобных мыслях.

Допив вино, Дрейк откинул голову на спинку и закрыл глаза. На его губах, будто найдя себе новый дом, застыла ироничная, отдающая горечью усмешка.

* * *

Обреченность — это не предчувствие и не недоверие к собственным возможностям, и даже не страх. Обреченность — это осознание того, что скоро случится беда и ты не сможешь этому помешать. Даже при большом желании изменить ситуацию, мотивировать себя, ободрять, уговаривать идти вперед, тешить ложными надеждами о счастливом конце и бравадно смеяться перед другими, все равно в глубине души будешь знать, что провал неизбежен. Именно это и есть обреченность.

Шипы были настоящими.

Настолько настоящими, насколько это вообще было возможным — холодными, острыми и равнодушными. До них было метров пять — как раз хватило бы для того, чтобы полностью и качественно насадиться на них и лежать с дырами в груди, шее, конечностях, глазах. Как акульки зубы, они торчали на дне ровными терпеливыми рядами — мол, давай, мы ждем, прыгай...

— Нет, Дрейк! — я отпрянула от края ямы поближе к стене. — Я не буду этого делать!

— Будешь, — начальник исподлобья взирал на меня, стоя на той стороне и сложив руки за спиной. — Считай это некоторой контрольной точкой в достижении первого этапа знаний. Еще раз повторяю: перейдешь через яму — и свободна. Прыгать на эту сторону не разрешается — поэтому я устанавливаю защитный экран. Трансформировать яму нельзя, замуровывать тоже, все должно остаться тем же, а ты должна пройти над ней.

— Как?! По воздуху?

— Как угодно.

— Но там же шипы!

— Да, там шипы. Но они настолько материальны, насколько ты в это веришь.

— Боже мой... это шутка? — я застонала и подкатилась к краю ямы, достала монетку из кармана: она завалилась там с тех пор, как я пыталась найти в Реакторе кофейный автомат (к слову говоря, не нашла). — Веришь — не веришь. Смотри!

Монетка сорвалась с пальцев и, сверкая полированным металлом под сероватым светом, льющимся из окон, полетела вниз. Секунда... две... и лязг металла о сталь. Попад ребром

прямо на кончик одного из шипов, она отлетела в сторону, задела еще один, после чего провалилась между ними на далекий, почти невидимый отсюда пол.

— Они настоящие!

— Настоящим делается все, во что ты веришь.

— Неправда. Ангелы не делаются. Сколько не пыталась их увидеть в детстве, а так и не увидела.

— Кто такие ангелы?

— Мифические существа моего мира.

— А ты в них верила?

— Не знаю... — я вздохнула. — Не важно. Я не смогу, Дрейк, я просто это чувствую... пожалуйста, давай будем делать что-нибудь другое...

Начальник остался непреклонен.

— Бернарда, на прошлом занятии ты показала отличный результат. Я бы сказал — поразительный. У меня нет причин сомневаться, что и с этим ты справишься не хуже. Твои способности выше, чем ты сама о них думаешь, но их нужно продолжать развивать, иначе они станут в лучшем случае бесполезны, в худшем — принесут вред.

Сухие слова похвалы мало подействовали на меня. Чувство обреченности не ушло, скорее, усилилось. Он что правда думает, что я пройду по воздуху над ямой, истыканной шипами? Дрейк просто не знал, что с тех самых пор, как только в Советском Союзе появились видики, дети только и делали, что смотрели подобные ужасы: какой-нибудь дурак валится в такую вот яму, а потом лежит внизу бездыханный, со струйкой крови изо рта и стеклянными глазами, проткнутый в двадцати местах. Нет, нет и нет! Я же не настолько дурная, чтобы поверить в возможность пройти по воздуху?

Дрейк не стал смотреть на мои душевные терзания. Просто растянул по периметру зала озоновую сетку, чтобы предотвратить мои потенциальные прыжки и ушел.

Я съехала спиной по стене и села на пол.

Замечательно! И снова я наедине с собой. Я, четыре стены и яма... на этот раз с шипами. Ах, да! И озоновая сетка — защита от побегов.

Ну, что за жизнь?

Тридцать минут спустя.

Я долго шурила глаза и рассматривала их под разным углом.

Они настоящие. Эти чертовы шипы самые что ни на есть настоящие!.. Вон как блестят, переливаются, сверкают. Холодные, жуткие, отталкивающие. Свесила один кроссовок вниз — до шипов не достать, не проверить на прочность, вниз не прыгнуть, по дну не перейти.

А может быть, где-то есть невидимый мост?

Тщательно ощупала край ямы и воздух за ней. Ничего.

Вздохнула и снова откатилась к стене думать.

Это подвох, обманка! Не может такого быть, чтобы Дрейк и правда надеялся на переход по воздуху! Может, он ждет чего-то еще? Других методов решения, других мыслей, творческого подхода?

И... если я попробую и свалюсь, то над шипами ведь натянута невидимая страховочная сетка... правда? Монетка просто прошла сквозь нее, а я удержусь. Ведь так?

В горле образовался ком, внутри стало холодно и зябко; тишина давила на плечи. Почему

Дрейк не помог мне, почему не поддержал, не подсказал, почему просто ушел?

Я положила голову на подтянутые к груди колени. Чувство одиночества совсем не способствовало полету мысли.

Час спустя.

У Индианы Джонса была цель — грааль!

У меня цели нет. И мотивации тоже нет! Он ступал в пустоту с надеждой и верой, хотел исцелить отца, а я? Зачем я вообще сравниваю реальную жизнь и фильм? Да, ситуации похожи: и ему, и мне следовало шагнуть в пропасть, но концовки фильмов известны заранее, положительным героям экранов хэппи-энд обеспечен, а мне? Я не в фильме, я в странном мире, где многое возможно, но где находится тонкая грань между «возможно» и «так будет»?

Время капало сквозь пальцы — медленно двигалась стрелка по циферблату наручных часов. Так же медленно двигались по полу размытые пятна от солнца.

Где-то там, за окном, ходили люди... Шли домой или на обеденный перерыв, общались, смотрели в экраны компьютеров. И чего мне не сиделось в привычном офисе бюро переводов? Там не было ямы, не было шипов, не было озоновой сетки. Там была мама и знакомая спальня, там все было просто и понятно.

Мой взгляд застыл на раме одного из окон. Контраст между солнечным светом и темной балкой завораживал и вгонял в прострацию.

Да, там не было моего особняка, Клэр, пушистиков, яркого сверкающего Нордейла... Там не было новой жизни, новых возможностей, не было Дрейка... Почему? Почему всегда приходится выбирать?

Нужно было как-то собраться и начать пробовать что-то делать, действовать, создавать мост, шагать в яму, но страх парализовал, намертво склеил движения.

Я продолжала сидеть на полу, равнодушно наблюдая за окном.

Неопределенное время спустя.

Он придет и увидит, что я даже не пробовала...

Ведь на самом деле — пальцем о палец не ударила, чтобы справиться с заданием. Поднимайся, Дина, поднимайся, Бернарда! Хватит отсиживать пятую точку, пора действовать!

И началось...

Я воображала, домысливала, визуализировала, представляла, заставляла себя мысленно поверить. Потом подошва кроссовка наступала в пустоту — и я судорожно отскакивала от края. Пыталась нащупать дорожку на другой край ямы медленно, с толком, с расстановкой, успокаивала сердце и дыхание, пробовала вновь и вновь.

Представляла и золоченый мост, и узкую тропку, и кирпичную дорогу и отдельные плавающие островки — все равно нога проваливалась в никуда. Начинала сначала, бесконечно долго концентрировалась на твердой почве под ногами, пыталась шурупом ввертеть в сознание мысль о реальности создаваемых объектов — тщетно. Страх перед падением не угасал, будто назло разгорался с новой силой.

Веревочный мост, деревянные планки с перилами, светящаяся пыль, бетонные блоки — ничего из этого не воплощалось в реальность.

Как, где и почему я прокалывалась? В чем была причина планомерной череды неудач? Не сдаваться, пробовать еще...

Тени в зале удлинялись, солнце начинало клониться к закату — плевать на время. Нужно пробовать снова и снова. По спине катился пот, виски взмокли, локоны на них стали завиваться в колечки (и почему работа мысли так выматывает тело?) — раздраженное движение рукой, чтобы убрать волосы с глаз — еще, нужно пробовать еще! Нужно как-то пробиться через трудности.

Ни кряжа, ни выступа, ни деревянной полоски у стен — яму не обойти со стороны. Я едва не рычала в голос. Прочь предательские мысли! Следует честно выполнять задание, а не тратить время на то, как его обойти.

Расстроилась? Передохнула? И снова в бой!

Я пробовала пройти через яму и нахрапом, и медленно, несколько раз едва не свалилась в нее, один раз поскользнулась на краю так, что больно ударилась копчиком и кое-как сумела уцепиться за край, чтобы не соскользнуть вниз. Каждый раз сердце билось перепуганной птичкой, а перед глазами стояло собственное повисшее на шипах тело.

Хотя я не сдавалась настолько долго, насколько могла, время все равно выигрывало у результатов всухую.

Когда энергия окончательно иссякла, а взгляд упал на часы, не нашлось сил даже на то, чтобы застонать. Шесть вечера.

Болели руки, болели пальцы, копчик и голова. На ногах фиолетово-синими медузами расплывались синяки, глаза закрывались от усталости.

Погасли последние лучи солнца — в зал медленно опустились сероватые вечерние сумерки, с каждой минутой делаясь все плотнее. Лампы под потолком не горели, выключатель был на той стороне; внутри даже не нашлось сил на то, чтобы расстраиваться.

Я подкатилась к стене и затихла.

Проиграла. Да, проиграла, и что теперь?

Проигрывать тоже надо уметь. Я пыталась. Я честно перепробовала все, что могла, но провалилась.

В груди побитой кошкой мякнул страх. Накажут? Выскажут, отчитают, заставят начинать все с нуля? Лишат чего-то, разочаруются? Ну и пусть. Сил не осталось ни на что. Свернувшись у стены, я равнодушно смотрела на мерцающую под потолком сетку: в темноте она стала отчетлива видна — иссиня голубая, разделенная на квадраты.

Пусть приходит, пусть видит, что я не всемогуща. Пусть отчитывает, пусть качает головой, пусть ругает или читает нравоучения.

Не могу. Даже с пола не поднимусь, так и останусь здесь лежать, придавленная плитой поражения. В этой тишине, в одиночестве, забившаяся в самый дальний угол сознания. У всех есть пределы, и я своего достигла.

Откуда-то из глубины сознания донесся далекий голос Баала: *«Дура, ты даже коснуться его не сможешь... Хочешь разбить себе сердце?»*

Я горько улыбнулась: я уже его разбила, свое сердце, Баал. Разве не видно? И, может быть, именно глубокое осознание этого факта — того факта, что Дрейку на самом деле до меня нет никакого дела, — и подкосил остатки желания чего-то добиться.

Вспомнились знакомые серо-голубые глаза, чертовски привлекательные и такие же недоступные губы, красивые руки, которых нельзя коснуться. Он ушел. Снова ушел и оставил меня в одиночестве, едва объяснив задание. Кому я вру? На что надеюсь? На чудо?

Чудом было бы, если бы сегодня я все-таки упала на эти шипы.

* * *

Она не увидела, как он пришел. Не услышала открывшуюся дверь, полосу света, на мгновение мелькнувшую на той стороне зала, его тень, вытянувшуюся до самого края ямы, и снова тихий щелчок дверного замка. Не подняла голову с коленей и не шевельнулась. Подавленная, сжавшаяся, ожидающая худшего.

Дрейк не стал включать освещение. Света уличных фонарей хватало для того, чтобы видеть детали, этого было достаточно.

Восемь вечера. Бернарда на той стороне ямы, озоновая сеть ни разу не сработала, предотвращая прыжок, — значит, проигрыш был честным. Да и проигрыш ли? Дрейк с самого начала знал, что задание сложное и выполнить его можно лишь находясь на эмоциональном подъеме в хорошей физической и ментальной форме.

Физическая форма у Ди была хорошей. А вот ментальная?

Дрейк присмотрелся к сжавшейся у стены фигуре внутренним зрением и почувствовал беспокойство. О каком эмоциональном подъеме могла идти речь при уровне душевной боли в семьдесят шесть процентов?

Он нахмурился.

Откуда так много? Что успело случиться за сутки, ведь вчера днем он видел Бернарду — и такого не было. А утром, к своему недовольству, не успел померить. Что же случилось либо вчерашним вечером, либо сегодняшним утром, что привело к подобному упадку душевных сил?

— Бернарда... — позвал он осторожно, чтобы не напугать.

Никакого движения. Потом волосы качнулись, голова поднялась с коленей — на Дрейка взглянули утомленные погасшие глаза. Способность Начальника видеть в абсолютной темноте сейчас не принесла радости: слишком хорошо он ощутил то равнодушие, которое читалось в направленном на него взгляде.

— Что случилось? — спросил Дрейк, заранее осознавая, что его вопрос не будет понят корректно.

Ди поднялась с пола (наверное, решила, что сидеть перед Начальником неприлично):

— Я не смогла выполнить задание. Не справилась.

Голос грустный, но ровный. И не в невыполнении задания крылась ее боль, Дрейк чувствовал это кожей. Его царапнуло изнутри другое: впервые Ди не обрадовалась его приходу, впервые отвернулась от его лица и схлопнулась изнутри, замуровав даже узкие щели, а не распахнулась навстречу, как всегда бывало до этого. Что же случилось такого за прошедшие двадцать четыре часа? В груди против воли шевельнулась досада. И боль.

Он скучал по ней. Но никогда не говорил об этом вслух. Тянулся к ней, пропитывался теплом ее глаз — молча, но всецельно, каждой клеткой. А теперь столкнулся с равнодушием в глазах и был вынужден признать, что почувствовал себя скверно.

Бернарда молчала. Наверное, ждала, что сейчас он прокинет мост через яму, скажет: «Иди домой, продолжим завтра». И ушла бы, так и не сказав ни слова.

И поэтому он — Дрейк — молчал тоже.

— Что произошло? Расскажи мне, — попросил он мягко, пытаясь понять происходящее.

Она вздохнула и потеряла висок.

— Я пыталась представить мост, но у меня не вышло. Я очень старалась, представляла его во всех деталях, но, видимо, боялась упасть вниз. Мне чего-то не хватило, чтобы побороть страх, и поэтому не вышло.

— Мотивации?

Грустная усмешка.

— Может быть.

Они стояли по разные стороны ямы, но на самом деле пропасть между ними была гораздо шире. Он смотрел на нее, она — в сторону.

Да, Дрейк мог бы сказать «хорошо, прыгай на другую сторону» или «сейчас я замурую яму», но ничего из этого не делал. Вместо этого почему-то продолжал смотреть на женский силуэт с поникшими плечами и думал о том, что ни разу не сказал ей, что скучает. Что думал о ней все эти дни, пока молчал, что пытался найти способ, как помочь им обоим, что очень хотел бы, чтобы у них было совместное будущее, что он вовсе не бесчувственный истукан — как она, наверное, думает... Почему-то обо всем этом захотелось сказать именно теперь, когда ее одиноко застывшая на краю ямы фигура источала скрытое душевное страдание.

Он уже хотел было открыть рот, когда Ди опередила его, заговорив, пытаясь что-то объяснить. Она говорила о чем-то Дрейку непонятном: о каком-то Граале, об Индиане Джонсе (кто это?), о том, что он мог шагнуть в пропасть, потому что был болен его отец, а она?

Всплескивала руками, рассержено повышала голос, расстроено затихала.

— Ведь все люди, — говорила она, — делают что-то ради чего-то, а ради чего в пустоту шагать ей? Ради себя не хочется, да и не нужно это...

— А меня?... — хрипло спросил Дрейк и осекся.

Речь на той стороне ямы оборвалась, оставив в воздухе оглушающую тишину и дыхание двоих.

Дрейк чувствовал, что что-то неконтролируемо сорвалось и покатилося с горы.

Слово — камешек вызвало лавину, каменный обвал, непредсказуемый результат.

Он совсем не должен был этого говорить... Внутри на полную мощь взвыла сирена, и в то же время взвилась радость — это было нечестно, неправильно использовать такой метод, но ему хотелось вновь почувствовать ее отклик, ее душу, увидеть ее свет. Это было глупо, не по-взрослому, нужно было остановить себя, пока не поздно, но он не смог, продолжил начатую фразу, несмотря на то, что знал: пробившиеся сквозь барьер губ слова навсегда что-то изменят.

— ... Ты смогла бы это сделать ради меня?

* * *

В оглушающей тишине стук собственного сердца казался барабанным боем.

Конечности занемели от волнения, а дыхание сбоило.

Человек на той стороне ямы стоял ровно и смотрел прямо в лицо. Серебристая форма, руки сцеплены за спиной, подбородок чуть опущен.

Зачем... Зачем он сказал то, что сказал?

Ради него... Могла бы я что-то сделать ради него? Да я все что угодно бы сотворила: рай

из пустоты, новый сверкающий мир, населенный порхающими бабочками, — превратила бы все пески пустынь в золотую пыль! Ради него я бы шагнула не то что в пропасть — в пасть акуле бы шагнула: выдернула бы той все зубы и преподнесла в качестве подарка.

Я бы... Я бы...

В груди теснило от чувств. Неужели он, правда, это сказал? Но зачем? Неужели ему важно, на что именно я пошла бы ради него, или же это всего лишь один из методов достижения цели? Мотивация нерадивой ученицы, неспособной выполнить задание самостоятельно?

Я почувствовала себя ранимой и уязвленной.

Не нужно забываться. Дрейк — это Дрейк, он никогда ничего не делает просто так, всегда находит кратчайший путь к цели, а его цель — сделать так, чтобы я перешла эту яму. Любыми средствами. И ведь нашел же правильные слова, самое слабое место и, не задумываясь, послал туда ядерную ракету.

Браво, Начальник! Сработало.

Фонтан радости опал, сменившись струями щемящей грусти.

Стоя у края ямы, я чувствовала себя полностью обнаженной. Не физически, но душевно. С меня будто содрали все заслоны, оголили все тайны и теперь нагло и с интересом разглядывали нутро.

«Смотрите, какая Бернарда интересная внутри! А это у нее что? Любовь? О! Так ее можно великолепно использовать!...»

Мда-а-а. Наверное, и так бывает.

Заставила себя посмотреть на стоящего напротив мужчину.

— Это нечестно, Дрейк. Нечестно... понимаешь?

Казалось, что сердце, до того момента сиявшее золотым, вдруг начало сочиться красным — болью. Нет, у меня не было обиды на Начальника. Я не злилась и не сетовала, я просто обнажила себя и теперь никак не могла вернуть на место защитную заслонку.

Грустно улыбнулась, покачала головой, упрекая саму себя. Надо же было так расчувствоваться...

— Не делай так больше, ладно? — попросила тихо. А потом раскрылась до конца: — Я на все пойду ради тебя, Дрейк. Ты просто знай это, хорошо? Знай и никогда не сомневайся. Только, пожалуйста, не используй мое сердце в качестве слабого места, чтобы заставить усвоить урок. Не надо. Это больно. Правда, очень больно.

Как скверно на душе. Хотелось развернуться уйти, спрятаться, закрыться. Но как спрятаться от внутреннего светильника, который из золотого превратился в темно-бордовый, в ноющий сгусток боли? А ведь всего-то одна фраза прозвучала. Зато какая! Надо отдать ему должное: Дрейк всегда умел находить слова. Как жестоко...

— Дрейк, может быть, я не та женщина, которая тебе нужна, и, возможно, я никогда не смогу тебя коснуться, но единственное чего я всегда хотела — это того, чтобы ты был счастлив. Пусть я не умею этого делать или ты считаешь меня недостойной, но я — человек, и у меня есть чувства. Они все для тебя и ради тебя. Пожалуйста, не издевайся над ними...

— Ди.

Это слово прозвучало отдельно, само по себе. Но я точно поняла, что это сокращение от моего имени, и затихла. По сердцу прошла дрожь. Как интимно, как красиво... Жаль, что он никогда раньше меня так не называл. Ради одного этого можно было перескочить эту чертову яму, просто, чтобы услышать его еще раз.

— Посмотри на меня.

Как больно и сладко. Я чувствовала, что лечу бабочкой на огонь. Меня разрежут, разделают, а я буду тонуть в любви умирая. Но посмотреть в его глаза еще раз — что может быть слаще? И я посмотрела. Темнота, пропасть между нами — ничто не мешало мне увидеть того странного выражения, что застыло в них.

— Иди ко мне, — тихо сказал Дрейк.

Я мотнула головой, чувствуя собственные ватные ноги. Бред... Нет... Зачем он говорит таким голосом? Хочет добить изнутри?

— Не надо, Дрейк. Если ради задания...

— Нет.

Еще одна стрела в цель. Я же умру.

— На той стороне ты сделаешь вид, что ничего не было...

— Иди ко мне.

Я нервно рассмеялась.

— Ты — Начальник или ты — Мужчина? Кто ждет меня там?

Я осеклась. Таких глаз, какие были сейчас, я не видела у Начальника никогда до этого: в них застыла гремучая смесь — плавленная нежность, ожидание, желание и частичка боли. И это стало мне лучшим ответом, нежели тысяча слов.

Он ждал. Он любил. В эту секунду я могла бы поклясться в этом.

Господи-Господи-Господи...

Пусть он будет моим всего лишь на секунду, но эта секунда стоила всей жизни, стоила того, чтобы дойти. И я решилась.

Шаг... Другой... Мне стало все равно, что под ногами. Я знала только одно: дойду. Дойду и коснусь его, чего бы это впоследствии ни стоило. Шаг... Твердая ли почва под ногами или ее уже нет — какая разница. Его глаза плавили, тянули, жгли насквозь — все остальное перестало существовать. Я иду к тебе... Иду. Только продолжай так смотреть. Желательно всю жизнь...

* * *

Если бы в его жизни существовало такое понятие, как «семейные вечера», то на одном из них Дрейк обязательно рассказал бы друзьям, что все произошло именно тогда. Рассказал бы, как он смотрел на Бернарду, ступающую по воздуху, как она мягко светила в темноте, не замечая того, что под ее ногами пятиметровый провал, как она шла ему навстречу, не отрывая глаз; и не было для нее ничего важнее, чем дойти к нему.

Эта секунда отпечаталась в его голове на всю оставшуюся жизнь.

Потому что именно в эту секунду Дрейк полноправно признал, что потерял для общества. Что влюблен. Безвозвратно и навсегда.

* * *

Где кончилась яма? И начиналась ли она?

Кроссовки бесшумно ступали по твердому полу. Еще никогда я не была к нему так

близко. Близко не к телу, близко в его душе, близко к Нему...

Я подошла почти вплотную. Впервые позволила себе полюбоваться им открыто, по-настоящему, как Женщина любит Мужчину. Какие крепкие плечи, какая мощь, взгляд, плавающий в пыль. Аромат знакомого парфюма и ощутимый лишь порами кожи запах Силы, скрытой агрессии, властности. Женская суть проседала перед ним, растекалась, каждый раз неизменно желая покориться. А этот взгляд, прожигающий насквозь...

— Я пришла, — тихо прошептала.

И всего несколько сантиметров между телами. Воздух искрило от страсти, от едва сдерживаемого желания коснуться. Провела носом возле его щеки, втягивая аромат кожи, чувствуя, как утекают остатки самообладания. Крохотные волоски снова встали дыбом, предостерегая от более тесного контакта. А губы так близко... те самые, мужские, желанные...

— Не делай этого... — хрипло прошептал Дрейк.

— Я стараюсь. Очень стараюсь...

Так близко. Такие сладкие, лишаящие воли.

— Однажды я подомну под себя каждую твою клетку...

— Все, что захочешь, милый...

— Не заставляй меня делать шаг назад сейчас.

— А ты не делай.

Он не сделал. А я двинулась навстречу. Миллиметры, разделявшие нас, исчезли. Я коснулась его губ первой, а через секунду уже его губы накрыли мои. Нежные и одновременно жесткие, требовательные и сладкие... Как я мечтала об этом мгновенье! Об этом вкусе, об этом запахе, об этом мужчине. Мои руки обвились вокруг шеи поверх серебристой формы, пальцы зарылись в короткие волосы на затылке, которые я так часто рассматривала во время лекций, тело стало единым пульсирующим органом, желающим принять в себя мужчину целиком, а душа поняла, что пропала навсегда без права на возвращение.

Нежный и жесткий, приказывающий сдаться и одновременно переполненный любовью — вот таким был этот поцелуй. Таким он запомнился мне за те несколько секунд, которые предшествовали появлению и нарастанию во всем теле невероятно сильной боли, через мгновенье схлопнувшей сознание черной вспышкой.

* * *

Она лежала на полу, а Дрейк не мог, не смел взять ее на руки, чтобы телепортировать домой. Дурак! Идиот!.. Что он наделал? Поддался страсти, не остановился вовремя, а теперь он — самый сильный и могущественный человек на Уровнях (даже не мог собственноручно ей помочь) — боялся, что еще одно прикосновение убьет ее.

Точно идиот!

В чувствах царил полный сумбур: пьянящее счастье от осознания любви, злость на себя за допущение подобного, радость(!) от допущения подобного, смущение, волнение за состояние Ди и член, бейсбольной битой распирающий штаны.

Едва не рыча на себя от раздражения за то, что забыл, что значит «думать», Дрейк опустил на колени, одновременно создавая на руках серебристые перчатки, после чего

осторожно поднял Бернарду с пола, прижав к своей груди.

— Все будет хорошо, девочка, обещаю.

Этим вечером Клэр созерцала странную картину.

Мужчина в серебристой одежде, держащий на руках Дину в бессознательном состоянии, появился из воздуха прямо посреди гостиной, спросил, где находится спальня, и скрылся в ней. Не успела Клэр последовать за ним, как тот уже вышел, сказал «дать ей выспаться, не кантовать», — после чего так же неожиданно, и не прощаясь, растворился в воздухе.

После причуд Смешариков ее уже мало что удивляло, и какое-то время повариха просто задумчиво кусала губы.

Если сказал «дать выспаться», значит, ничего серьезного не случилось. Вряд ли она ранена.

И кем был этот мужчина с жестким лицом? Уж не тем ли самым, о ком Дина рассказывала накануне? Если так, то ох и ах, какие страсти ждут этих двоих, уж Клэр-то знала: интуиция никогда ее не обманывала.

А еще это странное выражение лица? Будто смущенное?

Все эти глубокомыслия выпали из головы Клэр, стоило увидеть, что Смешарики опять устроили балаган перед телевизором.

— Ану-ка брысь, негодники! Что это за бомба с фитилем, сейчас быстро в окно выкину! И зачем превращаться в жирную курицу прямо на ковре? Фу, гадость какая... Ну-ка хватит!

Клэр сделала вид, что собирается стянуть с ноги тапок, чтобы запустить им в Смешариков, — и те с хохотом, как делали уже не раз, раскатились в стороны.

* * *

Просыпаться можно по-разному. Под нежное щебетание птиц и ласку солнечных лучей, под перестук дождевых капель по палаточному тенту, под звон будильника или льющуюся из радиоприемника мелодию, а можно — как я — в полнейшем балагане.

Тело было будто разбито, разобрано на части и склеено в произвольном порядке: веки не желали разлепиться, в глазах песок, в висках ломота, сухость во рту и боль во всех конечностях. Такого я не испытывала даже с самых жестких похмелий, коих в моей жизни было три или четыре. Хотелось либо снова провалиться в спасительную тьму, либо сразу умереть, чтобы не мучиться. Но чья-то настойчивая тряска за плечо сделала свое дело — включила мыслительный процесс, который теперь не стыковался ни с двигательным, ни со зрительным, ни со слуховым.

Вокруг, судя по всему, царил хаос. Но в чем он заключался, разобраться не получалось. Открытые глаза не принесли желаемого информативного результата: собственная спальня растекалась на пятна и неясные очертания, стены плавали.

Я, застонав, потрясла головой.

Кто-то что-то шептал и причитал, кто-то шипел, в отдалении скрипел кухонный пол на первом этаже, откуда-то снизу раздался грохот, затем ругань незнакомого мужского голоса.

Что, черт, происходит в моем доме?

Не успела я сесть на постели, как ко мне, будто белесое долговязое привидение, подлетела одетая в ночную сорочку Клэр.

— Дина, наконец-то, ты проснулась! Я тебя добудиться не могла... А тут такое!..

Клэр? В моей спальне? Часы на стене показывали половину третьего утра, дом погружен во мрак. Приоткрытая дверь залеплена желтой полицейской лентой с надписью «Не входить», а перед ней — багрово-красный дорожный знак на металлической ножке с надписью «Стоп». Настоящий дорожный знак?! С бетонной круглой подставкой на полу? У меня в комнате?!

Я несколько раз моргнула и потерла ладонью слезящиеся глаза, пытаюсь избавиться от наваждения. Знак не пропал.

— Что это такое? — даже не прохрипела, прокаркала.

— Это Смешарики из комнаты не выпускают! — взволнованно зашептала растрепанная Клэр. — Не дают выйти, шипят... а мне Ганьку надо найти...

Я сжала стучащие болью виски ладонями, несколько секунд покачалась на кровати взад-вперед — боль чуть стихла. Мир никак не желал принимать прежние очертания. Черт бы подрал этот поцелуй накануне — шикарный, фантастический, умопомрачительный, но, судя по всему, дорого обошедшийся мне в виде болезненных последствий. Кто бы знал, что так вот расплющит... Но все равно было сладко, о да! Сладко было... По телу прошел нежный отголосок ощущений, полученных накануне. Прикосновение к Дрейку стоило всего, даже нынешних полночных мучений.

Несмотря на боль, улыбнулась, параллельно пытаюсь разобраться, что именно происходит в изрезанной светом уличных фонарей темной спальне.

И все-таки, что Клэр делает в моей комнате? И почему дверь стерегут Смешарики? Повернулась к растрепанной подруге, кое-как прочистила горло:

— Давай по порядку. Что вообще происходит?

Повариха заломила худые руки и, наклонившись ко мне, принялась сбивчиво шептать:

— Смешарики! Они разбудили меня, запрыгнули прямо на кровать, сказали: «Ди к Ди!». Я сначала не поняла, даже напугалась, ведь они ко мне ночью не закатываются, такое в первый раз случилось. «Ди, — говорят, — ропись, к Ди...» Это я потом уже поняла: «Иди к Дине, торопись». А пока наверх пробиралась, услышала, как в дверном замке кто-то ковыряется снаружи, а видеть — никого не видно. Они все «ропись» и «ропись». Я к тебе и побежала. А когда добежала, там уже в коридор кто-то заходил! Дина, у нас что, грабители? Что же делать, а там ведь Ганька осталась... Вдруг ее..?

Закончить, что могло бы случиться с Ганькой, Клэр не смогла. Снова зашипели Смешарики, призывая к тишине.

— Тс-с-с-с!.. — раздалось от двери.

Я снова посмотрела на полицейскую ленту, обтягивающую выход. Ну и фантазия... Фильмов надо было меньше смотреть. На пороге сидело три пушистика. Где были остальные, оставалось загадкой. С первого этажа продолжали доноситься звуки непонятного происхождения.

Страх и адреналин быстро прочистили голову от остатков слабости, призывая приступить к срочным действиям по спасению собственных шкур. Какие приоритеты, что делать? В голове быстро прорисовался план — забрать Клэр и кошек в безопасное место, затем сообщить Начальнику о проникновении в дом. Смешарики — удивительные создания — судя по всему, пытались помочь, приостановить грабителей у входа в спальню. Кто бы знал, что эти милахи способны решиться на такое? Обычно безобидные, любящие поиграть и подурачиться, а тут встали на пороге, как настоящие защитники...

Стоило мне приблизиться к знаку, как тот отчетливо полыхнул красным светом.

— Не-е-е! — авторитетно заявил один из Пушистиков, серьезно глядя на меня золотистыми глазами.

— Да я и не пытаюсь выйти, — присела на колени перед мохнатым сторожем, сморщилась от боли в коленях. — Клэр права: нужна Ганька...

Миша (это показал предварительный осмотр комнаты), как всегда, находился на моей кровати, избавив от потенциальных волнений.

— Узе, — кивнул Смешарик и посмотрел на дверь.

Мы тоже посмотрели на заклеенную желтой лентой приоткрытую дверь. Несколько секунд было тихо, затем раздался странный царапающий звук, а потом в проем на скорости въехал один из пушистиков, держащий во рту веревочку с привязанной к концу игрушечной мышкой. Следом за мышкой на всех парах, портя ковровое покрытие острыми когтями и расщеперив рыжие лапы, влетела Ганька. Стоило ей оказаться в пределах спальни, как веревочка тут же обратилась недовольным Смешариком.

— Анька! — бросил он, покосившись на кошку, и тут же выкатился из комнаты. Разочарованная отсутствием игрушки Ганька тут же была подхвачена на руки благодарной Клэр.

— Ах ты рыжая! Негодница моя, напугала до смерти...

— Т-с-с-с.... — снова раздалось от двери.

В гостиной первого этажа что-то грохнуло. Судя по всему не только упало на пол, но и разбилось. Дальше вскрик боли, чей-то шепот, стон... Значит, грабитель не один. Дела совсем плохи, пора уходить как можно скорее.

Кусая губы от боли во всем теле, я принялась носиться по комнате в поисках одежды. Ни к чему повторять прежний опыт и прыгать в гости голышом. Да и к кому в гости? Это нужно было срочно решать... К Халку? К Стивену? К Баалу домой или к Дэйну в штаб? Да хоть ко входу в Реактор: везде сейчас безопаснее, чем здесь. Сколько еще Смешарики смогут держать оборону? А как защищаться, если грабители прорвутся сквозь их кордон, ведь ни навыков самообороны, ни оружия?

Кофта, джинсы... черт, Клэр в одной ночнушке: на улицу прыгать нельзя — замерзнем и растеряем котов.

В коридоре раздался чей-то болезненный крик, глухой стук падения на пол и протяжный вой. Что там происходит? И откуда позвякивание металла? Снова что-то разбилось, на этот раз на кухне.

Схватив в охапку Михайло, я подбежала к Клэр с Ганькой, схватила за ее руку и закрыла глаза. Вперед! Пусть будет Халк...

Закрыла, попыталась представить его гостиную и... не смогла.

Попробовала еще раз — в голове тихо и пусто. Ни картинок, ни ощущения телепортации. В чем дело?! Зажмурилась сильнее — ну! Давай же! К Халку! Захотела этого от всей души, попыталась вызвать в памяти детали, но... через несколько секунд со вздохом открыла глаза у себя в спальне.

В груди родилась паника.

Что-то не работало, мои способности перестали действовать. При попытках что-то представить, механизм, отвечающий за прыжок, не отзывался. Так человек пытается завести машину, двигатель которой разобран, а провода разбросаны по всему гаражу.

Не стыкуется, не работает, искра не проходит!

Я в ужасе посмотрела на Клэр.

— Что? — взволновано спросила она.

— Я попыталась нас перенести отсюда... и не смогла. Не смогла, Клэр... Со мной что-то случилось...

Несколько секунд в комнате царила гнетущая тишина, прерываемая нашим неровным дыханием. Ганька болталась на локте у Клэр, как сосиска, посверкивая в темноте удивленными зелеными глазами.

— Попробуй еще раз!

Я попробовала. Снова попыталась представить гостиную Халка, потом его самого... потом штаб Дэйна. В голове тишина, как и прежде.

На долю секунды мозг парализовала ядовитая стрела страха, перед глазами промелькнул наихудший сценарий: а что, если дар пропал насовсем? Что, если я больше никогда не смогу перемещаться, стану бесполезной для Дрейка и отряда, жалкой, ненужной, ничтожной, собирающей сочувственные улыбки товарищей, мол, не судьба... Буду проводить часы в бесполезных попытках вернуть способности, в отчаянии смотреть в погрузневшие глаза Начальника и знать, что даже мир, когда-то бывший родным, вдруг стал теперь недоступным для меня? Никогда больше не увижу маму и родной город, не смогу вдохнуть выхлопов советских автомобилей, не обниму старенькую бабушку, не пройду по улице, что прилегает к дому? А вечерами буду сидеть с бутылкой пойла, как Баал, и делать зарисовки знакомых мест по памяти, чтобы почувствовать хоть какую-то принадлежность к прошлому. Через какое-то время потеряю зарплату, особняк, уйду на съемную квартиру в трущобах, найду работу полумойкой и буду думать лишь о том, как бы наскрести денег хотя бы на Мишину еду...

На глаза навернулись слезы.

«Отставить панику! Нашла время, тоже мне...»

— Не могу! — в отчаянии посмотрела на Клэр. — Я вчера впервые коснулась Дрейка, а теперь все болит и телепортация больше не работает!

— Так это он тебя принес домой? А я еще думаю: что за мужчина... Он сказал не будить тебя, дать отдохнуть. Если бы ты выпалась, то, наверное, все было бы хорошо...

— Я и сигнал о помощи из головы послать не могу! — едва не взвыла от досады я.

Снизу снова раздался звук непонятного происхождения и леденящий душу истощный крик, от которого у всех обитателей комнаты волосы встали дыбом.

— Что... ч-что там т-творится? — после паузы, заикаясь, спросила Клэр.

— Телефон! — вдруг сообразила я, стараясь выбросить из головы всплывший кошмар. — Клэр, нужно найти телефон, позвонить Дрейку....

И мы вдвоем кинулись искать злополучную телефонную трубку.

* * *

Джо никогда не боялся. Чувство страха вообще не было присуще ему. Возможно, когда-то давно... Настолько давно, что он благополучно забыл об этом.

Джо радовался, когда хватало денег на выпивку, раздражался, когда заканчивались сигареты, испытывал удовлетворение, когда кто-то падал замертво с аккуратной дырочкой во лбу, сделанной его Магнумом, чувствовал экстаз, когда удавалось найти шлюху без

претензий на его чистоплотность, способную качественно отсосать в подсобке бара «Кривой нож», ликовал, когда мог торговать у Рида патроны за полцены, злился оттого, что не мог поселиться на верхних Уровнях и ненавидел, когда кто-то пердел в помещении.

Но Джо никогда никого не боялся. Ни Бога, ни Черта, ни Андэра, ни Комиссию, ни самого себя.

И только сегодня он впервые за долгое время вспомнил, что значит это поганое чувство.

Хуже того — он в полной мере прочувствовал ползущий по спине липкий, холодный, карабкающийся по позвоночнику страх.

Теперь, когда одна ступня была проткнута чем-то острым и нещадно ныла, выливая в ботинок теплую кровь, когда глаза выхватывали из темноты непонятные движущиеся тени в углах, когда его друг поскользнулся на чем-то жирном и спиной упал на металлические колья, через секунду растворившиеся прямо на его глазах, — Джо хорошо, даже очень хорошо вспомнил, что значит бояться.

Кровь Марти была настоящей. Шипы — черт их знает, а вот кровь — да.

Джо сам проверил: Марти был мертв, мертвее не бывает. И хотя он плохо видел само тело, лежащее на полу, — оно просвечивало и мерцало, дыры в нем, однако, различались до дурноты хорошо. Много дыр, не меньше двух дюжин, и целое море тошнотворной голубоватого оттенка крови.

Боже, он и сам принял дозу этого изоморфа полтора часа назад. Неужели и в его венах теперь текла подобная гадость?

Пальцы левой руки до боли сжали рукоять знакомого ножа, а правой — теплый металл пистолета. Но страх не уходил, а только нарастал. Казалось, оружие не добавляет защиты, а лишь сильнее подчеркивает беспомощность.

Что-то в этом доме было не так.

Здесь были ловушки. Черные глаза стоящего посреди темной комнаты настороженно скользили по очертаниям мебели, выискивая зловещие признаки чужого присутствия, но внимание постоянно отвлекал ноющий бок: его кололо с тех пор, как Джо попытался увернуться от летящей прямо в грудь арбалетной стрелы. Увернуться-то увернулся, вот только сделал это так резко, что нерв под ребром защемило.

Чертовы ловушки... Совсем не те, которые можно предсказать и обойти, а какие-то иные — чужеродные. И еще эти тени...

Поначалу Джо решил, что сыворотка Ирэны в качестве побочного эффекта вызывает и галлюцинации. Он даже предвидел подобное: шутка ли, на два часа превратить тело в невидимое? Сколько процессов должно задействоваться в организме, и какие-то из них просто не могли не влиять на мозги, ведь так? Побочные эффекты или нет, а невидимость с изоморфа наступала — многократно проверено и подтверждено лабораторными опытами. Но тогда откуда — именно этот вопрос беспокоил Джо больше всего — откуда арбалетчик знал, куда стрелять? И как вообще здесь оказался арбалетчик? А если же это механическая ловушка, то на что сработала?

Да, Андэр сказал «телепортер». Сказал действовать тихо, потому что если почует опасность — ускользнет. Да, Андэр обещал прилично заплатить за труп, обещал, что все пройдет гладко. Но Андэр ничего не говорил о каких-то тварях, в изобилии обитающих в этом доме!!! Именно они пугали Джо сильнее всего. Способный справиться с несколькими противниками одновременно, отразить едва ли ни любую молниеносную атаку (не первый десяток лет работы киллера за плечами), он ненавидел прилипшее к нему сейчас чувство

страха и беспомощности.

Если бы это были люди — любые люди — он бы не боялся. Но в этом доме, помимо девчонки, чей голос иногда слышался из спальни наверху, было... обитало... что-то еще. Нет, не домашние животные: тех бы Джо быстро вычислил и пристрелил в два счета — но что-то другое. Живое, агрессивное, злобное и... чужое.

Знать бы, куда подевался Рик... Возможно, им не стоило разделяться, чтобы ускорить поиски, но действие сыворотки вскоре должно было закончиться, поэтому пришлось разойтись.

Похоже, они просчитались. Интуиция подсказывала Джо, что Рик, скорее всего, последовал за Марти (проще говоря, откинул копыта). А виной всему эти мелькающие по полу твари, из-за которых он, парализованный страхом, вот уже несколько минут, как боящийся пройти по темному коридору к туалету пацан, не мог сделать и шагу.

К черту. К черту страх! Выполнить работу и скорее домой — в бар, к старому музыкальному автомату у стены возле дартса, к поганому по качеству, но приносящему желанное забытие портвейну и висящему пологом дымом... А потом засадить рыжей Марте по самые гланды...

Мысли о привычном помогли стряхнуть оцепенение.

Вглядываясь в темные углы и вслушиваясь в звуки, Джо медленно зашагал из гостиной к лестнице на второй этаж. Девка там... Несмотря на шум, устроенный его коллегами внизу, почему-то еще не сбежала, как предупреждал Андэр. От страха приросла к месту? Тем лучше. Пристрелить и смыться.

Темнота выедала глаза. Темнота, такая дружелюбная к Джо в другие дни, теперь угнетала, мешала, препятствовала движению.

Еще два шага — лестница впереди. Он занес ногу, чтобы поставить ее на ступеньку, взялся рукой за перила и тут же замер: пальцы приклеились к деревянной поверхности. В первую секунду не поверив ощущениям, Джо попытался отдернуть ладонь, но она будто намертво приросла в деревяшке. Что это — смола? Клей? Что за странный тошнотворный запах?

Не успел Джо дернуть еще раз, как сзади с шорохом что-то прокатилось. Сердце подпрыгнуло до самого горла: кто-то был за спиной, а он не мог даже развернуться. Нож приклеился к перилам вместе с ладонью, став полностью бесполезным, оставалось надеяться на пистолет. Рванув руку со всей дури (кого заботит кусок кожи, если на карте жизнь?), Джо взвыл от боли и попытался рвануть вверх по ступеням, но при следующем шаге упал, потому что в темноте на лодыжке с лязгом что-то захлопнулось.

Озверев от боли и издав рев, сотрясший стены всего дома, Джо пытался освободиться от прокусившего ткани до самой кости металла (Медвежий капкан? Мать его! Что на лестнице делает медвежий капкан?!..), когда увидел *их*.

Даже боль ушла.

Ушло все, включая реальность.

Джо, распахнув в темноте глаза, смотрел на неторопливо окруживших его в темноте глазастых тварей, собирающихся в группы впереди и позади рухнувшего на пол тела.

Много. Тварей было слишком много. Их глаза отсвечивали красным, а зубастые рты беззвучно щерились и скалились, предвкушая конечную расправу.

Ладонь с болтающимся куском кожи пульсировала, бок саднило так, что вдохнуть и выдохнуть без хрипа не получалось, на ноге болтался чудовищный агрегат, способный

переломить кости не то что человеку — слону! Но хуже всего были *они*, собирающиеся в довершок еще и поужинать им же.

Умереть от пули? Да. От ножа? Тоже ничего... Но быть съеденным заживо ночью в чьем-то доме? Такого кошмара Джо не стал бы желать даже злейшим врагам, а посему, подняв пистолет, истошно заорал, расстреливая обойму туда, где, как ему казалось, тварей было больше всего.

* * *

Джон Сиблинг внимательно следил за работой группы экспертов в масках, работающих у стены, время от времени окидывая взглядом гостиную: кровь на лестнице и ковровых покрытиях, плавающие в воздухе остатки чужеродной энергии, пулевые отверстия в стенах, разбитая у двери ваза, покрытые липкой бурой субстанцией перила и в довершении всего — три мужских тела. Одно — мертвое, два — почти.

В целом, дом выглядел устрашающе, словно после неудачного празднования Хэллоуина, где костюмированный маскарад плавно перешел в пирушку маньяков, закончившуюся расстрелом всего, что можно было расстрелять. Использование пуль было понятно. Непонятными оказались множественные ранения на найденных телах — порезы, ожоги, рваные раны, многочисленные проколы и отверстия такой величины, что сквозь них можно было увидеть даже пол, не говоря уже о внутреннем строении человеческих органов. Особенно четко они просматривались у того бедолаги, которого пять минут назад убрали с кухни. Двоих других, еще дышавших, отправили в здание Комиссии на дознание. У одного обнаружили чудовищные раны на ноге и руках (конечности будто хорошенько прожевала акула), второй, по-видимому добравшийся до верхнего этажа по дальней лестнице, (сам или с чьей-то помощью) замысловатым образом свалился обратно на первый, при этом сломав колено, повредив спину и получив сотрясение.

Наблюдая за слаженными действиями специалистов по уборке помещения, Сиблинг удрученно покачал головой. О чем думал Дрейк, оставляя жить существ, способных нанести подобный вред? Чужеродная энергия, способная трансформироваться по мгновению ока в самую непредсказуемую форму, — это ведь не собачка и не кошечка. Даже не пятиметровый питон, страдающий непроходящим голодом. Фурии — чужие человекообразным существа. Фурии — сложный высокоинтеллектуальный организм, обладающий коллективным разумом и знаниями по трансформированию материи. Но если Начальник решил, что риск оправдан, значит, не ему, Джону, с ним спорить. За долгие годы работы Сиблинг убедился в одном: Дрейк способен предсказывать и прогнозировать не только развитие сложнейших событий, но и проектировать психотипы поведения чужих в нетривиальных ситуациях. Сказал оставить Фурий Бернарде — значит, так и стоило сделать, даже если теперь стены украшали замысловатой формы бурые кровавые разводы.

Люди в масках осторожно снимали образцы тканей со стен, шедшие следом уборщики тут же экстерминировали следы. Изучался фон комнат, воссоздавалась полная картина произошедшего, сканировались поверхности предметов, способных хранить информацию. Скоро случившееся здесь за последние несколько часов можно будет воспроизвести в голографическом режиме, в объеме и со звуком.

Джон не мог не признать: ему было любопытно взглянуть на эту картину. Невероятно

интересно будет увидеть Фурий в действии. Однако он так же был рад, что в эту самую секунду монстры, учудившее в доме кровавую битву а-ля «съедем-зарежем-расчленим», оставались вне пределов его видимости. Все-таки неприятно рядом иметь врага, способного удивить тебя. Причем, удивить в самом неприятном смысле этого слова.

Если сначала из комнаты нас не выпускали Смешарики, то теперь это делал Дрейк, объяснив все тем, что Комиссии необходимо собрать как можно больше следов с места происшествия. Само место, то есть коридор и гостиную первого этажа, нам увидеть не позволяли.

— Не стоит, — сухо обронил Начальник, — зрелище вам не понравится.

— А что же там произошло? — одной рукой Клэр удерживала непоседливую Ганьку, а второй тербила ночнушку. Я улыбнулась, подумав о том, что подруга осмелела настолько, чтобы начать раскрывать рот в присутствии человека в форме. Каких-то пару месяцев назад она бы в обморок упала от одной только мысли об этом.

— Присядьте.

Последовав указанию, мы притихли, усевшись на кровать, сам Дрейк расположился на стуле у шкафа. Было совершенно непривычно видеть его в собственной спальне. Начало четвертого утра; снизу доносился шум и голоса экспертной группы; в комнате тишина, поскрипывание серебристой ткани и наше дыхание.

— Я хочу вам немного рассказать о существах, которых вы приютили в своем доме. Тех, кого вы зовете Смешариками... Вообще-то они зовутся Фуриями, — сказал Начальник, изучая наши лица. — Интересно послушать?

Мы одновременно кивнули. До того, как начался рассказ, я успела подумать о том, что виновников «торжества» — то есть тех, о ком собиралась пойти речь, — почему-то нигде не было видно.

Значит, Фурии.

Оказывается, это существа из какого-то давно переставшего существовать мира — сложные, опасные (кто бы знал), наделенные способностями видоизменяться, взращенные людьми Комиссии в лаборатории из ДНК. А мы-то думали: глазастые беззубые пушистики, обожающие на завтрак ягоды и ананас. Почти что тряпичные игрушки. Мда-а-а.

Когда Начальник закончил повествование, какое-то время в комнате было тихо. Стихли и звуки внизу, хлопнула входная дверь, кто-то ушел. Наверное, группа закончила свою работу.

— Если вы больше не хотите соседствовать в доме с экс-Смешариками, я заберу их и передам в лабораторию для уничтожения.

— Нет! — воскликнула Клэр и тут же пристыжено замолчала. Добавила уже тише: — Не стоит... мы... мы к ним привыкли.

Я кивнула.

— Пусть они опасны для врагов, но ведь ты сам сказал: если выбирают друзей, то стоят за них горой. А мы — одна семья. Я не могу отобрать у них дом. Да и... мы их любим. Честно.

— Поэтому я и разрешил оставить их. Был уверен, что в случае опасности, они смогут о вас позаботиться. Так и вышло.

Он мягко улыбнулся: то ли довольный тем, что в очередной раз не ошибся, то ли пытаясь подбодрить нас, измотанных ночным нападением.

— Я рад, что они оставили двоих в живых. Теперь мы точно узнаем, кто стоял за покушением на Халка, Дэллу и тебя. А также выясним, что за препарат находится у них в крови. Очень интересный, судя по всему, по составу. Подобная невидимость смогла бы обмануть глаза человека, но не глаза Фурий.

«Тех вообще сложно чем-либо обмануть», — казалось, хотел добавить Начальник, но промолчал, задумчиво постукивая пальцами по плечу.

В этот момент он снова был таким далеким, но в то же время близким... родным. Те же русые волосы, в которые вчера на секунду зарылись мои пальцы, знакомая упрямая линия подбородка, сжатые практически в линию губы, спокойные серо-голубые глаза и расслабленные руки. Интересно, будь мы ближе, будь мы вдвоем — о чем бы он сказал сейчас?

«Знаешь, Ди, они меня удивили. Никогда не видел, как именно Фурии реагируют на врагов, первый раз представился случай. Представляешь, что за интеллект кроется в их крошечных пушистых головах? Я вот когда-то читал, что...»

Мы, наверное, были бы на кухне. Спустились бы, чтобы ночью заварить чай или налить по бокалу вина, чтобы потом снова вернуться в постель. Он делился бы со мной мыслями, всегда, в каждый момент времени, был бы в моем распоряжении, спрашивал бы моего мнения, совета, просто ждал бы участия в диалогах...

Как приятно это все было бы. И как притягательно.

Чувствуя, что в груди снова начинает сиять и пульсировать световой шар, я смущенно потупилась на ковер, а когда подняла глаза, наши взгляды переплелись, как два тянущихся друг к другу жгута. Глубокие, долгие, проникающие под кожу, желающие узнать все, выпотрошить друг друга, слиться, взаимно желая большего, чем позволяли сложившиеся обстоятельства.

Не выдержав напора, я снова отвернулась и посмотрела на стену.

Клэр, будто почувствовав интимность момента, тихонько пробубнила, что ей срочно нужно в туалет, после чего выскользнула из спальни, оставив нас наедине.

Взгляд Дрейка, сидящего напротив, ласкал и в то же время давил. Будто Начальник в какой-то момент понял, что проиграл битву с самим собой, и теперь никак не мог решить, что с этим делать дальше и насколько серьезно в этом виновна я.

От серьезности в его глазах хотелось не то прикоснуться к его лицу и как-то утешить, не то самой забиться в раковину, чтобы успокоить разбушевавшиеся внутри чувства. Чтобы немного ослабить натяжение невидимой между нами нити, я спросила:

— Дрейк, я сегодня не смогла нас перенести. Когда слышала шум внизу, хотела забрать Клэр и котов и перенестись подальше отсюда, но не смогла. Ничего не сработало. И все тело очень болит...

— Это нормально, — утешил он. — Способности вернутся. Мы справимся.

«Справимся».

Это слово теплой волной растеклось от желудка до позвоночника. И непонятно, что мне в тот момент нравилось больше — «справимся» или «мы»?

Клэр решила, что ушла в самый раз. Этим двоим однозначно нужно было побыть вдвоем: искры, проскакивающие между ними, чувствовались на расстоянии. Извертевшаяся и начавшая царапаться Ганька наконец-то была выпущена из рук; звук босых ног поварихи поглощал плотный жесткий ворс ковра.

Пробираясь по темному коридору к туалету, Клэр думала о Дрейке — странном и загадочном Начальнике Дины, глубину глаз которого невозможно было постичь. Кинешь взгляд — вроде бы обычный человек, попытаешься присмотреться внимательнее — тоже обычный. Только почему-то оставалось постоянно ускользающее ощущение, что нет в нем ничего от обычности. Или от человека. Интересно, все в Комиссии такие странные? Теперь не узнать: остальные уже ушли.

Незнакомый запах раздражал, напоминая об ограблении. Неприятный запах, химический, едкий. Клэр отчего-то хотелось назвать его «стерильным». Плавая в воздухе, он портил привычный уклад, вызывая досаду у консервативного ума. Все должно быть привычным, все должно быть на своих местах — таким был главный закон немного чопорной, любящей во всем порядок мисс Мэтьюз.

Никогда до того не имевшая дома, Клэр высоко ценила новую жизнь и вложила много сил в формирование ее нынешнего уклада. Продукты, завтраки, обеды, ужины, во всем чистота и порядок. Она сделала эту жизнь ровной, стабильной, размеренной, она сделала ее «правильной». А этот новый запах был неправильным, и потому почти физически причинял экономке дискомфорт. Скорее бы он выветрился, что ли...

Сходив в туалет, в который мечтала попасть последние минут двадцать, Клэр вернулась в полутемный коридор и осмотрелась. Из головы не шли Смешарики.

Где же они сейчас? Пусть этот Дрейк назвал их Фуриями, но ведь они как маленькие! Совсем не воинственные на самом деле — им бы только поиграть. Кому, как ни Клэр, знать это? Кто еще проводил с ними столько времени, сколько она? А как пытались защитить? Как храбро сражались с грабителями, защищая домочадцев в комнате! Куда же они все подевались?..

Обеспокоенная непривычной тишиной и морщась от мерзкого аромата не то очистителя стен, не то проявляющего отпечатки пальцев раствора (в фильмах-то все показывали), Клэр принялась методично обыскивать комнаты, заглядывая за двери, под диваны, комоды и шкафы. Дополнительных картин нигде не было, подсвечников тоже, никто не смеялся и не хохотал, путаясь под ногами, никто не катался по полу. Почему же так тихо?

Закончив осмотр третьей по счету спальни и не найдя ни одного Глазастика, Клэр не на шутку обеспокоилась. Где же они — ее любимые пушистики, за последние недели ставшие родными? Раньше бы Клэр не задумываясь ответила, что, несмотря на миролюбивость, взялась бы за пистолет, если бы кто-то посмел обидеть шаловливую рыжую Ганьку, а теперь вот, наверное, то же самое могла бы сделать за Смешариков. Они были ее укладом, ее правильностью и привычностью, а привычность была тем, за что Клэр боролась сильнее всего. Не нужно пустых комнат, не нужно тишины, не дай Господь придется снова привыкать к чему-то новому — никаких изменений произойти не должно. С утра будет завтрак из ананасов, будет гвалт и забавные отрывки слогов, будет куча глаз, ожидающих после ананаса порцию ягод. Все будет, как было. Вот только бы найти этих негодников...

Клэр устало поднялась с коленей и положила руку на заправленную кровать гостевой спальни. Тихо и темно вокруг.

Чувствуя, что начинает паниковать, она тихонько позвала:

— Смешарики, ну, где же вы?... я вас уже полчаса ищу! Покажитесь...

Она нашла их под лестницей: услышала тихое и жалобное «...моги», которое даже не сразу сумела идентифицировать в слово. Лишь спустя несколько секунд со сжавшимся

сердцем осознала: «помоги». Они сказали «помоги».

Он стоял в дверях уже обутый, приложив к уху серебристую трубку телефона — сух и деловит, как всегда:

— Джон, систематизируй полученную информацию, возьми заключения из лаборатории и продолжай допрос. Я сейчас буду.

К этому времени Начальник успел подробно объяснить мне, какой эффект производит его прикосновение на клетки человеческого организма и что возвращение способностей можно ждать через день-два, как только нервная система отдохнет. Пока же посоветовал заняться чем-нибудь расслабляющим для ума и тела, ждать и не тропить события. Все уроки были отменены. Я видела, что Дрейку не терпится попасть обратно в Реактор: оказывается, этого нападения (а не ограбления, как поначалу думали мы с Клэр) в Комиссии ждали давно; им позарез нужна была новая информация, а так как они были уверены, что Фурии не выпустят врагов из дома, то с нетерпением ждали подобной ошибки врагов. Теперь в руках людей в серебристой форме, по всей видимости, были нужные нити, ведущие к организатору недавних преступлений.

Что ж, у Комиссии всегда все отлично просчитано.

И из-за этого я до сих пор не могла понять, стоит мне обижаться или нет?

С одной стороны, неприятно знать, что ты был наживкой. С другой — Дрейк (это было видно с его слов и поведения) никогда бы не стал рисковать понапрасну. Тем более мной. По его словам, все это время его люди ни на минуту не выпускали меня из поля зрения и среагировали на вторжение еще до того, как я нашла в спальне мобильник.

Выслушав это логичное заверение вкупе с отсутствием излишней эмоциональности в голосе, я подумала о том, что Дрейк идеально подошел бы на роль Шерлока Холмса в нашем мире. Великолепный ум и ноль соплей. Продюсеры бы передрались за такой ценный трофей. И если бы не настоящее беспокойство, перемешанное с трепетным теплом в глубине глаз Начальника, мне, как примерной «жене», пора было бы браться за скалку.

Наше прощание прервали тихие шаги по коридору — и на секунду я испытала разочарование: не могла Клэр подождать минутку? Но, разглядев в полумраке коридора ее заплаканное лицо, тут же забыла о собственной досаде. Еще ни разу за все то время, что Клэр жила в этом доме, я не видела ее слез. Всегда сдержанная, аккуратная, несколько сухая внешне, она напоминала строгую и терпеливую няньку для чужих непослушных чад, но в этот момент сама вызывала ассоциации с одним из них. Струящиеся влажные дорожки на щеках, растрепанные темные волосы, опухшие веки и закушенные губы. Подбородок ее дрожал, а в вытянутых вперед ладонях лежало что-то темное, влажное и шерстяное.

Я тут же подскочила к ней.

— Клэр, что это?

Борясь с рыданиями, она ответила:

— Дина, это Смешарики. Мертвые. Остальные там... под лестницей... сидят грустные, боятся выйти. Дина, эти люди убили пятерых!

И она разрыдалась в голос.

На душе вдруг стало тяжело. Неужели эти маленькие обездвиженные комки — наши Пушистики? Те самые, что так отважно стояли на страже этого дома? Глядя на темную шерсть и закрытые глаза (у одного был немного приоткрыт маленький беззубый рот), я почувствовала, что сейчас сама начну рыдать. Наши чудики... наши Смешарики, просившие у

телевизора «нанас». А теперь просто маленькие клочки, навсегда забывшие, как дышать. С кровью, с бурыми пятнами на боках, охладевшие внутри.

— Нет... — тихо прошептала я, — нет!

Молчавший до этого момента Дрейк произнес.

— Я распоряжусь в лаборатории, вам вырастят новых. Столько, сколько попросите.

Клэр зарыдала еще громче.

— Не на-а-а-адо новых! Мы хотим этих, на-а-а-ших, родных...

Все еще не веря своим глазам, я медленно протянула руку и прикоснулась к замершим комкам шерсти. Крохотные, беззащитные, пытавшиеся укрыть нас от пуль своими телами. Внутри начало подниматься негодование — неумолимый поток злости и гнева. Воздух вокруг вдруг пошел невидимыми волнами, темная часть меня начала открывать глаза, чтобы отыскать того, кто достоин мести.

— Ди, успокойся! — жестко приказал Дрейк, но я едва слышала его. Сердце налилось едкой горечью, медленно обращаясь в холодную ярость. — Успокойся, я сказал!

Получив невидимую пощечину по сознанию, я вздрогнула и очнулась. Злость схлынула: словно в сосуде, где она начала накапливаться, кто-то проделал дырочку.

— Тебе нельзя сейчас терять остатки энергии! Хочешь, чтобы способности ушли насовсем? Остынь!

Дрейк был предельно холоден, собран и зол.

Растерявшись от быстрой смены ощущений, я беспомощно переводила взгляд то на Начальника, то на мертвых Смешариков, чувствуя, как испаряющийся гнев затапливает новая волна отчаяния. Так не должно было быть... Не должно! Они ведь Фурии, они — наши. Они не могут просто взять и умереть, так нечестно! А я не умею лечить, не научилась...

Из моих глаз покатались слезы, в горле, не желая проглатываться, рыбной костью застыла обида на несправедливость жизни. В голове скользнула шальная, почти безнадежная мысль.

— Дрейк, ты ведь вылечил Мишу... Знаю, он тогда был живой, но ты ведь смог. Помоги им. Пожалуйста, помоги им!

— Ди...

— Да, пожалуйста, помогите! — присоединилась Клэр, всхлипывая. — Богом молю, если есть хотя бы шанс, помогите им... заклинаю...

Дрейк, поджав губы, неодобрительно смотрел на нас.

Вдруг из глубины темного коридора по полу в нашем направлении покатались маленькие тени. Один за другим из-под лестницы выехали Смешарики и сгрудились у ног Клэр, все, как один, опасливо глядя на Дрейка.

Мы с удивлением наблюдали за процессией из взъерошенных, грязных, сбившихся в одну тесную кучку существ.

Несколько секунд в коридоре было тихо. Потом один из глазастиков открыл рот и тоненьким тихим голосом, старательно напрягая связки, выговорил:

— Моги...

Несколько секунд царила тишина. Только куча глаз, напряженно уставившаяся на Дрейка в немой мольбе и ожидании чуда.

Затем рот открыл другой:

— Эйк, моги...

Тишина. Третий:

— Моги нам...

Затем подключилось еще несколько:

— Жалста...

— Эйк... Эйк...

— Жалста...

— Моги... моги...

— Эйк...

— Моги...

Через секунду хор из тоненьких жалобных голосов заполнил коридор.

С минуту Начальник слушал этот «концерт» молча, укоризненно поджав губы. На какую-то долю секунды мне показалось, что он сейчас уйдет. Просто развернется и уйдет, но этого, к моему огромному облегчению, не произошло. Что-то вынудило Начальника сдаться.

— Твою мать... — с чувством выговорил он, глядя на утирающих слезы нас и кучу желтоглазых Фурий под ногами. — Детский сад...

Помолчал еще, покачал головой, затем жестко посмотрел на Клэр и отдал приказ, от которого у всех присутствующих радостно заколотилось сердце:

— Отнеси их в спальню, положи на кровать, и НИКОМУ не входить, пока я не закончу.

Посреди радостных воплей, бубня что-то нелицеприятное себе под нос, Дрейк принялся разуваться.

Часы показывали половину пятого утра, а мы с Клэр, возбужденные и взволнованные, все еще сидели на кухне, неспособные утомиться. Пили вино, жевали крекеры и разговаривали. В основном, о последних событиях и о том, что судьба порой бывает несправедлива. Но именно сегодня Удача повернулась к нам лицом — и теперь, наравне с нами, в диалоге активно пытались принять участие тридцать пять Фурий. Да, тридцать пять. Как и в старые добрые времена.

Глядя на места слипшуюся шерсть, мы качали головами: сердце щемило от нежности. Пусть странные, пусть неспособные нормально говорить, но в совершенстве перевоплощаться, они стали для нас родными. Как хорошо, что эта ночь не закончилась на траурной ноте и не нужно никого хоронить с камнем на сердце, пытаясь проглотить горькую пилюлю.

Да, время лечит. Наверное, оно вылечило бы и потерю пятерых странных существ, однажды ночью вставших на защиту этого дома, но каждый подобный случай оставляет шрам под кожей, невидимый окружающим и ежесекундно ощущаемый тобой. И каждый такой случай добавляет в жизни пустоты.

Сегодня благодаря Дрейку пустоты не было. Была усталость, был глупый смех без причины и были нервные слезы — следствие шока. До самого восхода мы пытались придумать тридцать пять уникальных имен, слыша в ответ от Смешариков либо радостное «Ага!», либо укоризненное «Не-е-е...», и разражались смехом, запивая душевное облегчение алкоголем. Спать разошлись только тогда, когда хромированные поверхности осветили розоватые лучи восходящего солнца.

Здесь ничего не изменилось.

Все тот же двор, та же железная горка и одинокая песочница, ленточка серебристого «дождика», привязанная кем-то на дерево еще в прошлом году и с тех пор одиноко

болтающаяся на ветру. И тот же панельный дом в вечерних сумерках.

Где-то в глубине квартиры на шестом этаже мама. Может быть, читает, может быть, пьет чай или смотрит телевизор. Надо бы подняться, вот только почему-то не хотелось. Прислонившись к холодной трубе — стойке качелей, я просто стояла и смотрела на собственный дом, пытаюсь разобраться в странных ощущениях.

Этим утром я почувствовала себя гораздо лучше: усталость спала, боль тоже. Позавтракав, а точнее сказать, пообедав на кухне (завтрак мы все благополучно проспали) под умильный гвалт Смешариков, пытавшихся перечислить все, что они хотят в следующем меню (а это «ешня, иня и нанас» — черешня, дыня и ананас), я решила, что неплохо бы проверить: вернулись ли обратно утерянные способности. Поэтому, пока Клэр, подобно вежливому официанту, с умильным видом записывала в блокнот список из фруктового ассорти, я оделась и некоторое время размышляла, куда же прыгнуть.

А пять минут спустя, уже одетая и обутая, стояла перед многоэтажным домом в собственном дворе.

Значит, способности вернулись. Представить картинку четкой и ясной получилось не сразу, но все же получилось. Еще пара дней — и все станет как прежде: быстро и легко.

Наверное, стоило ожидать большей радости от посещения этого места, но ее почему-то не было.

Этот мир становился все более чужим. Если раньше чужими были ходящие по улице прохожие и их проблемы, то теперь все более чужой становилась собственная семья.

И это тяготило.

Я менялась. Менялись привязанности, привычки, цели, желания. Я будто бы ушла в новую жизнь. Так случается, когда дочь выходит замуж. Вот только в случае замужества время для разделившихся членов семьи течет одинаково, а не застывает стоп-кадрами, стоит лишь чаду покинуть отчий дом. Вернется чадо — жизнь «разморозится» и сдвинется на несколько минут вперед, уйдет — все снова застынет, будто в леднике.

Вот только с каждым разом становилось все труднее вспоминать, на чем закончилась «прошлая серия» и с чего должна начаться новая. Что говорить, как себя вести? У меня сотня событий за неделю, а у них всего лишь тот же вечер, те же дела, тот же фильм по телевизору...

Мама, дядя Толя, бабушка — они оставались прежними, а я шла вперед, и пропасть между нами с каждым днем увеличивалась. Слишком сложно стало притворяться «старой» Динкой. К тому же я, положив руку на сердце, уже почти забыла, какой она была раньше... Менее уверенной? Более робкой? Без нового амбициозного блеска в глазах и ауры невидимой силы, которая все росла и росла, грозя в будущем стать слишком заметной для этого давно уложившегося в привычные рамки мира?

Совесть болезненно подвывала.

Видимо, так случается: можно стать другим, можно уйти вперед или в сторону, оставив кого-то или что-то в стороне. А они так и будут ждать назад родную и знакомую Динку, не подозревая о том, что та вот уже несколько месяцев как исчезла. Каждый вечер мама будет ждать поворота ключа в дверях и знакомых шагов, а они, наверное, вообще не прозвучат, потому что возвращаться сюда с каждым разом все тяжелее.

По дорожке перед подъездом, шурша большими желтыми пакетами с надписью «Кора», прошагала тетка. Подскользнулась на покрытом тонким льдом тротуаре, опять обрела равновесие и скрылась за углом.

В вышине, спереди, сбоку и позади горело множество окон — обычный квартал из высоток обычного города, утонувший в плотной синеве вечернего воздуха. Гул машин с дороги, хохот устроившегося с пивом в руках молодняка у соседнего подъезда.

Все то же начало Ноября. Уже ставшее вечным.

Была в этом всем какая-то неправильность, в этом застывающем намертво времени.

Уж лучше бы оно шло. Лучше бы люди в мое отсутствие менялись и старели: подобный ход времени адекватно, пусть и не без грусти, воспринимался сознанием. А когда вот так...

Для того чтобы внести необходимые и желанные изменения: чтобы достать маме денег на ремонт, чтобы бабушкина лотерея закончилась выигрышем — здесь следовало проводить гораздо больше времени. Недостатка в идеях не было. Недостаток был в желании.

Я не могла себя понять, и от того кружила в самобичевании.

Неужели я больше не люблю маму? Ведь люблю же? Тогда почему не хочу подниматься в квартиру?

Как же совместить все эти рвущие на части противоречия?

Тогда, стоя перед собственным домом и глядя в светящееся окно кухни, я еще не знала, что очень скоро все изменится. Что события, сгрудившиеся за ближайшим жизненным поворотом, только и поджидают момента, чтобы наброситься, закружить, замести в свой водоворот, почти что утопить в нем.

Тогда мне казалось, что в мире нет сложнее проблемы, чем понять, что превратило любящую дочь в отстраненного от семьи чужого человека, но оказалось, что показавшиеся на поверхности изменения, уже так сильно всклокочившие переживаниями реальность — это лишь вершина поднимающегося из глубины судьбы айсберга.

Может быть, я все же поднялась бы наверх и провела вечер дома, пытаюсь прикинуться «совершенно-обычной-дочкой». А может, простояв в стылом дворе еще пару десятков минут, решила бы переместиться куда-то еще, когда настойчивый зуд чипа в плече уведомил о том, что в ближайшее время принимать решения о том, где мне быть, будет Дрейк.

То был вызов в Нордейл. И испытал смесь грусти и облегчения, в последний раз посмотрев в окна своей квартиры, я прыгнула назад.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Деление на ноль — неисполнимая ошибка в коде приложения, приводящая к зависанию всей системы. *(Здесь и далее прим. автора.)*

«Гребаный закрытый этаж».

Страйкбол — командная военная игра, где в качестве игрового снаряжения игроки используют мягкую пневматику, приводимую в действие электродвигателем, газовой смесью или углекислотой.

«Ангел» — с виранского.